

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА 2023

1-2(38-39)

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1–2(38–39)

МОСКВА
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредитель

Институт языкознания РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Баку, Азербайджан), Ш.Х. Акалын (Анкара, Турция), А.А. Акматалиев (Бишкек, Кыргызстан), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл, Россия), И. Вашари (Будапешт, Венгрия), Дж.Н. Вашингтон (штат Пенсильвания, г. Суортмор, США), Н.Х. Гаджихамедов (Махачкала, Россия), М.З. Закиев (Казань, Россия), Н.И. Егоров (Чебоксары, Россия), Л. Карой (Уппсала, Швеция), М.С. Качалин (Стамбул, Турция), А.Б. Куделин (Москва, Россия), К.М. Миннуллин (Казань, Россия), А. Нурмухаммедов (Ашхабад, Туркменистан), М. Ольмез (Стамбул, Турция), А. Рона-Таш (Будапешт, Венгрия), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург, Россия), М.З. Улаков (Нальчик, Россия), Д.А. Функ (Москва, Россия), Ф.С. Хакимзянов (Казань, Россия), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва, Россия), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)

Зам. главного редактора: А.В. Дыбо (Москва), З.Н. Экба (Москва)

Ответственный секретарь: З.К. Алжанбекова (Москва)

Члены редколлегии: М.И. Алиева Чинар (Бурса, Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), Л.Л. Габышева (Якутск), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), Е.М. Напольнова (Москва), И.А. Невская (Франкфурт, Германия), Ф.Ш. Нуриева (Казань), Е.А. Оганова (Москва), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), А.В. Савельев (Москва), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.С. Селендили (Симферополь), Р.А. Тадинова (Москва), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Н.С. Уртегешев (Новосибирск), Т.М. Хаджиева (Москва), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), И.В. Шенцова (Новосибирск)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2023
© Российский комитет тюркологов, 2023

№ 1–2(38–39)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
THE COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS

Russian TURKOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Baku, Azerbaijan), Ş.H. Akalin (Ankara, Turkey), A.A. Akmataliyev (Bishkek, Kyrgyzstan), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl, Russia), A.A. Chechenov (Moscow, Russia), M. Erdal (Israel), D.A. Funk (Moscow, Russia), N.Kh. Gadzhiakhmedov (Makhachkala, Russia), J. Janhunen (Finland), M.S. Kaçalin (Istanbul, Turkey), L. Károly (Uppsala, Sweden), F.S. Khakimzyanov (Kazan, Russia), A.B. Kudelin (Moscow, Russia), K.M. Minnullin (Kazan, Russia), A. Nurmukhammedov / Nurmukhammedow (Ashkhabad, Turkmenistan), M. Ölmez (Istanbul, Turkey), A. Róna-Tas (Budapest, Hungary), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg, Russia), M.Z. Ulakov (Nal'chik, Russia), I. Vásáry (Budapest, Hungary), J.N. Washington (Swarthmore, USA), N.I. Yegorov (Cheboksary, Russia), M.Z. Zakiyev (Kazan, Russia), P. Zieme (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),

Deputy Editor-in-Chief: A.V. Dybo (Moscow), Z.N. Ekba (Moscow)

Executive Secretary: Z.K. Alzhanbekova (Moscow)

Members of the editorial board: M. Aliyeva Çınar (Bursa, Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), L.L. Gabysheva (Yakutsk), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), T.M. Khadzhiyeva (Moscow), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), E.M. Napolnova (Moscow), I.A. Nevskaya (Frankfurt, Germany), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), E.A. Oganova (Moscow), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), A.V. Savelyev (Moscow), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novosibirsk), R.A. Tadinova (Moscow), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk), N.S. Urtegeshev (Novosibirsk).

The scientific journal "Russian Turkology" is a continuation of the journal "Soviet Turkology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turkology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2023

© The Committee of Russian Turcologists, 2023

№ 1–2(38–39)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 5–25. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 398.224

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-5-25

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

НАСКАЛЬНЫЕ НАДПИСИ НА ЧАРЫШЕ

*Игорь Леонидович Кызласов*¹

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Россия
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Scopus ID: 57191727444
e-mail: kyzlasovil@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Кызласов И.Л., 2023

Памяти неутомимого исследователя Горного Алтая,
археолога Бориса Хатмиевича Кадикова (1932–2010)

Аннотация: На рубеже XX и XXI вв. стало понятно, что скопления наскальных енисейских рунических надписей на Горном Алтае указывают места бывшего расположения манихейских монастырей. Два таких особенных места, отмеченных молитвенными надписями на скалах Бичикту-Бом на р. Кара-Коле и Ялбак-Таш на р. Чуе, были изучены по сохранившимся до наших дней оригиналам. Надписи третьего места – скалистых выступов горы близ современной деревни Мендур-Соккон на р. Чарыше – ныне известны только по рисовкам обнаружившего их в 1959 г. археолога Б.Х. Кадикова. Новые попытки частичного прочтения этих граффити показывают их молитвенное и миссионерское назначение, а особенности их правописания позволяют думать о том, что руническое письмо в его алтайском варианте енисейского алфавита учили люди, уже знавшие письменность с иным азбучным строем. В целом изучаемые наскальные строки обогащают современные знания религиозной лексики и подтверждают ряд философских понятий северного, сибирско-тюркского манихейства. В их круг входят и первые рунические надписи, обнаруженные на Горном Алтае горным инженером Г.И. Спасским в начале XIX в.

Ключевые слова: Горный Алтай, наскальные молитвенные надписи на реке Чарыш, енисейское руническое письмо, северное сибирско-тюркское манихейство, IX–X вв.

Благодарность: Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

Для цитирования: Кызласов И.Л. Наскальные надписи на Чарыше // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 5–25. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-5-25.

Rock inscriptions on the Charysh

*Igor Leonidovich Kyzlasov*¹

¹ Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Habil in History, Leading Researcher
Scopus ID: 57191727444
e-mail: kyzlasovil@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Kyzlasov I.L., 2023

In memory of the tireless explorer of Gorny Altai,
archaeologist Boris Khatmievich Kadikov (1932–2010)

Abstract: At the turn of the 20th and 21st centuries, it became clear that clusters of rock Yenisei runic inscriptions in the Altai Mountains indicate the former locations of Manichaean monasteries. Two such special places, marked with prayer inscriptions on the rocks of Bichiktu-Bom on the river Kara-Kole and Yalbak-Tash on the river Chue were studied from originals that have survived to this day. Inscriptions of the third place – rocky mountain ledges near the modern village of Mendur-Sokkon on the river Charysh – are now known only from the drawings of the archaeologist B. Kh. Kadikov, who discovered them in 1959. New attempts to partially read these graffiti show their prayerful and missionary purpose, and the peculiarities of their spelling suggest that the runic writing in its Altai version of the Yenisei alphabet was taught by people who already knew writing with a different alphabetical system. In general, the studied rock lines enrich modern knowledge of religious vocabulary and confirm a number of philosophical concepts of northern, Siberian-Turkic Manichaeism. Their circle also includes the first runic inscriptions discovered in Gorny Altai by mining engineer G.I. Spassky at the beginning of the 19th century.

Key words: Gorny Altai, rock prayer inscriptions on the Charysh river, Yenisei runic writing, northern Siberian-Turkic Manichaeism, 9th–10th centuries.

Acknowledgment: The work was carried out within the framework of the State assignment of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences No. NIOKTR 122011200266-3.

For citation: Kyzlasov I.L. Rock inscriptions on the Charysh // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 5–25. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-5-25.

На рубеже веков стало понятно, что скопления наскальных енисейских рунических надписей на Горном Алтае указывают на места бывшего расположения манихейских монастырей [Кызласов 2004]. Два таких особенных места, отмеченных молитвенными надписями скалы Бичикту-Бом (алт. *Бичикту-Боом*) на Кара-Коле и Ялбак-Таш (алт. *Ялбак-Таш*) на Чуе (алт. *Чуй-Суу*), были изучены по сохранившимся до наших дней оригиналам [Кызласов Л.Р. 1997: 110–112, рис. 4; Кызласов 2000: 90–97, рис. 4–7; 2001a: 112–116, рис. 1–6; 2001b: 250, рис. 8; 2003]. До недавнего времени было на Горном Алтае и третье место скопления рунических надписей – скалистый выступ горы в урочище Кара-Су (алт. *Карасу* ‘Родник’) близ современной деревни Мендур-Соккон (алт. *Мөндүр-Соккон* ‘Побитое градом’) на Чарыше (алт. *Чарас-Суу*) (рис. 1).

Обнаруженные Б.Х. Кадиковым в 1959 г., эти надписи так и остались известны только в его прорисовках, так как в 1970-е гг. были уничтожены при взрывных работах для улучшения местной дороги. Сохранился лишь небольшой камень с вертикальным граффито Мендур-Соккон V, увезенный Б.Х. Кадиковым

Рис. 1. Горный Алтай. Урочище Кара-Су близ Мендур-Соккона. Мыс горы, содержащий надписи. Беседка близ места поклонения роднику-аржану, бьющему под скалой. Вид с юго-запада. Фото автора, 1994 г.

в Бийский музей (рис. 2) [Сейдакматов 1964: 95, 98, рис. 4; Кызласов И.Л. 1999а; 2001а: 117–120, рис. 7; 2001б: 250, рис. 9]. В апреле 1998 г. студентом филологического факультета Горно-Алтайского университета Эзеном Николаевичем Шалдутовым в Республиканский краеведческий музей был сдан еще меньший камень, отысканный им в июле 1997 г. в том же урочище Кара-Су и содержащий, вероятно, две кратких рунических строчки (инв. № 10472). Ныне одна из них издана в виде фотоснимка и условного рунического набора вместе с попыткой прочтения [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 136, 137, илл. 163].

В литературе открытие столь значимого эпиграфического памятника близ Мендур-Соккона относят к 1960 г., что противоречит словам самого Б.Х. Кадикова об обстоятельствах открытия «первой большой надписи, найденной в Горном Алтае» полтора века спустя со времен обнаружения и издания наскальных

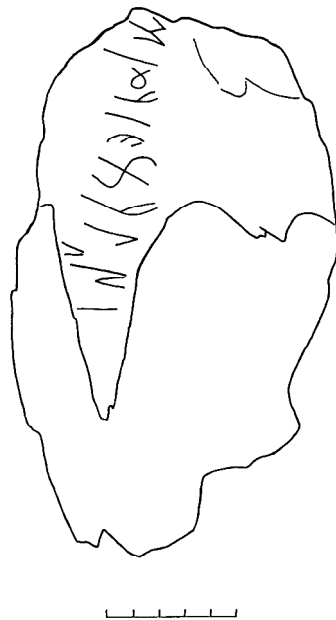

Рис. 2. Медур-Соккон. Плитка с надписью V. Экспонат Бийского музея. Прорисовка автора.

рунических строк Г.И. Спасским [1818: 77, табл. II, 4]. Говоря о своей находке, Б.Х. Кадиков указывал: «В ней было более ста знаков»¹. В августе 2001 г. в Бийском музее Борис Хатмиевич показал мне свои пластилиновые слепки мендурсокконских надписей и дал скопировать оригиналы их прорисовок, которыми пользуюсь здесь (рис. 3, 6, 7, 1). Как оказалось, изданные прорисы в деталях отличаются от подлинников. Понимая значение своей находки, профессиональный археолог Б.Х. Кадиков копировал надписи с исключительной точностью, передавая все повреждения поверхности с текстом (рис. 3, 1), затем изготавливал чистовые прорисовки строк (рис. 3, 2). Видимо, он рассылал лингвистам их доработанные копии.

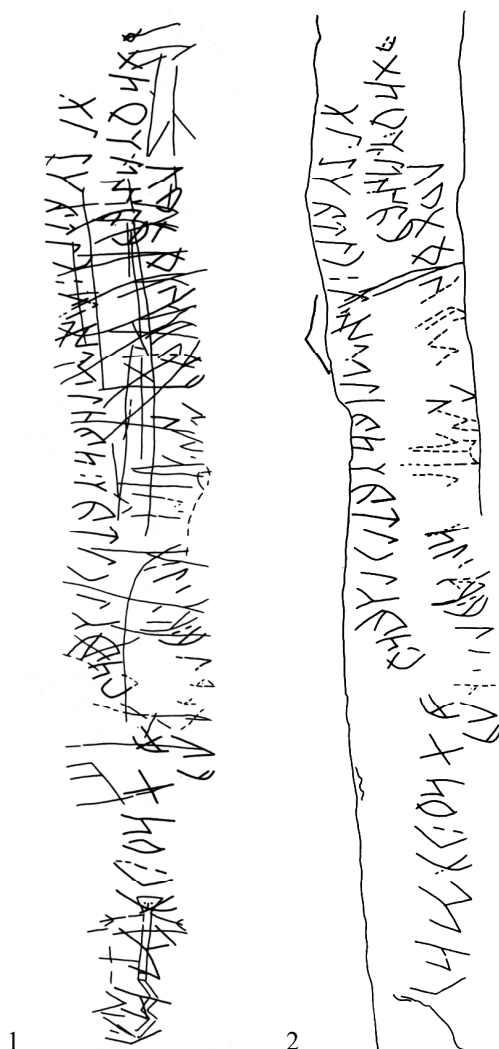

Рис. 3. Верхняя часть «большой вертикальной надписи» (Мендур-Соккон I).
На деле группа из трех отдельных строк. Два варианта прориси Б.Х. Кадикова

¹ Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20131220195154/http://altapress.ru/story/92106>
(дата обращения: 22.10.2023).

Несколько попыток прочтения этих текстов, предпринятые как молодыми, так и известными тюркологами [Сейдакматов 1964: 95–101; Баскаков 1966; Тенишев 1966: 262–264], а затем рунологами (лингвистами и историками) – составителями сводов памятников Алтая [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 129–138; Васильев 2013: 42–73] не принесли результатов по причине занимаемых исследователями исходных позиций. Во всех случаях они исходили из стойкого, но во всем внеисторического представления о возможности, как сегодня, произвольного письма на скалах любого случайного человека средневековья. Эта методическая ошибка, игнорирующая историко-культурную природу эпиграфических памятников, закономерно приводит к невнятному прочтению порознь изучаемых наскальных надписей, фактически полностью лишенному также и филологического научного значения: оно не дает ни достоверной лексики, ни реально существовавшей грамматической системы (ср.: [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 54–65; Васильев 2013: 77–101]). К этому надо прибавить недостаточную подготовленность исследователей к полевой работе с камнеписными текстами [Кызласов 2005: 431–435; 2022а; 2022б: 22–28, рис. 6–8].

В данном случае понимание надписей осложняется отсутствием погибших оригиналов и сложностью восприятия оставшихся копий, а также неправильной для рунического письма орфографией самих надписей. Связь их с манихейской религиозной практикой, создающая границы возможного содержания написанного, осталась и остается неизвестной или не учитывается исследователями. Между тем, изданные прорисовки позволяют считать, что на скале близ Мендур-Соккона было не три надписи, как полагали поначалу, а шесть плотно расположенных, но самостоятельных граффити. Новые сводные издания [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 129–138; Васильев 2013: 42–73] включают в ближайших окрестностях соответственно 9 и 8 отдельных надписей и их групп.

Многолетняя работа с руническими надписями Алтая приучила к тому, что в них нередко можно встретить орфографию, необычную для иных мест распространения орхонского и енисейского алфавита [Кызласов 1996; 1999б]. Надписи Мендур-Соккона как раз из этого ряда. Однако методика преодоления таких сложностей в отношении кратких рунических надписей известна. Она давно осмыслена, сформулирована [Кызласов 1994: 173, 180–203; 2005: 431–435] и многократно проверена на практике [Кызласов 2003 и др.]: единственно верно читать любую краткую надпись не обособленно, саму по себе, а при учете смысла всех иных наскальных начертаний подобного рода.

Работа над прочтением камнеписных строк Мендур-Соккона еще не завершена, но даже те отрывки фраз, которые удалось разобрать, уточнив ранее предложенные прочтения [Кызласов 2004: 125] и приведя новые, убеждают в религиозном назначении этих надписей. Поскольку здесь прочтения предлагаются впервые, придется кратко привести их обоснования.

Так, в верхней части так называемой «большой вертикальной надписи» (Мендур-Соккон I), по-видимому, содержавшей три самостоятельных записи, два отдельных начертания (нижнее Мендур-Соккон I/2 и верхнее I/3) (рис. 3, 1, 2, 4, 1) определенно содержали личные имена и завершались хорошо известной среди наскальных граффити формулой $\Rightarrow X H \& b(i)t(i)d(i)m'$ 'я написал'.

Третья, левая, наиболее длинная строка (Мендур-Соккон I/3) после 11-го знака изменяет направление, уклоняясь от уже бывшей на скале правой строки Мендур-Соккон I/1. Единство резного текста обозначено словоразделительной отметкой (знак 11-й), указывающей на продолжение надписи, и тремя рунами 12–14 **с н я** *btg*, соединяющими обе строчные линии (рис. 3, 2, 4, 1). Форма знака **я** в обеих частях сменившего направление текста выявляет одну руку писавшего. В целом поддающаяся разбору часть надписи такова (номера знаков введены для удобства обсуждения):

Опуская начальную формулу (11 первых знаков), указывающую на личное имя писавшего (к нему см.: [ДТС 1969: 629]) и сам факт нанесения надписи: *ütr(ü)kü b(i)t(i)d(i)m* ‘Я, Утрюку, написал (это)’, текст допускает два различных прочтения. Первый вариант содержит призыв к писцу, что выглядит необычно и потому маловероятно: *b(i)t(i)gčī (a)nī küg(ü)l<...> (a)nī küg(ü)l <...>* ‘Писец, готовься и возвысься <...> готовься и возвысься <...>’ (см.: ДТС 1969: 45, 103, 325]. Однако допущенный перелом строки дает возможность видеть в рунах 12–14 и 15–18 не одно, а два слова (так сказать, **Е Н Я** и **Г О Г Л**), которые можно было бы читать *b(i)t(i)g čīnī* ‘истина надписи’, а то и ‘истина Писания’ [ДТС 1969: 148, 149].

Использование китайизма *ċin* получило подтверждение в 1997 г. в результате находки В.А. Кочеевым новой надписи в урочище *Ўстўзў-Сары-Кобы* ('Верхний Желтый лог') на р. Кара-Коле. Там десятью руническими знаками на скальном выходе вырезано: **Y E ↑ ↑ J J ↑ J X >** *öd (u)ċuq ċ(i)nī kūg(ü)l* 'Время, окончись! Истина Его, возвысься!' (рис. 5) [Кочеев, Кызласов 2007]. Содержание этой лаконичной надписи полностью соответствует манихейской религиозной доктрине. В истории мира она выделяла три срока: на первом не существовало времени, поскольку тогда не было ни неба, ни земли, и Свет с Мраком не были смешаны; второй была эра смешения Света и Мрака, в ней и живет человечество; а третий срок, может быть, также не следует называть временем, так как когда Свет вновь отделится от Мрака, счет времени и материальный мир существовать перестанут.

² В транскрипциях через $\{a\}$ обозначается руна $\mathfrak{A}$, служащая словоразделом, подчеркнутая пара букв (например, $k\ddot{u}$) в оригинале написана одной руной.

Рис. 5. Надпись Устюги-Сары-Кобы. Прорисовка автора.

По надписи Устюги-Сары-Кобы можно заключить, что ‘временем’ (*öd*) сибирскими манихеями именовался только срединный период – от начала смешения до конечного безвременья. Так понимали три манихейских космогонических срока и другие манихейские тексты, выполненные на разных языках и различными письменными системами – от раннесредневекового Китая и уйгурского Восточного Туркестана до коптской Северной Африки [Кефалайя 1998: 386–388]. В этом состояла в манихействе суть Истории. Истории мира и истории человечества. Суть всеобщего начала и вселенского конца. Именно эту Истину нес людям Мани, считая себя четвертым и последним пророком людского рода. Достижение глобального понимания этой Истины – главной цели вероучения – и обосновывало его общий мировой характер. Осознанно направленная ко всем существовавшим народам такая убежденность и была корнем манихейского миссионерства, несущего всему свету единственную и главную Истину.

Стремление освободить вечную душу от бренного тела и материального мира, обрести вечную безмятежность (в чем и состояла задача подлинного манихея) привело, как видим, к нанесению молитвенной надписи на реке Кара-Коле. Согласно манихейской философии, такое освобождение духа позволяло увидеть лицо верховного бога – Отца Величия, без чего не могло произойти соединения разлитого и смешенного в мире Света. Ходу времени подвластны только земные творения, светлые божества существовали всегда и будут вечно. В понимании этого, в сознательном приближении конца срединного времени и наступления чистой вечности и состоит «Его Истина».

Вот о чем повествуют 10 енисейских рунических знаков, вырезанных в урочище Устюги-Сары-Кобы. Появление наскальной надписи такого содержания вновь убеждает нас в существовании на р. Кара-Кол раннесредневекового ма-

нихейского монастыря. О той же Истине идет речь и в разбираемой здесь надписи, оставленной тысячелетие назад на прибрежной скале Чарыша.

Помимо философских понятий, присущих манихейству, в этой надписи привлекает внимание сочетание слова *ĉin* именно с глаголом *kügül-*, записанным совершенно таким же образом, как и в Мендур-Соккон I/3 (через ↑ *kü*). Следует полагать, что перед нами устойчивое выражение, связанное с манихейской церковной литературой и службой.

Обе надписи сближает и особенность орфографии. В них руна > обозначает не твердые губные гласные *o/u*, как следовало бы, а мягкие *ö/ü*.

Три строки, вырезанные ниже группы Мендур-Соккон I/1–3, обозначаются как Мендур-Соккон II, хотя поначалу они воспринимались как часть «большой вертикальной надписи», и в публикации К. Сейдакматова [1964: 96, рис. 1] для стыковки с верхними начертаниями были указаны два их первых знака (рис. 4, 2)³. На деле здесь три самостоятельных надписи: длинная строка справа и две коротких. Вероятно, неслучайно малые надписи теснятся близ большой (рис. 6).

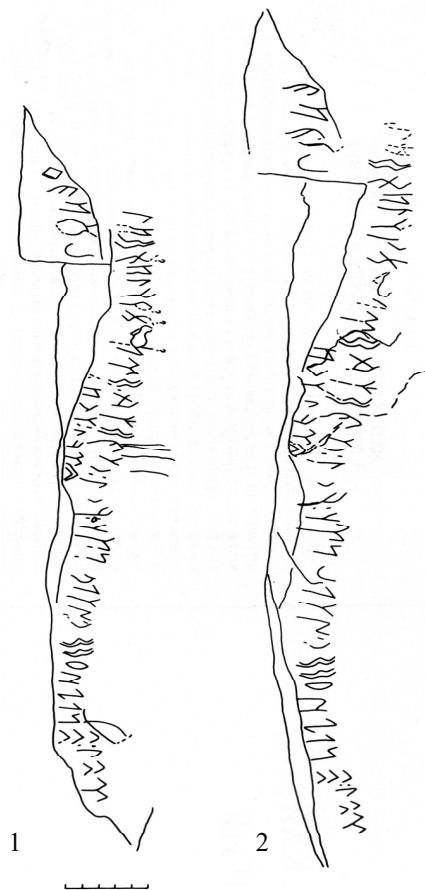

Рис. 6. Группа из трех надписей Мендур-Соккон II/1–3.
Варианты прорисовки Б.Х. Кадикова.

³ Как мы видели, в этом К. Сейдакматов разделял мнение Б.Х. Кадикова.

В начале длинной строки Мендур-Соккон II/1, подобно выше размещенному граффито, допущен сбив строки. На этот раз он, видимо, вызван скальным выступом, отмеченным на одной из прорисовок Б.Х. Кадикова (рис. 6). Как и Мендур-Соккон I/3, камнеписный текст начат с личного титулованного здесь имени, а обе части надписи связаны переходящим со строки на строку написанием одного слова (знаки 5–9). Поддающийся прочтению отрезок надписи содержит 23 начальных знака: <...> :**Ч**²⁰**У**²⁰**М**²⁰**Д**²⁰**Т**²⁰**У**²⁰**Н**¹⁵:**Д**¹⁰**З**¹⁰**З**¹⁰**Д**¹⁰**Н**¹⁰:**Т**¹⁰**Ч**¹⁰**М**¹⁰**А**⁵**А**⁵:**Т**¹⁰**А**¹⁰**У**¹⁰ (*e*) *r* (*a*) *t* *i* *s* (*a*) *t* (*i*) *r* (*a*) *p* *q* (*i*) *j* *d* (*i*) *d* (*i*) *n* *ö* *l* (*ü*) *p* *b* (*a*) *r* (*e*) *r* (*i*) *η* ‘Его имя эра Сатыр-апа, от мучений умерев, имеет гной’.

Вероятно, повествуя о грешнике, эта часть текста имеет весьма своеобразное содержание. Указанное личное имя звучит оскорбительно (‘безродный’), далее речь идет о гибельных мучениях (постигшей каре?) и отталкивающем последствии (хотя эту фразу (руны 21–22), наверное, можно прочесть иначе). К словарному составу см.: [ДТС 1969: 441, 442, 491]. Несмотря на малопонятное содержание получено связное прочтение. Быть может, оно получит объяснение при обнаружении новых наскальных надписей Горного Алтая. Как получило ясное и глубокое понимание на первый взгляд невнятное прочтение лаконичной строки Устю-гю-Сары-Кобы и небольшого фрагмента длинной надписи Мендур-Соккон I/3.

В краткой надписи Мендур-Соккон II/2 всего 7 рун и разделительный знак, казалось бы, облегчающий понимание: **Н**¹⁰**У**¹⁰:**Т**¹⁰**У**¹⁰**А**¹⁰. Но ни следуя правильной рунической орфографии, ни нарушая ее нормы в отношении руны **У**, вразумительного прочтения предложить не удастся. Нет возможности понять и что написано в другой краткой строке этой группы.

В начале «малой вертикальной надписи» Мендур-Соккон III, состоящей из 22 рунических знаков (рис. 7), **У**²⁰**Е**²⁰**У**²⁰**Ч**²⁰**Н**¹⁵**Т**¹⁰**Д**¹⁰:**А**¹⁰**Д**¹⁰**Т**¹⁰**У**¹⁰**Ч**¹⁰**Н**¹⁵**Т**¹⁰**Д**¹⁰**У**²⁰**Ч**²⁰**Н**¹⁵ читается вполне манихейский призыв очищения от плотского (руны 1–9): *q* (*a*) *r* (*a*) *q* (*i*) *s* (*ü*) *l* – ‘От черных нечистот (букв. навоза) очищайся’ с последующим рефреном (руны 16–19) *s* (*ü*) *l* ‘очищайся’ [ДТС 1969: 440, 519]. Восприятие тела как скопления нечистот и навоза (*q* (*i*)) встречается в уйгурском переводе буддийской сутры «Золотой блеск» (Altun jaruk). Там же имеются заметки руническим письмом – читавший эту рукопись был манихеем [Габен 1986: 171]. Остается сказать, что если облик большинства примененных здесь знаков принадлежит к енисейскому письму (особо характерна буква **А**), то руна **У** часто применяется в его алтайском варианте и читается как *čil*/*ič*.

Показательна для нашей темы, как мы видели, единственная уцелевшая надпись Мендур-Соккон V⁴ – небольшой камень с вертикальным граффито, отдельно стоявший у самого окончания скалистой гряды на границе поймы и увезенный Б.Х. Кадиковым в Бийский музей [Кызласов 2001а: 117] (рис. 2). Изученная в подлиннике надпись содержала лаконичный девиз манихейского миссионера:

⁴ Следуя подсчетам как самого первооткрывателя, так и первоиздателя («Б.К. Кадиков <...> нашел четыре надписи енисейского типа (одну на обломке скалы, три на скалах)» [Сейдакматов 1964: 95]) надписи был дан порядковый номер IV [Тенишев 1966: 264; Кызласов 1999а; 2001а: 117, 118, рис. 7). Однако, по порядку размещения иллюстраций в публикации 1964 г., нижняя часть основной группы оправданно получила обозначение II, а надпись на малом камне следует считать пятой.

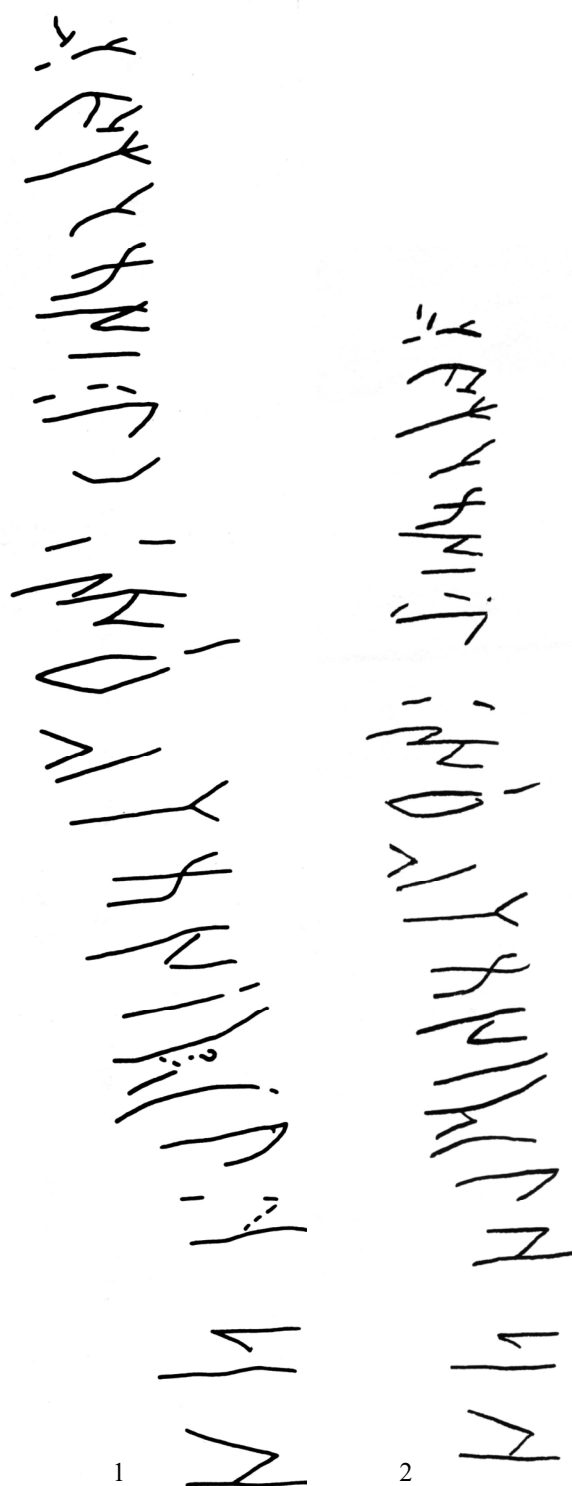

Рис. 7. «Малая вертикальная надпись» Мендур-Соккон III. Прорисовки Б.Х. Кадикова:
1 – не издававшаяся копия, 2 – изданная копия (Сейдакматов 1964: рис. 3).

Роднит монастырские надписи также и намеренно тесное размещение вырезанных строк, явно присоединявшихся к уже нанесенным. Если для плоскостей Бичикту-Бома в большинстве случаев не удастся установить порядок нанесения надписей [Кызласов 2003: рис. 7, 17, 21], лишь иногда видно, что последующая строка нанесена справа [Кызласов 2003: рис. 3, 16] или слева [Кызласов 2003: рис. 7, 3, 5, 21, 19; 2004: рис. 5, 3, 5, 6, 19], то для групп Мендур-Соккон I и II совершенно ясно, что в обоих случаях дважды добавлявшиеся надписи вырезались слева от имевшихся (рис. 3, 4, 6).

Другое дело – правописание монастырских надписей. На Кара-Коле классическая руническая орфография выдерживалась строго, так же вырезано и большинство строк на Чуе. Что касается надписей Мендур-Соккона, то в них, включая непрочитанные граффити [Сейдакматов 1964: рис. 2], руна для твердых губных гласных *o/u* передает мягкие *ö/ü* (Мендур-Соккон I/3, II/1 и 2, IV), такова и Вторая надпись из урочища Кара-Су (Устюги Карасу) [Васильев 2013: 72]. Напомню, что подобное использование этой буквы встречаем и в имеющей оговоренную лексическую параллель к Мендур-Соккон I/3 строке из Устюгю-Сары-Кобы на р. Кара-Коле (рис. 5).

Стойкое своеобразие использования руны в наскальных начертаниях Мендур-Соккона создает впечатление, что их авторы прошли одну школу обучения письму. Эту мысль подтверждают и иные палеографические особенности рассматриваемых надписей. Словно одной рукою выписаны овальные формы рун и с высокой спинкой, а также в разных строках Мендур-Соккон I/2 и I/3; также как и во Второй надписи из урочища Кара-Су. Письму в ту эпоху учили лишь в религиозных школах. Таков еще один довод в пользу того, что на Чарыше существовал манихейский монастырь.

Время появления монастырей на Кара-Коле и Чарыше, вероятно, общее. Палеографические особенности надписей Мендур-Соккона сохраняют многие черты, восходящие к орхонской письменности [Кызласов 1994: табл. XXIV], хотя в целом это надписи енисейского письма и направление их вертикальных строк – снизу вверх. Сочетание этих признаков позволяет относить надписи к уйгурскому времени – ко второй половине VIII – первой половине IX в.

Однако на Чарыш проникали и миссионеры иной выучки. Строго по-енисейски выписан знак для мягкорядного *b* – в «Горизонтальной строке» Мендур-Соккона [Сейдакматов 1964: рис. 2]. Таким же образом четырежды начертана эта руна и во всех трех тесно написанных самостоятельных надписях значительно ниже по течению – на том утесе, что стоял «близ левого берега реки Чарыша и ручейка, называемого Поперечным» и подарил миру благодаря Г.И. Спасскому [1818: 77, табл. II, 4] первую публикацию памятника рунического письма на Алтае⁵. В отличие от Мендур-Соккона классический енисейский облик имеют и руны для *m* () этого местонахождения (рис. 9).

⁵ В трудах Г.И. Спасского мне не удалось найти указания на год находки. Б.Х. Кади-ков называл 1807 г. (Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20131220195154/http://altapress.ru/story/92106> (дата обращения: 22.10.2023)). Быть может, имеет значение, что, читая доклад в Обществе любителей словесности, наук и художеств 7 мая 1810 г. в Санкт-Петербурге, Григорий Иванович обсуждал только письменные памятники Хакасии [Спасский 1810: 233, 235, 236, 240–243, табл. 1 и 2].

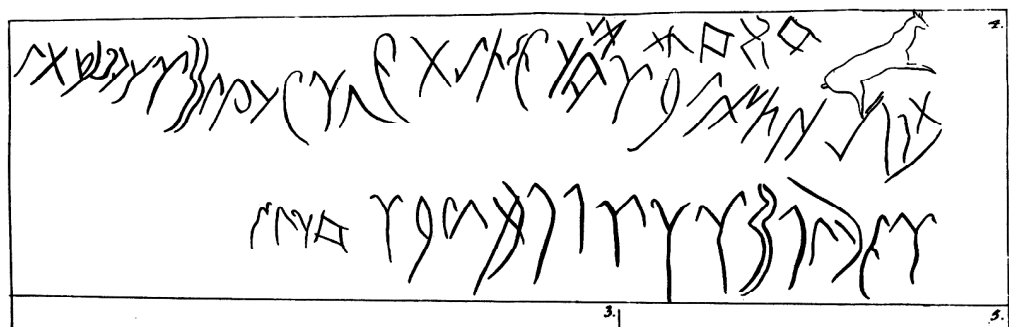

Рис. 9. Первое издание надписей Алтая. Рунические строки Чарыш I–III
(Спасский 1818: 77, табл. II, 4).

Из лингвистов-тюркологов первым эти рунические строки исследовал Э.Р. Тенишев [1958]. Судя по замечательному рисунку Г.И. Спасского, все надписи размещались на скале горизонтально и были вырезаны ясно. Точность воспроизведения позволяет судить о порядке их нанесения. Она была обратной нашему восприятию – не сверху вниз, а снизу вверх. Свободно размещенная нижняя строка появилась на плоскости первой (Чарыш I), средняя – уже использовала просвет между нею и изображением оленухи (Чарыш II), верхняя была последней (Чарыш III) и заняла оставшуюся узкую полосу, вероятно, вдоль продольной трещины или края скального выхода.

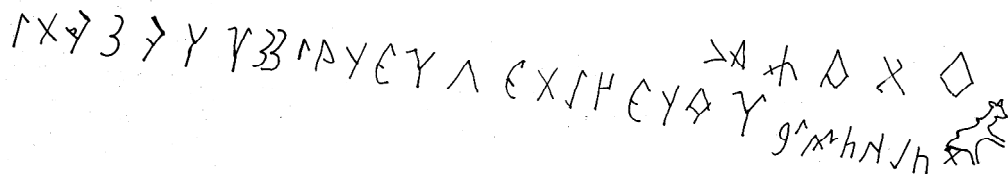
Опознать до конца первые 4–5 знаков надписи Чарыш I, начинающихся с несомненных $\epsilon \Upsilon r^2 g$, не удастся.

Далее читается: $\Upsilon \epsilon \Upsilon \text{X} \Upsilon 9 \text{J}^? \wedge \gg \Upsilon^? <...> \Upsilon \Upsilon 33 <...>$, т. е. $<...> (a)d^1(i)r^2(i)l^2 <...> (e)rm(i)\dot{s} \{a\} j(e)r b(e)ngu <...>$ отделись, $<...>$ была земля вечно’.

Этот фрагмент текста также содержит формулы, уже знакомые по наскальным скоплениям манихейских надписей. В них неоднократно говорится о ‘земле’ $\Upsilon 9$ *jer*, как о самостоятельной божественной сущности, постоянно называемой ‘темной, бурой’ $\text{z} \text{X} \text{D}$ *jayiz*, ‘священной’ $\uparrow 33 / \uparrow \text{X} / \text{X} \uparrow$ *ïduq* или ‘вечной’ $\Upsilon \epsilon \Upsilon \text{X} / \text{X} \epsilon \Upsilon \text{X}$ *bengü*. Обычно резные строки полны восторга и благочестивого трепета перед нею, что, несомненно, отражает древнейшие общетюркские мировоззренческие основы: $\text{J} \gg \text{X} \text{C} \text{J} \text{J} \approx 10 \text{J} \gg \Upsilon \uparrow \text{X} 5 \text{J} \Upsilon \text{z} \text{X} \text{D}$ *j(a)γ(i)z (j)(e)r {a} ïduq (j)(e)r(i)m {a} (a)tanīyma* ‘О, бурая земля – о, та, которая должна называться священной моей землею’ (Ялбак-Таш IV/ VI), $\wedge \gg \Upsilon \Upsilon \epsilon \Upsilon \text{X} \Upsilon 9$ *j(e)r b(e)ngu (e)rm(i)\dot{s}* ‘Земля вечно была’ (Ялбак-Таш I), $\text{J} \text{J} \text{J} \Upsilon \epsilon \Upsilon \text{X} \text{J} \gg \Upsilon 9 \text{X} \uparrow$ *id²(u)k j(e)r(i)m {a} b(e)ngü b(o)l(u)η* ‘О, моя Священная Земля, будьте вечной’ (Шалаболинская писаница, Хакасия, Е 36/3) [Кызласов 1998: 54; 2003: 9–13, 21–26, рис. 3, 4, 7, 9].

Однако существующий в строке Чарыш I порядок слов *jer bengü* противоречит расположению определяемого и определения в тюркских языках. Оставшееся слева от надписи свободное место на скальной плоскости не позволяет думать, что мысль оказалась незаконченной, т.е. нельзя допустить пропуск на письме глагола – *jer bengü [bol ~ bolun]* ‘Земля будь(те) вечной’. Предположить в писце инородца, плохо освоившего тюркский язык, мешают орфографические особенности, отличающие здешние длинные надписи. Меж тем показательно, что в надписи Чарыш II встречаем такую же ситуацию с порядком слов: *jer bengü*.

Начало второй строки (Чарыш II) на изданном рисунке передано не вполне ясно (рис. 9). Но в архивном материале Г.И. Спасского «Тамги восточных племен» (Гос. архив Красноярского края, Ф 805, оп. 1, д. 134), в записи этой надписи, известной мне по копии М.И. Боргоякова, переданной им Л.Р. Кызласову 1.08.1983 г., эти знаки обозначены четко (воспроизведение нижней строки на листе отсутствует) (рис. 10). Тем не менее предложить прочтение первых 7 письменных знаков не удастся. Далее, с 8-й руны, вырезанные слова вполне узнаваемы (за исключением, пожалуй, знаков 26 и 27, отождествляемых по архивной копии): $\Gamma X \dot{\gamma} z^{??} \dot{\gamma}^{??} 25 Y \Upsilon 33 \downarrow^{?} e 20 Y e \Upsilon n^{?} e 15 X \downarrow n e \Upsilon 10 \& \Upsilon 9 \dots j(e)r b(e)\eta g\ddot{u} \{a\} (\ddot{a})dg\ddot{u} (e)r(i)gl(i)g \{a\} (a)d^{\downarrow}(\ddot{i})r^2(\ddot{i})l^2$ ‘земля [будь] вечной, благой образ жизни будь отделен’.

Манихейскому содержанию соответствует и слово *ädgü* ‘благой’, и впервые встреченный в рунических памятниках *eriglig*, производное от *erig* ‘манера, поведение, образ жизни’ [ДТС 1969: 177]. С глаголом *adiril-* и его псевдорунической орфографией мы уже встретились в первой надписи на скале чарышского утеса.

Датировку чарышских надписей определяют два обстоятельства. С одной стороны, перед нами классическая енисейская палеография, с другой – сугубо местная псевдоруническая орфография и типичное алтайское использование руны ∇ в качестве словораздела (в транскрипции обозначаемое как $\{a\}$). Иными

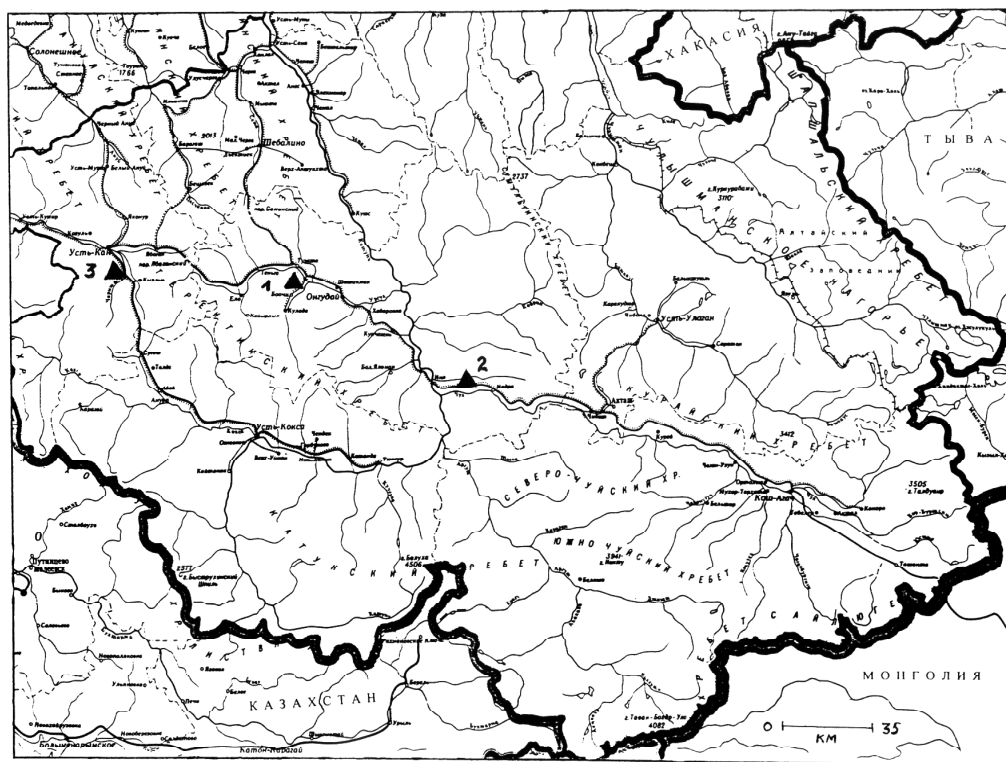

Рис. 11. Расположение монастырей на Горном Алтае:

1 — у скалы Бичикту-Бом, 2 — у горы Ялбак-Таш, 3 — в урочище Кара-Су.

нормами рунического правописания. Разнообразие алфавитов, отраженное в надписях на почитавшихся скалах (орхонский, разные варианты енисейского, южноенисейский), говорит о дальних монастырских связях. Откуда бы ни приходили верующие в долины Алтая, манихейские святыни оказывались для них общими.

Вместе с тем очевидна принадлежность подавляющего большинства наскальных надписей к алтайскому варианту енисейского письма. Особенно важно, что этот палеографический признак един для всех трех монастырских общин Алтая. Следовательно, все они принадлежали к одной письменной традиции, отличной от классического енисейского письма.

Другая особенность всех трех манихейских монастырей состоит в отсутствии всяких видимых ныне следов построек. Дело не только в том, что братья могла жить в деревянных или войлочных аилах. Необходимо осознавать иное: в выявляемых горных монастырях, в отличие от городских обитателей, не было монументальных храмов. Для Хакасии такие храмы описаны Абу Дулафом в 942 г. и археологически изучены в Уйбатском и Соргинском духовных центрах VIII–XII вв. [Кызласов Л.Р. 1998; 1999; 2001], для заалтайской кимацкой столицы на Иртыше они, по свидетельствам IX–X вв., упоминаются Ал-Идриси (XII в.) [Кумекон 1972: 111]. Остается полагать, что в монастырях, существовавших вне городов, деревянными были и культовые постройки, либо церковные обряды вершились

в еще более легких строениях. Книжная литургия, свойственная манихейству, требовала помещений. Для коллективных молебнов, регулярных в манихейских общинах, необходимы были как крупные здания, так и широкие открытые площади. Судя по молитвенным надписям, природные скалы также служили святынями для трех выявленных манихейских монастырей Алтая. В каждом из рассмотренных случаев близ почитаемых утесов существовали удобные для проживания небольшие долины. И, выходя за пределы бывших у таких скал монастырей, послушники с молитвой припадали к каменному естеству гор.

Горы Ялбак-Таш на Чуе и Бичикту-Бом на Кара-Коле были святы задолго до прихода сюда манихейства. Особенность местного культа – поклонение Верховному богу через обращение к скалистым обнажениям гор – подтверждают и разрозненные молитвенные надписи, как обнаруженные в логах вверх по р. Кара-Колу, так и далеко вниз по течению Чарыша. Их изучение, возможно, поможет понять, почему избирались именно эти, а не другие скальные обнажения. Ныне ясно, что саяно-алтайские манихеи могли уходить в скиты и пустоши, где по большей части следовали иному завету своего пророка: для почитания истинного Бога не нужен храм. Подобным образом они вершили обряды и у почитаемых скал, отмеченных монастырями. Этим носители новой книжной религии сохраняли естественность веры и обряда многих поколений своих сибирских предков.

Подтвердить и конкретизировать наши наблюдения способна лишь археология Алтая. Перед нею встает ныне задача отыскать и исследовать следы ранне-средневековых манихейских обитателей в местах, отмеченных скоплениями рунических культовых надписей.

Литература

- Баскаков 1966 – Баскаков Н.А. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области // Советская этнография. – 1966. – №6. – С. 79–83. {N.A. Baskakov. Three runic inscriptions from the village of Mendur-Sokkon of the Gorny Altai Autonomous Region // Soviet Ethnography. – 1966. – No. 6. – PP. 79–83.}
- Васильев 2013 – Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. – Астана: Prosper Print, 2013. – 268 с. {D.D. Vasiliev. Corpus of Turkic runic inscriptions of Southern Siberia. Part 1. Ancient Turkic epigraphy of Altai. – Astana: Prosper Print, 2013. – 268 p.}
- Габен 1986 – Габен А. фон. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. – М.: Вост. лит., 1986. – Вып. 1. – С. 159–190. {Annemarie von Gabain. The culture of writing and printing among the ancient Turks // Foreign Turkology. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1986. – Issue. 1. – PP. 159–190.}
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / Ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.П. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. – XXXVIII + 676 с. {Ancient Turkic Dictionary / Ed.: V.M. Nadeleyaev, D.M. Nasilov, E.P. Tenishev, A.M. Shcherbak. – Leningrad: Nauka, 1969. – XXXVIII + 676 p.}
- Кефалайа 1998 – Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат / Перевод, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. – М.: Вост. лит., 1998. – 512 с. {Kephalaia (The “Heads”). Coptic Manichaean treatise / Translation, research, commentary, glossary, and index by Ye.B. Smagina. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1998. – 512 p.}
- Кочеев, Кызласов 2007 – Кочеев В.А., Кызласов И.Л. Философский лаконизм наскальной надписи // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып. 5. – С. 102–105. {V.A. Kocheyev, I.L. Kyzlasov. Philosophical laconicism of the rock inscription // Study of the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia. – Gorno-Altai: AKIN, 2007. – Issue. 5. – PP. 102–105.}

- Кумекон 1972 – *Кумекон Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 156 с. {*B.Ye. Kumekov. The Kimak state of the 9th–11th centuries according to Arabic sources. – Alma-Ata: Nauka, 1972. – 156 p.*}
- Кызласов 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Вост. лит., 1994. – 327 с. {*I.L. Kyzlasov. Runic writings of the Eurasian steppes. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1994. – 327 p.*}
- Кызласов 1996 – *Кызласов И.Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 124–136. {*I.L. Kyzlasov. Three types of ancient Turkic runic orthography // 90 Years of N.A. Baskakov. – Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1996. – PP. 124–136.*}
- Кызласов 1997а – *Кызласов И.Л.* Стелы с руническими надписями на Алтае (к выделению местных групп енисейских эпитафий) // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: Издат. центр при ИСАА МГУ, 1997а. – Вып. III. – С. 40–69. {*I.L. Kyzlasov. Steles with runic inscriptions in Altai (Towards the identification of local groups of Yenisei epitaphs) // Issues of Turkic Philology. Materials of the Dmitrievsky readings. – Moscow: Publishing Centre at Institute of Asian and African Countries of Moscow State University, 1997a. – Issue III. – PP. 40–69.*}
- Кызласов 1997б – *Кызласов И.Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997б. – Т. L., fasc. 1–3. – С. 163–184. {*I.L. Kyzlasov. Varieties of ancient Turkic runic orthography. Reflection of the Manichaean written culture in the monuments of the Yenisei and Orkhon writing // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997b. – T. L., fasc. 1–3. – PP. 163–184.*}
- Кызласов 1998 – *Кызласов И.Л.* Священная Земля тюрков по руническим надписям // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Вост. лит., 1998. – С. 53–55. {*I.L. Kyzlasov. The Sacred Land of the Turks according to runic inscriptions // Ancient Civilizations of Eurasia. History and Culture. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1998. – PP. 53–55.*}
- Кызласов 1999а – *Кызласов И.Л.* Руническая надпись Бийского музея // Краеведческий вестник. – Бийск, 1999а. – Вып. 9. – С. 52–57. {*I.L. Kyzlasov. Runic inscription of the Biysk Museum // Regional History Bulletin. – Biysk, 1999a. – Issue 9. – PP. 52–57.*}
- Кызласов 1999б – *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. – М.: Изд. центр ИСАА МГУ, 1999б. – Вып. IV. – С. 85–112. {*I.L. Kyzlasov. Orthographic features of Manichaean runic inscriptions // Issues of Turkic Philology. – Moscow: Publishing Centre at Institute of Asian and African Countries of Moscow State University, 1999b. – Vol. IV. – PP. 85–112.*}
- Кызласов 2000 – *Кызласов И.Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – № 5. – С. 82–112. {*I.L. Kyzlasov. Monuments of runic writing in the collection of the Gorny Altai Republican Museum of Local Lore // Antiquities of Altai. – Gorno-Altai: Gorno-Altai State University Publishing House, 2000. – No. 5. – PP. 82–112.*}
- Кызласов 2001а – *Кызласов И.Л.* «Добро сотворив, посеять человечность» (манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15). – Воронеж: ВГУ, 2001а. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov. “Having done good, sow humanity” (Manichaean missionaries at the heights of Altai) // Medieval Antiquities of the Eurasian Steppes (Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe. Issue 15). – Voronezh: Voronezh State University, 2001a. – PP. 111–129.*}
- Кызласов 2001б – *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Вост. лит., 2001б. – С. 243–270. {*I.L. Kyzlasov. Change of worldview in Southern Siberia in the early Middle Ages (ideas of monotheism in the Yenisei inscriptions) // Ancient Civilizations of Eurasia. History and Culture. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2001b. – PP. 243–270.*}
- Кызласов 2002 – *Кызласов И.Л.* Памятники рунической письменности Горного Алтая. Учебное пособие. – Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2002. – 164 с. {*I.L. Kyzlasov. Monuments of runic writing in the Altai Mountains. A Tutorial. – Gorno-Altai: Univer-Print, 2002. – 164 p.*}

- Кызласов 2003 – *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М.: Гуманитарий, 2003. – 112 с. {*I.L. Kyzlasov.* News of Turkic runology. Vol. I. Yenisei inscriptions on Mount Yalbak-Tash (Altai Mountains). – Moscow: Gumanitariy, 2003. – 112 p.}
- Кызласов 2004 – *Кызласов И.Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. – М.: Русаки, 2004. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov.* Manichaean monasteries in the Altai Mountains // Antiquities of the East/Orient. Collection dedicated to the 80th anniversary of Professor L.R. Kyzlasov. – Moscow: Rusaki, 2004. – PP. 111–129.}
- Кызласов 2005 – *Кызласов И.Л.* Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия. Источники, история, культура. – М.: Вост. лит., 2005. – С. 427–449. {*I.L. Kyzlasov.* Features of Turkic runology // Central Asia. Sources, History, Culture. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. – PP. 427–449.}
- Кызласов 2011 – *Кызласов И.Л.* Как называли руническое письмо сами тюркские народы // Российская тюркология. – 2011. – № 2. – С. 62–74. {*I.L. Kyzlasov.* How did the Turkic peoples themselves called the runic writing? // Russian Turkology. – 2011. – No. 2. – PP. 62–74.}
- Кызласов 2019 – *Кызласов И.Л.* Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад (одна из форм самовосприятия в северном манихействе) // Звучат лишь письмена. К юбилею А.А. Медынцевой. – М.: Институт археологии РАН, 2019. – С. 251–290. {*I.L. Kyzlasov.* Evidence of the distant advance of the Yenisei runic writing to the West (one of the forms of self-perception in northern Manichaeism) // Only the Letters Sound. Dedicated to the anniversary of A.A. Medyntseva. – Moscow: Institute of Archeology of the RAS, 2019. – PP. 251–290.}
- Кызласов 2022а – *Кызласов И.Л.* Основы изучения наскальных рунических надписей Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022 год. – Барнаул: АлтГПУ, 2022. – Вып. 17. – С. 124–132. {*I.L. Kyzlasov.* Basics of studying rock runic inscriptions of Altai // Field Research in the Upper Ob Region, Irtysh Region and Altai (Archaeology, Ethnography, Oral History and Museology). 2022. – Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2022. – Issue 17. – PP. 124–132.}
- Кызласов 2022б – *Кызласов И.Л.* Енисейская руническая письменность и своеобразие северного, сибирско-тюркского манихейства // Российская тюркология. – 2022б. – № 3–4. – С. 13–32. {*I.L. Kyzlasov.* Yenisei Runic script and distinctness of Siberian Turkic Manichaeism // Russian Turkology. – 2022b. – No. 3–4. – PP. 13–32.}
- Кызласов Л.Р. 1960 – *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1960. – № 3. – С. 93–120. {*L.R. Kyzlasov.* New dating of monuments of Yenisei writing // Soviet Archeology. – 1960. – No. 3. – PP. 93–120.}
- Кызласов Л.Р. 1965 – *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 38–49. {*L.R. Kyzlasov.* On the dating of monuments of Yenisei writing // Soviet Archeology. – 1965. – No. 3. – PP. 38–49.}
- Кызласов Л.Р. 1997 – *Кызласов Л.Р.* Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1997. – № 1. – С. 103–112. {*L.R. Kyzlasov.* Monuments of the Orkhon script from Khakassia and the Altai Mountains // Bulletin of Moscow University. Series 8. History. – 1997. – No. 1. – PP. 103–112.}
- Кызласов Л.Р. 1998 – *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1998. – № 3. – С. 8–35. {*L.R. Kyzlasov.* Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia // Bulletin of Moscow University. Series 8. History. – 1998. – No. 3. – PP. 8–35.}
- Кызласов Л.Р. 1999 – *Кызласов Л.Р.* Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология. – 1999. – № 2. – С. 181–206. {*L.R. Kyzlasov.* Manichaean temple in the Sorga basin (Republic of Khakassia) // Russian Archeology. – 1999. – No. 2. – PP. 181–206.}
- Кызласов Л.Р. 2001 – *Кызласов Л.Р.* Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 5. – С. 83–90. {*L.R. Kyzlasov.* Siberian Manichaeism // Ethnographic Review. – 2001. – No. 5. – PP. 83–90.}
- Спаский 1810 – *Спаский Г.И.* Сибирские древности // Цветник. – СПб., 1810. – Ч. 6. – № 5. – С. 233–303. {*G.I. Spassky.* Siberian antiquities // Flower Garden. – Saint Petersburg, 1810. – Part 6. – No. 5. – PP. 233–303.}

- Спасский 1818 – *Спасский Г.И.* Древности Сибири // Сибирский вестник. 1818 год. – СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. – Часть первая. – С. 67–85. {*G.I. Spassky. Antiquities of Siberia // Siberian Bulletin. Year 1818. – Saint Petersburg: Joseph Ioannesov's Typography, 1818. – Part 1. – PP. 67–85.*}
- Сейдакматов 1964 – *Сейдакматов К.* Древнетюркские надписи на Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. – Фрунзе: Илим, 1964. – С. 95–101. {*K. Seydakmatov. Ancient Turkic inscriptions in the Altai Mountains // Materials on General Turkology and Dungan Studies. – Frunze: Ilim, 1964. – PP. 95–101.*}
- Тенишев 1958 – *Тенишев Э.Р.* Руническая надпись на утесе р. Чарыш (Алтай) // Эпиграфика Востока. – 1958. – Вып. XII. – С. 62–66. {*E.R. Tenishev. Runic inscription on the cliff by the Charysh river (Altai) // Epigraphs of the East/Orient. – 1958. – Issue XII. – PP. 62–66.*}
- Тенишев 1966 – *Тенишев Э.Р.* Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. – М.: Вост. лит., 1966. – С. 262–265. {*E.R. Tenishev. Ancient Turkic epigraphy of Altai // Turkological Collection. – M.: Vostochnaya literature, 1966. – PP. 262–265.*}
- Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012 – *Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М.* Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2012. – 152 с. {*L.N. Tybykova, I.A. Nevskaya, M. Erdal. A Catalogue of ancient Turkic runic monuments of the Altai Mountains. – Gorno-Altai, 2012. – 152 p.*}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 1–2 (38–39), pp. 26–38. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.15

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-26-38

ИЗОГЛОССЫ ДЛЯ ХАКАССКО-ШОРСКОГО АРЕАЛА: ДИАЛЕКТНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СОГЛАСНЫХ *Д* И *Н**

*Вера Сергеевна Мальцева*¹

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
младший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков
ORCID: 0000-0002-5634-6583
e-mail: malt.wh@gmail.com

© ИЯз РАН, 2023

© Мальцева В.С., 2023

Аннотация: Цель статьи – продемонстрировать некоторые новые результаты, полученные при работе над составлением Дialeктологического атласа тюркских языков России и над электронным корпусом хакасского языка. В статье проанализировано три случая варьирования согласных *д* и *н* по диалектам в хакасско-шорском ареале: в показателе родительного падежа, в показателе винительного падежа и в посессивных формах от основ, оканчивающихся на *-н*. Распределение всех встреченных форм показано на картах изоглосс. Мы пришли к выводу, что для морфонологического варьирования согласных *д* и *н* в данной диалектной зоне нельзя провести одну изоглоссу, так как рассмотренные морфонологические контексты дают разное распределение по говорам. Наибольшее число фонетических контекстов, в которых встречается согласный *д*, отмечено в шорских говорах, а также в бельтырском говоре хакасского языка. Изоглоссы двух падежных показателей почти совпадают, но вариант с начальным *д* после носовых согласных гораздо чаще встречается у показателя аккумулятива. Качинский диалект хакасского языка выделяется нехарактерным для данной языковой зоны употреблением во всех рассматриваемых контекстах согласного *н*.

Ключевые слова: тюркские языки, диалектология, хакасский язык, шорский язык, морфология.

Для цитирования: Мальцева В.С. Изоглоссы для хакасско-шорского ареала: диалектное варьирование согласных *д* и *н* // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 26–38. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-26-38.

Isoglosses for the Khakass-Shor area: dialectal variation of the *d* and *n* consonants

*Vera Sergeevna Maltseva*¹

¹ Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Junior Researcher of the Department of Ural-Altaic Languages

ORCID: 0000-0002-5634-6583

e-mail: malt.wh@gmail.com

© IL RAS, 2023

© Maltseva V.S., 2023

Abstract: The paper presents some new results of the work on Dialectal Atlas of Turkic languages of Russia and on the Electronic Corpus of the Khakas language. We have analysed three cases of variations of the consonants *d* and *n* across the dialects of Shor and Khakas languages: in the affix of genitive, in the affix of accusative, and in possessive forms of the stems ending with *-n*. We have concluded that one cannot draw one isogloss line for all these cases of morphonological variation, because the morphological contexts are distributed differently among the dialects. The largest number of phonetic contexts in which the consonant *d* occurs is noted in Shor dialects, as well as in the Beltyr dialect of the Khakas language. The isoglosses of the case markers almost coincide, but the variant with an initial *d* after nasal consonants is much more common for the accusative. The Kacha dialect of Khakas stands aside, because it uses the variant with consonant *n* in all the contexts under consideration.

Key words: Turkic languages, dialectology, Khakas/Khakass language, Shor language, morphology.

For citation: Maltseva V.S. Isoglosses for the Khakass-Shor area: dialectal variation of the *d* and *n* consonants // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). С. 26–38. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-26-38.

Введение

В Институте языкознания РАН ведется работа по созданию Диалектологического атласа тюркских языков. В рамках этого проекта исследуются населенные пункты компактного проживания носителей тюркских идиомов на территории России. В 2021 г. был завершен сбор материала в зоне распространения диалектов хакасского и шорского языков. Экспедиции в Хакасию под руководством А.В. Дыбо проводились с 2015 по 2021 гг., с опросом жителей по возможности из всех населенных пунктов, где проживают носители хакасского языка. Нами был собран аудиоматериал из более чем 100 населенных пунктов (в том числе сел, исчезнувших к настоящему моменту, в которых носители провели детство), включающий в себя как записи устных рассказов, так и опросы по диагностическим анкетам для данного ареала, направленные на выявление особенностей фонетики, лексики и морфологии (см. [Дыбо и др. 2020]). Полевая работа с носителями шорского языка проводилась не столь подробно, что связано как с труднодоступностью мест компактного проживания шорцев, так и с меньшей степенью владения родным языком во всех возрастных группах. Был получен материал от выходцев из 15 населенных пунктов компактного проживания носителей различных шорских говоров.

В ходе анализа материала мы сопоставляем полученные результаты с данными из опубликованных работ, отражающих хакасские и шорские диалектные черты ([Катанов 1907], [Торокова (сост.) 2014], [Ачитаева и др. (сост.) 2016], [Арбачакова (сост.) 2010], [Торокова (ред.) 2019], а также с диалектологическими описаниями исследуемых идиомов ([Патачакова (ред.) 1973], [Анжиганова и др. (ред.) 1992], [Катанов 1882], [Майнагашев 1914]). Также в нашем доступе име-

ются материалы московских научных экспедиций в Хакасию более раннего периода (2001, 2002, 2007, 2011 гг.). Рассмотрение как современных, так и архивных материалов позволяет проводить микродиакронические исследования по распространению тех или иных языковых явлений в говорах в различные периоды времени.

Наша статья посвящена исследованию одного морфонологического варьирования согласных по идиомам хакасско-шорского ареала. Есть несколько контекстов, где в одних диалектах употребляется согласный *д*, а в других – *н*. Хочется понять, насколько близкие изоглоссы дают эти контексты. Мы рассмотрим три случая, в которых проявляется это варьирование: формы родительного падежа, формы винительного падежа и посессивные формы от двусложных лексем с последним слогом вида *RbIn*, где *R* – неназальный сонорный согласный (*р/л/й*), а *l* – узкая гласная.

1. Поведение согласных *д* и *н* в падежных аффиксах

Известно, что в тюркских языках начальные морфемы аффиксов могут изменяться в зависимости от последнего звука основы. При этом в некоторых аффиксах возможны только две реализации согласной фонемы, например, в показателе локатива после основ, оканчивающихся на глухие согласные, употребляется *т*, в остальных контекстах – *д*. Ср. хак. *хап-та* ‘в мешке’, *тура-да* ‘в доме’, *мин-де* ‘на мне’, *аал-да* ‘в деревне’. В показателях родительного и винительного падежей вариантов начального согласного бывает больше (в тех языках, где эта согласная в принципе изменяется): *н*, *д*, *т*, в некоторых идиомах также *л*, *з*. Эти варианты по-разному распределены по контекстам в разных тюркских языках, причем возможна как ассимиляция с конечным звуком основы, так и диссимиляция, см. [Мудрак 2009: 24–28]. Отметим общую черту: если согласная аффикса в принципе изменяется, после основ с конечным глухим согласным всегда употребляется ассимилятивный вариант аффикса с начальным *т*¹. Приведем примеры из интересующей нас языковой зоны: хак. *хап-тың* / шор. *қап-тың* ‘мешка’ (род. п.), хак. *нис-ми* / шор. *нис-ти* ‘нас’ (вин. п.). После слов с фонетически глухим концом, заимствованных из русского языка, также употребляются варианты с глухим начальным согласным: хак. *завод-тың* ‘завода’ (род. п.), *материк-ми* ‘материк’ (вин. п.).

В [Мудрак 2009: 25] отмечается, что в хакасско-шорском ареале в показателях родительного и винительного падежей после всех других типов основ употребляется только вариант с начальным *н*. Это утверждение верно для литературной нормы хакасского языка [ГХЯ 1975: 68, 70; Дыренкова 1948: 21–23]: *адай-ның* ‘собаки’, *түлгү-нің* ‘лисицы’, *адай-ны* ‘собаку’, *түлгү-ні* ‘лисицу’. Однако полевые данные показывают, что после основ, заканчивающихся на звонкие согласные (сонорные, а также *з*, *г* и *б* (в слове *иб* ‘дом’ и его производных)) или на гласные, аффиксы генитива и аккузатива могут начинаться также и с неназально-

¹ Здесь и далее исключаются из рассмотрения формы посессивного склонения 3 лица, в которых после всех типов основ возможен только начальный *н*: хак. *хаб-ы-н* ‘его мешок’ (вин. п.), *хаб-ы-ның* ‘его мешка’ (род. п.).

го дентального согласного δ^2 . Например, есть диалектные варианты хакасских словоформ *оларның/олардың* '(н)их', *кізінің/кізідің* '(у) человека', *оларны/оларды* '(вижу) их', *кізіні / кізіді* '(вижу) человека'. Согласно литературной норме шорского языка [Дыренкова 1941: 41–43], после звонких неносовых согласных (*л, р, й, ɣ*) выбираются варианты с начальным *д*, после гласных и носовых согласных – варианты с начальным *н*. В примечании на странице 41 указано, что в кондомском диалекте употребляется также показатель винительного падежа с начальным *д* после основ, кончающихся на носовой согласный: *аньды*³ 'зверя', *камды* 'шамана', *сыынды*⁴ 'марала'. Это, кажется, единственное описание, в котором замечено неодинаковое поведение показателей аккузатива и генитива в данных языках.

Результаты нашего исследования показывают, что в большинстве говоров в хакасско-шорском ареале распределение начальных *д* и *н* в аффиксах генитива и аккузатива устроено так же, как в шорской литературной норме: *н* употребляется после назальных согласных и гласных, *д* – после звонких неназальных согласных (см. карты 1, 2 – соответствующие населенные пункты отмечены синим цветом). Хакасской литературной норме, с единственным вариантом *н* после всех типов звонких концов основы, в основном соответствуют данные качинского диалекта (ср. населенные пункты, отмеченные красным цветом на картах). При этом качинцы, издавна контактирующие с сагайцами в долине р. Уйбат, также используют «шорскую» норму – ср. формы из с. Аёв: *хойды* 'овцу', *адайдың* 'собаки'. Этот переход случился довольно давно, так как встречается и в текстах, собранных Н.Ф. Катановым в конце XIX в.:

Tájān-да кара кой-ды өдір⁵-чадыр, öä-bīn.
 молиться:Past-Loc черный овца-Асс убить-Pres свежевать-NegCv
 'Молятся, заколовши черную овцу, убитую обухом топора'
 [Катанов 1907, отд. 3, текст 56, с. 595 (Усть-Камышта, качинский диалект)].

Интересно, что «шорская» норма с начальным *д* характерна и для кызыльско-го диалекта, хотя соседние родственные кызыльскому идиомы (качинский диалект хакасского языка и чулымский язык) ее не используют [СИГТЯ 2002: 514–515; Кондияков, Лемская 2021]. Отметим также, что собственно шорские диалекты (включая шорский диалект хакасского языка) часто отклоняются от нормы литературного шорского языка, допуская вариант с *д* также после основ на гласные, тем самым делая начальный согласный аффикса более ассимилятивным: *паладың* 'ребенка' (род. п.), *палады* 'ребенка' (вин. п.). В тех шорских говорах,

² Такие формы, как *олар-тың* '(н)их', с глухим вариантом согласной аффикса после сонорного конца основы существуют, но только как вариант произношения тех же форм со звонким согласным (*олар-дың*). Это явление не может рассматриваться как фонематическое.

³ <нъ>=<ң> в орфографии книги.

⁴ Ср. мрасск. *сыынны*, см. пример выше на той же стр.

⁵ Диакритика у буквы <і> в изданиях исследований и текстов (собранных Н.Ф. Катановым) напоминает вытянутый, слегка разорванный сверху кружок: <і̇>. Другие диакритики (например, у букв <ң> и <ӱ>) в старой гарнитуре также незначительно отличаются.

где произошел переход $g > ɲ$ на конце основы, выбор варианта падежного аффикса ориентируется на синхронный вид основы, то есть после таких основ употребляются варианты с начальным n . Ср. данные опроса информанта из пос. Шора: *паң* ‘веревка’ (хак., шор. лит. *паг*) – *паңны* ‘веревку’, *паңның* ‘веревки’.

В работах, посвященных описанию диалектов хакасского и шорского языков, распределение вариантов начальных согласных аффиксов генитива и аккузатива описывается практически всегда как единая изоглосса. Д.Ф. Патачакова отмечает в сагайском диалекте варианты с начальным d после g , l , p , y [Патачакова (ред.) 1973: 39–41]. В статье о качинском диалекте она пишет, что качинскому n в начале генитива и аккузатива после сонорных и звонких согласных соответствует d в других хакасских диалектах [Там же: 19]. Н.Н. Межекова утверждает, что генитив с начальным d в собственно хакасском языке отсутствует, в отличие от шорского диалекта хакасского языка, а аккузатив с начальным d имеется в кызылском и сагайском диалектах [Там же: 57–58]. Она не анализирует контексты, но из примеров видно, что вариант с d употребляется в шорском диалекте хакасского как после сонорных согласных, так и после гласных: *хардың* ‘снега’, *түлгүдің* ‘лисицы’. В статье о бельтырском диалекте постулируется довольно неожиданный набор контекстов для начального d в генитиве и аккузативе: после основ на l , n , $ɲ$ [Там же: 94]. Впрочем, автор делал описание чужих полевых материалов и мог иметь лакуны в материале. В книге, посвященной падежным формам хакасского языка [Боргояков 1976], система бельтырского говора не описывается как отличная от сагайской системы.

Выводы Н.Ф. Катанова о сагайском диалекте также не вполне совпадают с нашими. Так, в [Катанов 1882: 37] утверждается, что в сагайском диалекте после основ с конечным l употребляются варианты генитива и аккузатива с начальным n (*холның* ‘руки’), тогда как после прочих неносовых звонких (p , y , g , b) – варианты с начальным d (*адайдың* ‘собаки’, *сөстердің* ‘слов’, *күстүгдүң* ‘сильного’). В [Катанов 1903: 231–233, 256–261] приводятся краткие сведения по формам падежных аффиксов во всех тюркских языках, в том числе в хакасских и шорских наречиях. Отмечено, что у сагайцев и бельтыров в начале аффикса генитива бывает и n , и d , но при этом контексты их распределения не приводятся. В примерах можно увидеть вариативность форм после основы с конечным p : *чирдің/чирнің* ‘земли’, *нүрдү/нүрнү* ‘волка’, а также употребление варианта с начальным d после основ на l : *көлдү* ‘озеро’, *күлдү* ‘золу’.

Мы проанализировали формы, употребляемые в текстах, опубликованных в [Катанов 1907], с помощью инструментов Электронного корпуса хакасского языка (<https://khakas.altaiica.ru/corpus/>), и пришли к следующему выводу: в конце XIX века на территории, пограничной между сагайским и качинским диалектами, после основ на неносовые звонкие согласные были распространены дублетные формы. Причем это явление захватывает не только селения по реке Уйбат, где сейчас проходит пограничная зона между качинским и сагайским диалектами, но и более южные, сагайские села, по рекам База и Аскиз, особенно расположенные около тракта. При этом с правой стороны Аскизского тракта дублетных форм почти не наблюдается: в качинских текстах после неносовых сонорных основ встречаются только формы с начальным n , в бельтырских – только с начальным d . Однако у единственного записанного носителя койбальского

диалекта также встречаются оба варианта форм, с преобладанием варианта с начальным *н*: *кõлнң* ‘озера’, *таскылнң* ‘скалы’, *табдың* ‘горы’. Что касается других диалектов, то в [Катанов 1903] утверждается, что у качинцев и койбалов нет варианта с начальным *д*, в кызыльском наречии дублетные формы после основ на *й, л*, а после основ на *з* приводится пример только с начальным *н*: *тагнңың* ‘горы’. У шорцев примеры соответствуют нынешней «шорской» норме.

Интересно, что ни один из исследователей не рассматривает в числе форм с родительным падежом так называемые притяжательно-предикативные формы, образованные от них, то есть субстантивированные притяжательные формы. Они также имеют вариант с начальным *д* в тех случаях, когда его имеет родительный падеж. Приведем пример из [Анжиганова и др. (ред.) 1992: 178] дублетных форм в койбалском говоре – формы генитива в нем также имеют два варианта после сонорных:

ола:нның сõ:к-тер-і де: а:лынча, мында:р-хы-зы
они.Gen кость-Pl-3Pos Add отдельный этот.All-Attr-3pos

чоңмай-лар-ди, ол Чичинин-нер-ни

чонмай-Pl-Gen.3pos то Чичинин-Pl-Gen.3pos

‘у них и кладбище было отдельное, туда (кладбище сеока) чонмай, а это Чичиныных’

[Анжиганова и др. (ред.) 1992, Образцы речи койбалов, запись III, предложение 2].

В настоящее время в ряде шорских и бельтырских говоров у винительного падежа вариант с начальным *д* отмечается также после основ с конечным носовым согласным. Причем диссимилятивный вариант с *д* отмечен не только после носовых согласных корневых основ, но и после посессивных аффиксов 1–2 лица:

минің ник-тер-ім-ді кізі саап ол-бин-ча
я:Gen корова-Pl-Pos1sg-Acc человек доить:CvP быть-NegCv-Pres

‘моих коров никто не может подоить’

(З.Г. Боргоякова (Чиланы), бельтырский говор, собственные полевые материалы).

Ам індіг чон-ды тап-пасар

сейчас такой народ-Асс находить-Neg.Fut:2Pl

‘Теперь таких людей не найдешь’

(М.А. Шулбаева (Анчул), шорский диалект хакасского, собственные полевые материалы).

Мы находили такие примеры только в текстах, при опросе такие формы не встречались. Это явление отмечается в статье [Субракова 1992: 34] о формах бельтырского говора: в числе приводимых форм есть *тондың* ‘шубы’ (род. п.), *күндің* ‘дня’, *турамдың* ‘моего дома’ (род. п.), *абымдың (ның)* ‘отца’ (род. п.), *тонды* ‘шубу’ (вин. п.), *күнді* ‘день’ (вин. п.), *турамды* ‘мой дом’ (вин. п.). Однако примеров фраз с подобными формами не приводится. Также отмечены формы винительного падежа с начальным *д* после гласных: *палады* ‘ребенка’ (вин. п.), *кізіді* ‘человека’ (вин. п.), *ікіді* ‘двойку’. Подобное употребление встречается и в одном из бельтырских текстов у Катанова: *паладың пазы* ‘голова ребенка’ [Катанов 1907, отд. 2, т. 288], что замечено в [Боргояков 1976: 39]

Все эти формы являются дублетными вариантами. Их возникновению можно найти объяснение. Сагайские (в том числе бельтырские) говоры, в отличие от качинских, упрощают геминаты, возникающие на стыках аффиксов [Боргояков 1976: 37]: *малар* < *маллар*, *хозаның* < *хозанның*. Из-за этого в устной речи форма *өрекені* < *өрекен-ні* ‘старушку’ неотличима от посессивной формы именительного падежа: *өрекен-і* ‘его старушка’. А форма родительного падежа при стяженной геминате омонимична форме принадлежности 2 лица единственного числа: *өрекен-ің* ‘твоя старушка’. Употребление диссимилятивного согласного *д* в аффиксах падежей помогает избежать такой омонимии.

Интересно, что винительный и родительный падеж дают здесь в настоящий момент неодинаковые изоглоссы. Употребления форм аккузатива с начальным *д* после носовых согласных нам встретились в заметных количествах: 18 примеров в устных рассказах, собранных в экспедициях, 15 примеров в различных хакасских текстах из Электронного корпуса хакаского языка, 10 примеров из сборника шорских текстов [Арбачакова (сост.) 2010]. В родительном же падеже такая форма была употреблена лишь однократно в речи носителя из бельтырского села Красный Ключ:

А еще хайди пу тон-дың чи тон-дың чоохтаа-зың
а еще как этот шуба-Gen PtcI шуба-Gen говорить:Past-2sg
ноймэ тиин-дің хузургу-наң ба нойма?

что белка-Gen хвост-Abl Q что

‘А еще как у этой шубы-то, у шубы, ты говорила, из чего, из беличьего хвоста или из чего [делали подол]?’

(Собственные полевые материалы).

Тому факту, что вариант с начальным *д* у аффикса аккузатива встречается чаще, чем у аффикса генитива, мы пока объяснения не нашли. Возможно, это обусловлено просто частотностью рассматриваемых падежей в целом.

2. Поведение согласных *д* и *н* в основах, кончающихся на *-RbIn*

Хочется рассмотреть здесь еще один контекст варьирования согласных *д* и *н* по диалектам в схожих фонетических условиях. Имеется в виду чередование в двусложных основах с последним слогом вида *RbIn*, где *R* – неносовой сонорный согласный (*р/л/й*), *И* – узкая гласная (*ы, і, реже у, ү*). В некоторых из этих основ при образовании посессивных форм гласная *И* выпадает: *пурун* ‘нос’ – *пурны* ‘его нос’, *килін* ‘сноха’ – *килни* ‘его сноха’ (список основ см. в [Дыбо и др. 2019: 56]). В ряде говоров при этом *н* в посессивной форме заменяется на *д*: *пурун* ‘нос’ – *пурды* ‘его нос’, *килін* ‘сноха’ – *килді* ‘его сноха’. Такое явление встречается и в других тюркских языках, в алтайском оно даже включено в литературную норму [ГСАЯ: 27].

Впервые такое явление для хакасских говоров отмечает С.Д. Майнагашев: «Одна из особенностей этого (бельтырского) поднаречия та, что звук *н* после звуков *р, л, н* переходит в *д* у, напр., *чарны* (лопатка-кость), *kilni* (невестка), *чонны* (народ; вин. пад.) – по-саг. произносятся *чарды, kildі, чонды* (бельт.).» [Майнагашев 1914: 109]. К бельтырскому наречию он относит посещенные им села на

правом берегу Абакана, от Больших Арбатов до Табата. Как видно из цитаты, С.Д. Майнагашев не различает случаев появления *д* в основах и в падежных аффиксах. В [Боргояков 1976: 91–92] такие основы рассматриваются вместе с переходом *л* в *д* в аффиксах существительных после основ с конечным *л*: *аалда-* (хак. лит. *аалла-*) ‘гостить’, *малдар* (хак. лит. *маллар*) ‘скот (мн. ч.)’. Это же отмечено и в [Патачакова 1973: 37, 38] для сагайского диалекта («иногда», т. е. в неопределенной группе говоров). Кроме того, Д.Ф. Патачакова приводит примеры с начальным *д* для аффикса *ЛЫГ* после основ с конечными *л*, *н*: *мал-дыг* ‘богатый скотом’, *Чылан-дыг* букв. ‘богатый змеями’. В нашем материале всех этих употреблений не встречается, за исключением словообразовательной морфемы *ЛА* в глаголах.

При составлении карты мы ориентировались в основном на данные опросов – в диагностической анкете есть соответствующий пункт. Дополнительным материалом служат данные стословников, в которых представлены лексемы *пурун* ‘нос’, *харын* ‘живот’, *мойын* ‘шея’.

Можно заметить, что вариант с заменой *н* на *д* в основе встречается гораздо реже, чем варианты падежных форм с *д* после сонорных согласных (см. карту 3, голубой цвет). Колебания информантов между формами посессивных основ с *д* и с *н* более часты, чем при выборе форм родительного и винительного падежей. Изредка встречаются случаи изменения непосессивной основы и построение нового посессива, ср. данные опроса из с. Печегол: *мойды* ‘шея’ – *мойдызы* ‘его шея’. В Электронном корпусе хакасского языка нашлось более 10 примеров подобного употребления со словом *килiн* ‘невестка’, с остальными словами примеры единичные или отсутствуют:

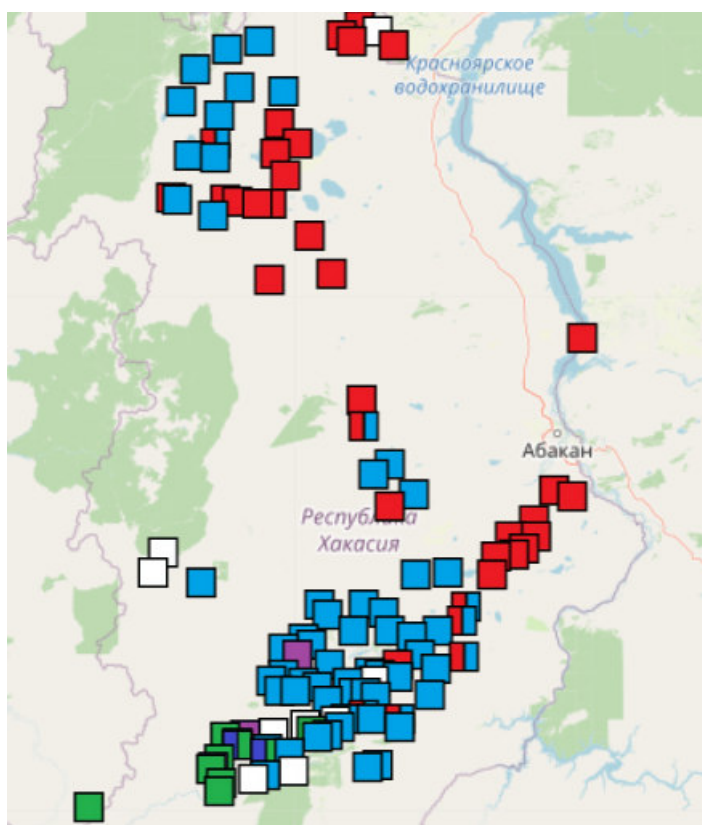
чахсы килд-им-дi чурт-ым-наң чар-а ыс-пас-пын
хороший невестка-Poslsg-Acc жилье-Poslsg-Abl колоть-CvA слать-Neg.Fut-lsg
‘Хорошую невестку мою из чурта моего отдельно [жить] не отпущу’
[Ачитаева и др. (сост.) 2016, «*Пир айга аңнап парып...*» (Е.П. Миягашев, шорский диалект хакасского)].

Интересно, что данная изоглосса в основном распространена в бельтырских и шорских говорах, то есть примерно там же, где и вариант с начальным *д* в аффиксе аккузатива после носовых согласных. Но отмечены подобные формы и в некоторых сагайских селах, а также в уйбатском говоре качинского диалекта.

Заключение

Мы рассмотрели три случая варьирования согласных *д* и *н* в хакасско-шорском ареале – два из них касаются начальных согласных падежных аффиксов, третий представляет собой наличие или отсутствие смены согласного в посессивной форме. В начале аффиксов падежей согласный *д* употребляется после сонорных почти на всем ареале, за исключением большинства говоров качинского диалекта, после гласных – в отдельных шорских и бельтырских говорах. После носовых согласных в показателе аккузатива возможен показатель *д* в тех же говорах в качестве дублетной формы, для показателя генитива такое употребление крайне редкое. Также в бельтырских, шорских и некоторых сагайских гово-

рах зафиксированы формы основ с конечным *н*, который заменяется в посессивных формах на *д*, при этом поведение разных основ может различаться у одного информанта. Таким образом, для морфонологического варьирования согласных *д* и *н* в данной диалектной зоне нельзя провести одну изоглоссу, так как различные морфологические контексты дают разное распределение по говорам.

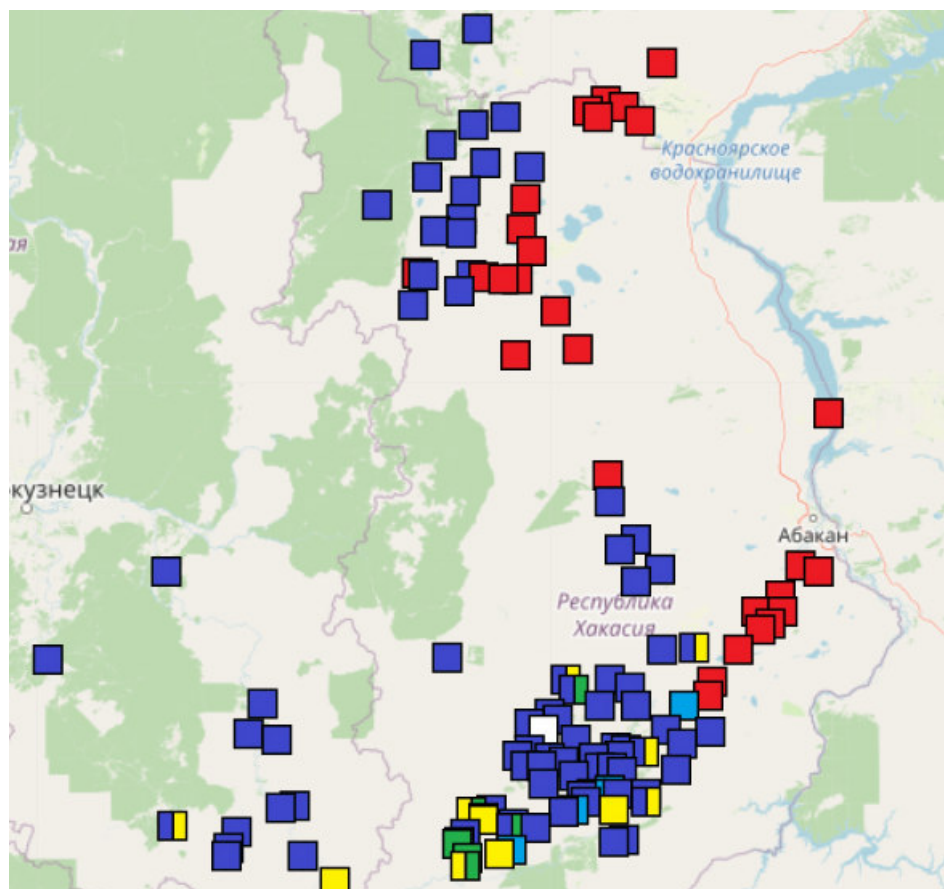

Карта 1. Фрагмент карты «Формы генитива в хакасско-шорском ареале»⁶
 Map 1. A fragment of the map “Genitive forms in the Khakas(s)-Shor area”⁷

Обозначения:	Legend:
красный – <i>н</i> во всех контекстах,	red – <i>n</i> in all of the contexts,
синий – <i>д</i> после неназальных звонких согласных,	blue – <i>d</i> after non-nasal voiced consonants,
зеленый – <i>д</i> после неназальных звонких согласных и гласных,	green – <i>d</i> after non-nasal voiced consonants,
фиолетовый – дублетные формы,	violet/purple – doublet forms,
белый – нет данных.	white – no data.

⁶ Полная версия, см. URL: <http://turkmaps.org/khakass2.php>.

⁷ For full version, see URL: <http://turkmaps.org/khakass2.php>.

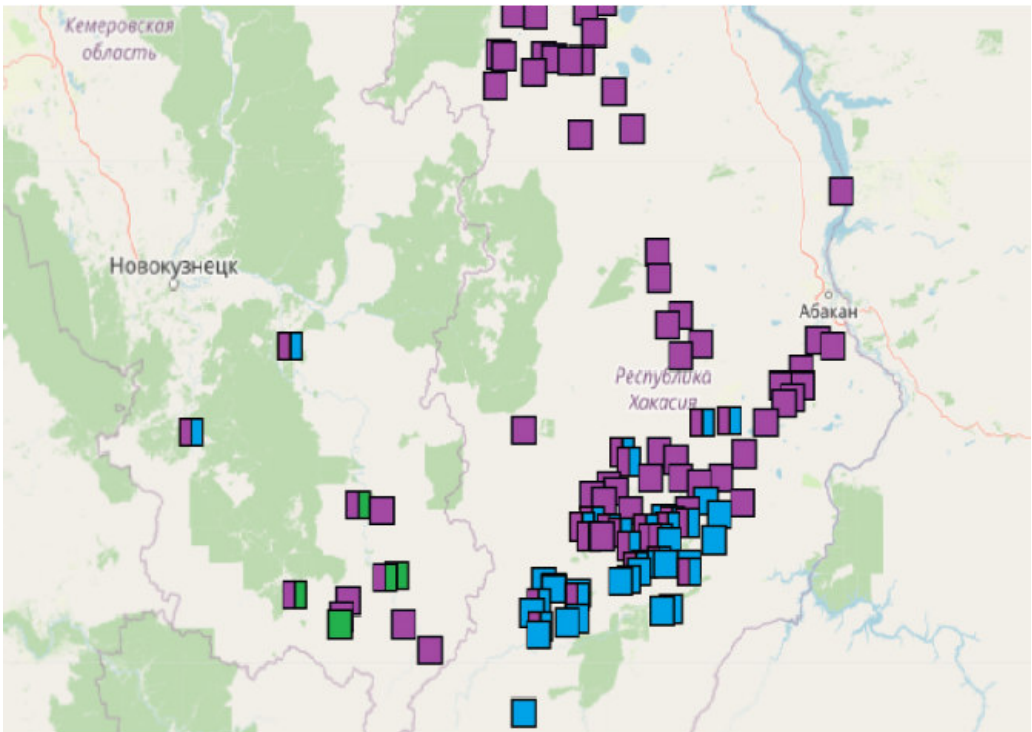
Карта 2. Фрагмент карты «Формы генитива в хакасско-шорском ареале»⁸

Map 2. A fragment of the map "Genitive forms in the Khakas(s)-Shor area"⁹

Обозначения:	Legend:
красный – <i>n</i> во всех контекстах,	red – <i>n</i> in all of the contexts,
синий – <i>d</i> после неназальных звонких согласных,	deep blue – <i>d</i> after non-nasal voiced consonants,
зеленый – <i>d</i> после неназальных звонких согласных и гласных,	green – <i>d</i> after non-nasal voiced consonants,
желтый – <i>d</i> после всех звонких согласных и гласных,	yellow – <i>d</i> after all voiced consonants and vowels,
голубой – дублетные формы,	azure blue – doublet forms,
белый – нет данных.	

⁸ Полная версия, см. URL: http://turkmaps.org/accus_khak.php.

⁹ For full version, see URL: http://turkmaps.org/accus_khak.php.

Карта 3. Фрагмент карты «Поведение непроезженных основ на -Rĭn с выпадающим BI (R = p/l/ĭ)» (BI – узкая гласная)¹⁰
Map 3. A fragment of the map “The behaviour of underived stems, ending with -Rĭn with Ĩ vowel dropping (R = r/l/j)” (Ĩ – narrow vowel)¹¹

Обозначения:	Legend:
фиолетовый – согласный основы не меняется в посессиве,	violet/purple – the stem consonant does not change in possessive,
голубой – согласный основы меняется на d,	azure blue – the consonant is changing to d,
зеленый – используется другая основа.	green – another stem is used.

Литература

Анжиганова и др. (ред.) 1992 – Хакасская диалектология / Ред.: Анжиганова О.П., Патачакова Д.Ф., Субракова О.В. – Абакан: Изд-во ХакНИИЯЛИ, 1992. – 53 с. {Khakass dialectology / Ed. by O.P. Anzhiganova, D.F. Patachakova, O.V. Subrakova. – Abakan: Khakassian Research Institute of Language, Literature and History Publishing House, 1992. – 53 p.}

Арбачакова (сост.) 2010 – Фольклор шорцев / Сост. Л.Н. Арбачакова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 29.) {Folklore of the Shors / Comp.: L.N. Arbachakova. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 608 p. (Records of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. – Volume 29.)}

Ачитаева и др. (сост.) 2016 – Несказочная проза хакасов / Сост., подгот. текстов: Л.К. Ачитаевой и др.; вступ. ст. В.В. Миндибековой; отв. ред.: Е.Н. Кузьмина. – Новосибирск: Наука, 2016. –

¹⁰ Полная версия, см. URL: http://turkmaps.org/ryn_khak.php.

¹¹ For full version, see URL: http://turkmaps.org/ryn_khak.php.

- 532, [8] с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 34.) {Non-fairy tale prose of the Khakass / Edition, preparation of texts by *L.K. Achitayeva et al*; introductory article by *V.V. Mindibekova*; executive editor: *Ye.N. Kuzmina*. – Novosibirsk: Nauka, 2016. – 532, [8] p. (Records of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. – Volume 34.)}
- Боргояков 1976 – *Боргояков М. И.* Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. – Абакан: Хакас. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1976. – 160 с. {*M.I. Borgoyakov*. Development of case forms and their meanings in the Khakass language. – Abakan: Khakass dept. of the Krasnoyarsk publishing house, 1976. – 160 p.}
- ГСЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология / Отв. ред.: *И.А. Невская*. – Горно-Алтайск, 2017. – 576 с. {Grammar of modern Altai language. Morphology / Ed. by *I.A. Nevskaya*. – Gorno-Altai, 2017. – 576 p.}
- ГХЯ 1975 – Грамматика хакасского языка / Отв. ред.: *Н.А. Баскаков*. – М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1975. {Grammar of the Khakass language / Ed. by *N.A. Baskakov*. – Moscow: Nauka, The main editorial department of the Oriental literature, 1975.}
- Дыбо и др. 2019 – *Дыбо А.В., Крылов Ф.С., Мальцева В.С., Шеймович А.В.* Сегментные правила в автоматическом парсере Корпуса хакасского языка // Урало-алтайские исследования. – 2019. – № 1 (32). – С. 48–69. {*A.V. Dybo, F.S. Krylov, V.S. Maltseva, A.V. Sheimovich*. Segment rules in the automatic parser of the Khakass Language Corpus // Ural-Altaic Studies. – 2019. – No. 1 (32). – PP. 48–69.}
- Дыбо и др. 2020 – *Дыбо А.В., Мальцева В.С., Николаев С.Л., Шеймович А.В.* Диалектологическая анкета для пилотного опроса «Признаки-изоглоссы для хакасско-шорско-чулымского ареала (группы тюркских z-языков)» // Родной язык. – 2020. – № 1. – С. 86–119. {*A.V. Dybo, V.S. Maltseva, S.L. Nikolayev, A.V. Sheimovich*. Dialectological questionnaire for the pilot survey “Isogloss features for the Khakass-Shor-Chulym area (group of Turkic z-languages)” // Native language. – 2020. – No. 1. – PP. 86–119.}
- Дыренкова 1941 – *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308, [1] с. {*N.P. Dyrenkova*. Grammar of the Shor language. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. – 308, [1] p.}
- Дыренкова 1948 – *Дыренкова Н.П.* Грамматика хакасского языка. – Абакан: Хакасское областное национальное издательство, 1948. – 125 с. {*N.P. Dyrenkova*. Grammar of the Khakass language. – Abakan: Khakassian Regional National Publishing House, 1948. – 125 p.}
- Катанов 1882 – *Катанов Н.Ф.* Татарский (хакасский) язык (сагайское наречие (диалект)). Часть I. Грамматика (Этимология и синтаксис). – Рукопись. – Красноярск, 1882; Абакан: Бригантина, 2017. [отв. ред. В.Н. Тугужекова.] – 128, [1] с.: табл. {*N.F. Katanov*. The Tatar (Khakass) language (Sagay dialect). Part I. Grammar (Etymology and syntax). – Manuscript. – Krasnoyarsk, 1882; Abakan: Brigantina, 2017. [Executive editor: V.N. Tuguzheкова.] – 128, [1] p.: with a table.}
- Катанов 1903 – *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. (*Катановъ Н.Ф.* Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня.) Т. 1. – Казань: Типо-литография Императорского Казанского ун-та, 1903. – 833 с. {*N.F. Katanov*. An experience in the study of the Uriankhai language, indicating its main relations to other languages of the Turkic root. Volume 1. – Kazan: Typolithography of the Imperial University, 1903. – 833 p.}
- Катанов 1907а – Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. (Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, изданные В. Радловымъ.) – Ч. IX. – Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. (Нарѣчія урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ татаръ и карагасовъ.) – Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Тексты. (Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановымъ. Тексты.) – СПб.: Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ, 1907 (ноябрь). – XXXII+668+XLVIII с. {Samples of folk literature of the Turkic tribes, published by V. Radlov/Radloff. – Part IX. – The dialects of the Uriankhians (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. – Texts collected and translated by N.F. Katanov. Texts. – Saint Petersburg: Printed by the order of the Imperial Academy of Sciences, 1907 (November). – XXXII+668+XLVIII p.}
- Катанов 1907б – Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. (Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, изданные В. Радловымъ.) – Ч. IX. – Наречия

- уряныхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. (Нарѣчія уряныхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ татаръ и карагасовъ.) – Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Перевод. (Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановымъ. Переводъ.) – СПб.: Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ, 1907 (ноябрь). – XXV+659 с. {Samples of folk literature of the Turkic tribes, published by V. Radlov/Radloff. – Part IX. – The dialects of the Uriankhians (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. – Texts collected and translated by N.F. Katanov. Translations. – Saint Petersburg: Printed by the order of the Imperial Academy of Sciences, 1907 (November). – XXV+659 p.}
- Кондияков, Лемская 2021 – Кондияков А.Ф., Лемская В.М. Чулымско-тюркский язык д. Пасечное Тухтетского района Красноярского края. 2007–2021 гг. Т. II. Тексты с переводом и анализом. – Томск: Издательство Томского университета, 2021. – 246, [2] с. {A.F. Kondiyakov, V.M. Lemskaya. The Chulym-Turkic language in the village of Pasechnoye, Tyukhtet district, Krasnoyarsk Territory. 2007–2021. Volume II. Texts with translation and analysis. – Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2021. – 246, [2] p.}
- Майнагашев 1914 – Майнагашев С.Д. Отчет по поездке к турецким племенам долины реки Абакан летом 1913 года (Майнагашевъ С.Д. Отчетъ по поѣздкѣ къ турецкимъ племенамъ долины рѣки Абаканъ лѣтомъ 1913 года) // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношеніях. (Извѣстія Русскаго комитета для изученія Срѣдней и Восточной Азии въ историческомъ, археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.) – Петроград, 1914. – Серия II. – № 3. {S.D. Mainagashiev. A report on the trip to the Turkish tribes of the Abakan River basin in the summer of 1913 // Bulletin of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological and Ethnographical Relations. – Petrograd, 1914. – Series II. – No. 3.}
- Мудрак 2009 – Мудрак О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике / Серия «Orientalia и Classica». – М.: РГГУ, 2009. – Вып. 23. – 187 с. {O.A. Mudrak. Classification of Turkic languages and dialects using glottochronology methods based on questions of morphology and historical phonetics / Series “Orientalia and Classica”. – Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009. – Issue 23. – 187 p.}
- Патачакова (ред.) 1973 – Диалекты хакасского языка: очерки и материалы / Отв. ред.: Д.Ф. Патачакова. – Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1973. – 159 с. {Dialects of the Khakass language: essays and materials / Ed. by D.F. Patachakova. – Abakan: Khakass dept. of the Krasnoyarsk Publishing House, 1973. – 159 p.}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред.: Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 768 с. {Comparative-historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka, 2002. – 768 p.}
- Субракова 1992 – Субракова О.В. Падежная система в бельтырских говорах хакасского языка // Хакасская диалектология. – Абакан, 1992. – С. 32–50. {O.V. Subrakova. Case system in the Beltyr dialects of the Khakass language // Khakass Dialectology. – Abakan, 1992. – PP. 32–50.}
- Торокова (ред.) 2019 – Материалы диалектологической экспедиции ХакНИИЯЛИ 1945 года / Под общ. ред. Е.С. Тороковой. – Абакан: Хакаское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2019. – 480 с. {Materials of the dialectological expedition of the Khakassian Research Institute of Language, Literature and History in 1945 / Ed. by Ye.S. Torokova. – Abakan: Khakass Publishing House named after V.M. Torosov, 2019. – 480 p.}
- Торокова (сост.) 2014 – Хакассские народные сказки / Составление, подготовка текстов и перевод, примечания, комментарии, указатели и словари: Е.С. Тороковой. Сверка хакасских текстов: Л.И. Чеботайевой. Текстологическая статья: Е.С. Тороковой. Музыковедческая статья, составление компакт-диска: Г.Б. Сыченко. – Новосибирск: Омега-принт, 2014. – 770 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 33.) {Khakass folk tales / Compilation, preparation of texts, translation, notes, commentaries, indexes, and dictionaries by Ye.S. Torokova. Verification of the Khakass texts by L.I. Chebotayeva. Textological article by Ye.S. Torokova. Musicological article, edition of the CD by G.B. Sychenko. – Novosibirsk: Omega-print, 2014. – 770 p. (Records of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. – Volume 33.)}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 1–2 (38–39), pp. 39–51. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.164

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-39-51

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИНОНИМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «КУТАДГУ БИЛИГ» ЮСУФА БАЛАСАГУНСКОГО (XI В.) И ИХ КОРРЕЛЯЦИЯ С ЛЕКСЕМАМИ СОВРЕМЕННОГО ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

*Огулсапар Атаевна Нурыева*¹

¹ Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули
АН Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
e-mail: enesh1961@gmail.com

© ИЯз РАН, 2023

© Нурыева О.А., 2023

Аннотация: В статье рассматривается употребление синонимов, синонимических рядов и устойчивых выражений в письменном памятнике караханидского периода (XI в.) «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского в свете их пересечений с современным туркменским языком. В материале памятника «Кутадгу билиг» выявлено большое количество синонимических рядов. В работе отмечено, что в них наличествуют лексемы, которые функционируют в туркменском языке на современном этапе его развития. В работе также выделены лексемы, которые в настоящее время являются архаизмами.

Лексемы в синонимических рядах памятника различаются семантически и стилистически, имеют экспрессивно-эмоциональную окраску. Они характерны и для современного туркменского языка, их можно отнести к определенному стилю речи. Синонимические ряды состоят не более, чем из двух-трех единиц. Внутри каждого синонимического ряда выделяется главный нейтральный синоним, который не имеет экспрессивно-эмоционального оттенка. Среди стилистически окрашенных синонимов выделяются единицы, присущие только письменному языку памятников и являющиеся в современном языке архаизмами.

В процессе исследования синонимов в языке письменного памятника особое внимание было уделено обнаружению лексических параллелей с современным туркменским языком. В тексте памятника зарегистрированы синонимические ряды, состоящие из фразеологизмов, которые способствуют более образной передаче мысли. Отмечено, что некоторые из них встречаются в современном туркменском языке как в неизменном виде, так и в несколько измененной форме.

Ключевые слова: памятники письменности, Юсуф Баласагунский, «Кутадгу билиг», туркменский язык, синонимические ряды, синонимы в письменном памятнике, нейтральные и стилистические синонимы.

Для цитирования: Нурыева О.А. Особенности использования синонимов в произведении «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (XI в.) и их корреляция с лексемами современного туркменского языка // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 39–51. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-39-51.

**Features of the use of synonyms in the work “Kutadgu bilig”
by Yusuf Balasaguni (the 11th century)
and their intersection with the lexemes of modern Turkmen language**

Ogulsapar Ataevna Nuryeva¹

¹ Magtymguly Institute of Language, Literature and National Manuscripts
of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Turkmenistan, Ashgabat
Ph.D. in Philology, Leading Researcher
e-mail: enesh1961@gmail.com

© IL RAS, 2023

© Nuryeva O.A., 2023

Abstract: The article discusses the use of synonyms in the written monument of the Karakhanid period (the 11th century) “Kutadgu bilig” by Yusuf Balasaguni. A large number of synonym rows have been revealed in the text of the “Kutadgu bilig” monument. It is extremely interesting to note that these rows contain lexemes that function in modern Turkmen language in the 21st century; lexemes that currently can be perceived as archaisms are also indicated here.

The lexemes in the synonymous rows of the monument differ semantically, stylistically, they are expressively and emotionally toned. They are also inherent to modern Turkmen language and can be attributed to a certain style of speech.

The synonym series consist of no more than two or three units. Within a synonymous series, it is possible to identify a main-neutral synonym that does not have an expressive-emotional connotation. Thus, in the synonym series of the studied written monument, emotionally and stylistically neutral synonyms have been identified. Among the stylistic synonyms, there are lexical units that are inherent only to the language of written monuments and are currently considered archaisms.

During the study of language of the written monument, were identified some synonym series where lexemes differ in their semantic nuances.

Throughout the study of synonyms in the language of the written monument, a special attention was given to identifying some lexical parallels in modern Turkmen language. During the scientific investigation of the monument's language, the synonym series consisting of idiomatic expressions, which help one to convey thoughts more precisely, accurately, vividly, and figuratively, were also recorded. Besides all that, there is an interesting fact that some of these idioms can be encountered in modern Turkmen language in the same form or with slight variations.

Key words: written monuments, Yūsuf Balasaguni/Yūsuf Khāss Hājib/Yusuf Has Hacib, “Kutadgu bilig”, Turkmen language, synonymic rows, synonyms in a written monument, neutral and stylistic synonyms.

For citation: Nuryeva O.A. Features of the use of synonyms in the work “Kutadgu bilig” by Yusuf Balasaguni (the 11th century) and their intersection with the lexemes of modern Turkmen language // Russian Turkology. 2023. № 1–2. PP. 39–51. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-39-51.

Введение

Синонимы – это слова, имеющие одно и то же значение и различающиеся смысловым оттенком и стилистической окраской. Формулируя понятия синонима, О.А. Ахманова пишет: «Совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц и т. д.» [Ахманова 1969: 407]. В «Русско-туркменском справочнике лингвистических терминов» тоже дается определение

синонимам: «Синонимы – это слова, имеющие одно общее значение, отличающиеся звуковой формой и стилистическими оттенками» [Amansaryýew 1981: 186].

В зависимости от контекста одно слово синонимического ряда не всегда может заменить другое из того же синонимического ряда, потому что синонимы, хотя и являются словами с одним и тем же значением, все же различаются между собой различными смысловыми оттенками. Большинство синонимов, встречающихся в языке письменных памятников, в современный период являются архаизмами, различающимися стилевым употреблением. Однако в языке письменных памятников имеют место и такие «абсолютные» синонимы, которые не имеют смыслового различия и, несмотря на то что употребляются в различных контекстах, могут замещать друг друга.

Особым своеобразием обладают синонимы, различающиеся в тексте стилистическими оттенками. В этом можно убедиться на примере синонимов, употребляющихся в произведении «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского. Поэма «Кутадгу билиг» является сочинением, относящимся к XI в. Она посвящена Бугра хану, который являлся правителем мусульманской династии и царствовал в Караханидском государстве в г. Кашгаре. Произведение написано арабской графикой на тюркском языке. Этот объемный труд дошел до нас как литературный источник в трех списках – наманганском, каирском и венском. Наименование рукописей связаны с названием того места, где их обнаружили исследователи письменных памятников.

В своих изысканиях, касающихся языка «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, мы использовали наманганский список. В ходе исследования языка «Кутадгу билиг» арабские буквы текста мы передали согласно письму (алфавиту) современного туркменского литературного языка. Например, буква ق – «каф» из арабского текста в современном туркменском литературном языке передается буквами *g* и *k* (قیزل – *gyzyl*, قیلغوسی – *kylguşy*). Выбор в написании *g* или *k* при подаче буквы ق – «каф» (*q*) зависел от употребления этих букв в современном туркменском литературном языке. Следует заметить, что во многих тюркских языках (например, казахском, узбекском и др.) в словах, в которых употребляется *k*, в туркменском литературном языке ему соответствует звонкое *g* (например: *gyzgyt* ‘горячий’, *gyz* ‘девочка’, *gyzyl* ‘красный’).

I. Лексические синонимы

1. Идеографические синонимы

В тексте «Кутадгу билиг» встречается небольшое число идеографических синонимов, оттеняющих разные стороны обозначаемого объекта, а также указывающих на другое смысловое разнообразие слов [ЛЭС 1990: 447].

1.1. К таким синонимам можно отнести *görmek* ‘видеть’ и *bakmak* ‘смотреть’:

Apa oglany görse (کورسه) *arkyş saný* [Юсуф Баласагунский 2015: 111] ‘Родоначалник, если увидит молодца, примет его за дань’.

Ýaşyk birle utru bakyşsa (بقتشسا) *tolyr* [Юсуф Баласагунский 2015: 22] ‘Если тайком посмотрят друг на друга’.

В приведенных выше примерах глаголы *görmek* ‘видеть’ и *bakmak* ‘смотреть’ составляют синонимический ряд. В данной синонимической цепочке эти глаголы являются идеографическими синонимами, различающимися смысловой окраской. В вышеприведенных примерах каждый глагол, находящийся в определенном контексте, употребляется для более точной передачи конкретного смысла. Если слово *görmek* имеет значение ‘видеть’, например, *dostumy gördüm* ‘видел друга’, то *bakmak* означает ‘смотреть на кого-то или на что-то’, например, *Oglan guza bakdy* ‘Юноша посмотрел на девушку’. Такие смысловые синонимы в каждом контексте помогают автору более точно передать свою мысль¹. Лексемы *görmek* и *bakmak* употребляются и в устной, и в письменной речи современного туркменского языка.

1.2. В исследуемом письменном памятнике слова *dileg* ‘просьба, прошение’ и *arzuw* ‘желание’ также образуют идеографический синонимический ряд (таблица 1):

Galam birle itlür tilek arzu (تلاغ ارزو) *yir* [Юсуф Баласагунский 2015: 202] ‘Пером пишется просьба, желание на кочевья’.

Слова *dileg* и *arzuw* являются семантическими синонимами. Эти слова хотя и близки по значению, все же между ними есть смысловое различие. *Dileg* употребляется в том случае, когда человек, желая чего-то, обращается к Богу (или просит у Бога), чтобы он это желание осуществил. А *arzuw* означает мечту, грезу, то, что у человека в мыслях. И все же, несмотря на то, что эти два слова обладают несколькими разными смысловыми оттенками, в данном контексте они выступают семантическими синонимами.

Таблица 1

Идеографические синонимы	
<i>bakmak</i> ‘смотреть’ <i>dileg</i> ‘просьба, прошение’	<i>görmek</i> ‘видеть’ <i>arzuw</i> ‘желание’

2. Стилистические синонимы

Большую часть синонимических рядов, встречающихся в памятнике, можно отнести к стилистическим. Такого рода синонимы, как правило, передают различную оценочную характеристику обозначаемого объекта и указывают на принадлежность слов синонимического ряда к разным стилям речи [ЛЭС 1990: 447]. Сводная таблица таких синонимов, встречающихся в памятнике, приведена ниже (см. табл. 2).

Рассмотрим подробно каждую синонимическую пару.

2.1. Лексемы *yagşy* и *edgü* ‘лучший, отличный, хороший’ образуют синонимический ряд. Например:

¹ См. также: *Ýüzi körklüg erdi görüp göz kamar* (N.B.: начертание слова *kamar* – قمار, в изданиях памятника на уйгурском языке встречается также начертание قلمار) [Юсуф Баласагунский 2015: 45] ‘Был чуден его ослепительный лик’ (Перевод по: Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983. – 434 с. – С. 63.) – прим. ред.

Таблица 2

Стилистические синонимы	Нейтральные синонимы
<i>edgü</i> ‘лучший, отличный, хороший’	<i>ýagşy</i> ‘лучший, отличный, хороший’
<i>bitig</i> ‘письмо’	<i>hat</i> ‘письмо’
<i>ýurak</i> ‘далеко’	<i>taş (daş)</i> ‘далеко’
<i>çok</i> ‘много’	<i>köp</i> ‘много’
<i>orun</i> ‘место’	<i>ýer</i> ‘место’
<i>al</i> ‘алый’	<i>gyzyl</i> ‘красный’
<i>tünerig (tün)</i> ‘темно’	<i>garaňky</i> ‘темно’
<i>budun</i> ‘народ’	<i>halk</i> ‘народ, люди’
<i>ajun</i> ‘мир, свет’	<i>dünýä</i> ‘мир, свет’
<i>a:l</i> ‘обман, ложь’	<i>hile</i> ‘обман, ложь’
<i>guşda</i> ‘на охоте’	<i>awda</i> ‘на охоте’
<i>dek</i> ‘точно, наподобие’	<i>ýanglyg (ýaly)</i> ‘точно, наподобие’

Idi ýagşy (یقشی 443) *aymyş göni sözlüg är* [Юсуф Баласагунский 2015: 365] ‘Очень хорошо молвит правдивый муж’.

Sen edgü (الكو) *kylu aç könilik ýoly* [Юсуф Баласагунский 2015: 174] ‘Ты хорошо раскрой путь правдивости’.

В примерах слова *ýagşy*, *edgü* – синонимы, имеющие значение ‘лучший, отличный, хороший’. В языке «Кутадгу билиг» они образовали синонимический ряд. Лексема *edgü* в данном синонимическом ряду отличается от слова *ýagşy* стилистической окраской. Лексическая единица *edgü* присуща только книжному стилю речи. Слово *ýagşy* нейтрально по отношению к слову *edgü*. А слово *edgü*, имеющее значение *gowu*, *ýagşy*, *hoş* ‘лучший, отличный, хороший’, присуще только ранним письменным памятникам, таким как, например, «Кутадгу билиг», т. е. слово *edgü*, относясь к книжному стилю, отличается эмоционально-экспрессивной окраской, передает смысл слова более образно, поэтично. Слова *gowu*, *oňat*, встречающиеся в современном туркменском языке, могут дополнить вышеприведенный синонимический ряд. В современном туркменском языке слово *ýagşy* употребляется в разговорной и письменной речи в одинаковой степени, может встречаться в разных стилях речи и не имеет экспрессивно-эмоциональной окраски. Рассматриваемая нами лексическая единица *edgü* в современном туркменском языке отличается от слова *ýagşy* по своему стилистическому употреблению.

2.2. В исследуемом письменном памятнике XI в. наряду со словом *bitig* ‘письмо’ встречается слово *hat* ‘письмо’. Например:

Bitigde (بتیکدا) *hat* (خط) *uz bolsa açlur köngül* [Юсуф Баласагунский 2015: 200] ‘Если в письме послание ослепительное (хорошее), то раскроется душа’.

Слова *bitig* и *hat* составляют синонимичный ряд в языке письменного памятника. В рассматриваемом синонимичном ряду слово *hat* является нейтральной лексической единицей, не имеющей эмоционально-экспрессивной окраски. *Bitig* ‘письмо’ относится к книжному стилю речи, оно архаично по отношению к слову *hat* ‘письмо’. Архаичность этого слова подтверждается данными ранних памятников. В «Древнетюркском словаре» это слово зарегистрировано в значении ‘книга, надпись, официальное письмо’, приводятся примеры употребления слова

bitig из ранних памятников. Например: *Qutluy bolzun bu bitig idisi* 'Да будет счастлив обладатель этого писания!' [Man I 21₀]; *Edgü ajiýraq bolýaj men tep kişim silanqa bitig qoddim* 'Выздоровею я или нет, – я оставлю жене моей Сыланг письмо (завещание)' [Usp 78₄] и т. д. В словаре даются такие словосочетания, как *bitig çek* 'расставлять точки (над или под буквами)', *bitig taş* 'камень с надписью, памятник'. В нем нашли отражение слова *bitigçi* 'писец', *bitiglik* 'письменный, относящийся к письму' [ДТС 1969: 103]. Лексема *hat* используется в разговорной и письменной речи современного туркменского языка, тогда как слово *bitig* не встречается в нем.

2.3. В языке «Кутадгу билиг» имеют место слова *yýrak* и *taş (daş)* 'далеко'. Например:

Ýýrak (بیراک) *taş* (تاش) *yorygly ýakyn ýortmasa* [Юсуф Баласагунский 2015: 271] 'Если ушедший далеко, близко не прибежит'.

Синонимический ряд удлинился бы, если бы к рассматриваемым словам *yýrak*, *taş (daş)*, встречающимся в контексте, были добавлены слова *uzak*, *alys* 'далеко', характерные для современного туркменского языка. Данные синонимы *yýrak*, *taş (daş)* в значении 'далеко' стилистически различаются. В некоторых письменных источниках слово *yýrak* употребляется в виде *yarak*, утратив сонорный согласный *y* (*yarak*). Это двоякое употребление характерно для языка письменных памятников, что подтверждает отношение этой лексемы к книжному стилю. Оно является стилистическим синонимом слова *taş (daş)*, слово *yýrak*, употребляясь в одном и том же контексте, что и слово *taş (daş)*, отличается от него эмоционально-экспрессивной окраской.

Слово *daş* с фонетическим вариантом *taş* в рассматриваемом письменном памятнике относится к общеупотребительной лексике. Не имея экспрессивно-эмоционального оттенка в речи, оно является стилистически нейтральным словом в данном синонимическом ряду. Слово *yýrak* в современном туркменском языке не употребляется, тогда как слово *daş* является активной лексемой в языке.

2.4. В произведении «Кутадгу билиг» употребляются слова *köp* и *çok* 'много'. Например:

Hazyna nerek köp (كوب) *er at çok* (جوق) *gerek* [Юсуф Баласагунский 2015: 223] 'Зачем много богатства мужу, нужно много (побольше) славы'.

Слова *köp* и *çok* встречаются в одном и том же контексте, но различаются по стилю употребления. *Köp* в данном синонимическом ряду является, нейтральным, чаще употребляющимся в современном туркменском языке, не имеющим стилистической окраски.

Слово *çok* в данном синонимическом ряду отличается от предыдущего слова по стилю употребления, является стилистическим синонимом. Оно чаще всего употребляется в письменных памятниках, в том числе и в языке «Кутадгу билиг», относится к книжному стилю речи. Слово *çok* благодаря стилистической окраске передает состояние предмета, вещи. Это выявляется при смысловом сравнении с нейтральным словом *köp*. Лексема *çok* не употребляется в современном туркменском языке, но ее можно встретить в языке туркменской классической литературы. На современном этапе активной лексической единицей она выступает в других тюркских языках (турецком, азербайджанском и др.).

2.5. В исследуемом письменном памятнике слова *orun* и *ýer* ‘место’ составляют синонимическую пару. Частотность их употребления в произведении «Кутадгу билиг» высока. Например:

Sanga tegdi emdi kezigçe orun (اورون) [Юсуф Баласагунский 2015: 29] ‘Тебе теперь досталось место на нем (на поверхности)’.

Idi sak küdezgü bu ýerde (يردا) *begin* [Юсуф Баласагунский 2015: 192] ‘Здесь (на этом месте) бдительно охранял своего бека’.

Однако хотя слова *oru* и *ýer* из одного синонимического ряда, они обладают стилистическими оттенками. *Orun* имеет значение места, которое отводится для того, чтобы сидеть, разместиться где-то и характерно для книжной речи. Синонимическая же единица *ýer* – нейтральное слово по отношению к лексеме *orun* и выступает основным словом в данном синонимическом ряду. Оно обозначает место, отведенное в театрах, кинотеатрах, поездах и т. п. местах [TDDS 2016b: 537].

Лексические единицы *orun* и *ýer* в современном туркменском языке употребляются достаточно часто. Лексема *ýer* употребляется в современном туркменском языке в разговорной, а также в книжной речи, тогда как слово *orun* характерно только для книжной речи.

2.6. В языке произведения «Кутадгу билиг» имеют место синонимы *gyzyl* ‘красный’ и *al* ‘алый’.

Bu erdem bile är meňiz kylsa al (آل) [Юсуф Баласагунский 2015: 196] ‘Кабы этим воспитанием муж сделал лицо алым’.

Gyzyl (قىزل) *ýüz öňi oňdy boldy saryg* [Юсуф Баласагунский 2015: 357] ‘Красное лицо вначале стало желтым’.

Gara baş ýagysy gyzyl (قىزل) *til turur* [Юсуф Баласагунский 2015: 80] ‘Красный язык станет врагом твоей черной головы’.

Оба эти слова активно употребляются в языке письменного памятника, а также в современной туркменской разговорной и письменной речи.

Прилагательные *gyzyl*, *al* в языке древнего памятника «Кутадгу билиг», хотя близки по смыслу, указывают на различие в цвете. Между этими понятиями существует качественное различие, то есть, *gyzyl* – это красный, а *al* – алый цвет. В данном синонимическом ряду слово *gyzyl* является стилистически нейтральным, не имеющим экспрессивно-эмоциональной окраски. Слово *al* выступает как стилистический синоним, так как оно употребляется чаще всего в поэтической речи. В современном туркменском языке слова *gyzyl*, *al* тоже употребляются по отношению к нужному оттенку цвета.

2.7. Слова *awda* и *guşda* со значением ‘на охоте’ в определенном контексте выступают синонимами. Например:

Tuşar at öze kuşta awda (قوشتا افدا) *süde* [Юсуф Баласагунский 2015: 192] ‘Конь встретит свою дичь во время охоты’.

Если слово *awda* обозначает охоту в общем, то слово *guşda* имеет более конкретное значение – «охота на дичь». В приведенном выше контексте эти слова образовали синонимический ряд. Слово *awda* является нейтральным в данном синонимическом ряду по отношению к слову *guşda*. Слово *guşda* употребляется в письменном памятнике, стилистически отличаясь от слова *awda* принадлежностью к книжному стилю. В современном туркменском языке употребляется только слово *awda*, а слово *guşda* является устаревшим.

2.8. В памятнике встречаются синонимы *garaňky* и *tünerig* ‘темно’. Например: *Nerek bu karangku tünerig* (فرانگور توناريك) *orun* [Юсуф Баласагунский 2015: 227] ‘Зачем нужно это темное место’.

В вышеприведенном контексте слова *garaňky*, *tünerig* ‘темно’ (таблица 2) образовали синонимический ряд. В этом синонимическом ряду *garaňky* является нейтральным словом без экспрессивно-эмоциональной окраски. Слово *tünerig*, образованное от слова *tün*, придает описываемому явлению стилистический оттенок, относится к книжному стилю речи, в основном употребляется в языке письменных памятников, его часто можно встретить в ранних письменных источниках в значении «ночь». Например: *Kapagan kagan ... tün udymaty* [Айдаров 1971: 83] ‘Капаган каган ночью не спал’. Слово *tün* в письменных памятниках также употребляется и в значении «темно».

Для лексики современного туркменского языка характерно слово *garaňky*. В ней неприемлемо употребление слова *tün*. Это слово встречается только в языке туркменской классической литературы. В современном туркменском языке оно сохранилось в фонетически измененном виде *tüm* в устойчивом сочетании *tüm garaňky* ‘очень темно’, а также в корне слова *tünek* ‘жилище’ в туркменской разговорной речи. В старину *tünek* обозначало темницу. Слово *tünek* дошло до наших дней из глубины веков со смысловым сдвигом, в основе которого лежит значение «темное помещение».

2.9. В языке «Кутадгу билиг» употребляются слова *il*, *halk* и *budun* ‘народ, люди’. Например:

Törümiş kamug halkka (خلقا) *ýetrür küçi* [Юсуф Баласагунский 2015: 231] ‘Возникшим всем народам хватит силы’.

Kamug il (ایل) *işin barça itgen bitig* [Юсуф Баласагунский 2015: 201] ‘Все заботы всего народа довершил’.

Bedük iş budun (بؤون) *başlamaky agyr* [Юсуф Баласагунский 2015: 163] ‘Трудно начать великие дела народа’.

Ukuş birle il gün (ال كون) *işin işledi* [Юсуф Баласагунский 2015: 150] ‘Со знанием совершал дела народа’.

В вышеприведенных примерах слова *il* ‘люди, народ’, *halk*, *budun* ‘народ’ и парное слово *il-gün* ‘люди, народ’ употребляются параллельно, образуя синонимический ряд (таблица 2). В этом синонимическом ряду основным словом является *halk*, которое обозначает «народ, народность». Слово *il* отличается от предыдущего слова своим смысловым оттенком, так как это слово помимо обозначения народности имеет еще значение «люди». Парное слово *il-gün* состоит из слов *il* ‘народ, люди’ и *gün* ‘день’. Эти слова, употребляясь вместе, усиливают передаваемое значение, хотя смысл второго компонента не соответствует основному значению этой лексической единицы. Если слова *il*, *halk* и парное слово *il-gün* до сих пор общеупотребительны в разговорной и книжной речи современного туркменского языка, то архаичное слово для современного этапа *budun* можно обнаружить только в самых ранних письменных памятниках. Это слово отличается от других слов, составляющих один синонимический ряд, своей стилистической окраской.

А.К. Боровков в толковании архаизмов, встречающихся в среднеазиатском тефсире (XII–XIII вв.), приводит примеры употребления слова *budun*. Он отмечает, что это слово зарегистрировано в работах С.Е. Малова в виде *budun* بؤون, у Махмуда Кашгарского – *biđun*, *bujun* [Боровков 1963: 109].

2.10. В исследуемом письменном памятнике встречаются слова *dünýä* и *ajun* ‘мир, свет’. Например:

Any emleýümez bu dünýä (دنیا) *kamy* [Юсуф Баласагунский 2015: 153] ‘Его не предложит весь этот мир’.

Iki gün ajunda (اجوندا) *bolur orny ýig* [Юсуф Баласагунский 2015: 151] ‘В этом бренном мире его место будет безукоризненным’.

Seniñde ozaky ajun (اجون) *tutguçy* [Юсуф Баласагунский 2015: 370] ‘Держащий в твоём прошлом (давнем, старом) мире’.

Наличаствующее в этих примерах слово *dünýä* употребительно в современном туркменском языке, а также в языке классической литературы, тогда как слово *ajun* встречается только в древних письменных памятниках. Первое слово в тексте письменного памятника является нейтральным по отношению ко второму в данном синонимическом ряду. Слово *ajun* стилистически отличается от слова *dünýä*, так как относится к книжному стилю, обладая экспрессивно-эмоциональной окраской. С помощью этого слова автор передает свою мысль, идею, заложенную в тексте, правдиво, достоверно, красноречиво, эмоционально-экспрессивно. Применение в произведении книжных слов свидетельствует о богатом лексиконе автора.

2.11. В языке древнего памятника «Кутадгу билиг» слова *hile* и *a:l* ‘обман, ложь’ также образовали синонимический ряд. Например:

Eng aşni ýagyka gerek hile, a:l (حيله آل) [Юсуф Баласагунский 2015: 177] ‘Чтобы получить еду, нужна хитрость’.

В данном синонимическом ряду основным нейтральным словом является *hile*, но если бы в этом ряду находилось бы общеупотребительное слово *aldaw* ‘обман’ современного туркменского языка, то оно бы выступило как нейтральное слово этой синонимической цепочки. Слово *hile*, имеющееся в языке письменного памятника, характерно для разговорной речи и книжного стиля, а слово *a:l* присуще только книжному стилю. Это обстоятельство характерно и для современного туркменского языка.

II. Фразеологические синонимы

Как вариант, синонимами могут быть не только отдельные слова, но и словосочетания, в том числе фразеологические, а также слово и словосочетание [ЛЭС 1990: 447].

1. В языке исследованного нами письменного памятника XI в. имеют место словосочетание *tapug kylguçy* и слово *tapugçy* (таблица 3).

Bilig birlе ta'at tapug kylguçy (قىلغوجى) [Юсуф Баласагунский 2015: 237] ‘Знанием и покорностью служи’.

Törüsüz tapugçy (تبوغچى) *ýaramaz erinç* [Юсуф Баласагунский 2015: 376] ‘Без правителя служитель никудышный’.

Словосочетание *tapug kylguçy* и слово *tapugçy* ‘служитель’ в приведенном контексте синонимичны. Обе эти единицы присущи языку письменных памятников и отличаются стилистической окраской. Существительное *tapug*, встречающееся в словосочетании *tapug kylguçy*, имеет значение ‘служба, работа’ [GTDS 2013: 281], а причастие *kylguçy* ‘работающий’ образовано от глагола *kyl* ‘делать,

совершать'. Несмотря на то что словосочетание *tapug kylguçy* является синтаксической единицей, а слово *tapugçy* – лексической, они имеют один и тот же смысл – «служить, прислуживать». В данном контексте эти языковые единицы синонимичны. Они не употребляются в современном туркменском языке.

2. Как было отмечено выше и показано в таблице 3, в исследуемом письменном памятнике слова могут вступать в синонимические отношения со словосочетанием. В качестве примера можно привести такие лексические единицы, как *turmak* и *ör turmak* 'вставить, вставить с места'. Например:

Turup (توروب) *çykyt andyn sewinçlig bolup* [Юсуф Баласагунский 2015: 226] 'Встав, вышел оттуда, обрадовавшись'.

Kirip turdy (توردي 55) *Aýtoldy utru örü* (اورو) [Юсуф Баласагунский 2015: 55] 'Войдя, встал напротив Айтолды'.

Устойчивое словосочетание *ör turmak* имеет значение «вставить с места». Эта лексическая единица отличается от синонимичного ей слова *turmak*, имеющего тот же смысл, своей эмоционально-экспрессивной окраской. Это устойчивое словосочетание характерно для книжного стиля. Слово *turmak* является нейтральным синонимом по отношению к устойчивому словосочетанию *ör turmak*. Они оба активно употребляются в современном туркменском языке.

Таблица 3

Словосочетания	Слова
<i>tapug kylguçy</i> 'служитель' <i>ör turmak</i> 'вставить, вставить с места'	<i>tapugçy</i> 'служитель' <i>turmak</i> 'вставить, вставить с места'

3. В процессе исследования языка «Кутадгу билиг» можно обнаружить синонимические ряды, состоящие только из фразеологических словосочетаний (таблица 4). Например:

Tilin söz bile tüzdi açty ýüzün [Юсуф Баласагунский 2015: 84] 'Составлял речь словами, открыл лицо'.

Doga kyldy ilig kör açty tilig (اجتى تىلىك) [Юсуф Баласагунский 2015: 92] 'Илиг совершил молитву, смотри, развязал язык'.

Aça birdi sözüm (اجا بردى سوزوم) *ýorytyty tilig* [Юсуф Баласагунский 2015: 40] 'Как начал говорить, так и язык развязался'.

Tilin ýarlykarda (تىلىن يارلىكاردا) *ögün birle añ* [Юсуф Баласагунский 2015: 292] 'Когда языком говоришь, ведай (уразумей) с похвалой'.

Garynka süçig girse çykrur sözüg (جىقروور سوزوك) [Юсуф Баласагунский 2015: 197] 'Если в живот войдет вкусное, промолвится слово'.

Tilin sözledi barça edgü sena, // Til açty (تىل اجتى) *ataka ewürdi ýüzün* [Юсуф Баласагунский 2015: 97] 'Язык молвил, прочел всю молитву, // Начал говорить, лицом повернулся к отцу'.

Употребляемые в тексте такие устойчивые сочетания, как *tilin tüzdi, açty tilig, aça birdi sözüm, tilin ýarlykarda, çykrur sözüg, tilin sözledi, til açty* обладают стилистической окраской и делают передаваемую мысль более выразительной. Каждое устойчивое сочетание передается разными лексическими единицами, но все они выражают один и тот же смысл – «начать говорить, вдруг заговорить, промолвить».

Эти лексикализованные сочетания отличаются от сложных слов своей сочетаемостью с определенными словами и характерной устойчивостью. Их компоненты неделимы, они в отличие от обычных словосочетаний, обладают метафоричностью.

Однако не все эти вышеприведенные фразеологические словосочетания характерны для современного туркменского языка, некоторые употребляются в несколько измененной фонетической форме, но все же узнаваемы. Например, словосочетание, встречающееся в тексте «Кутадгу билиг», *açty tilig* в современном туркменском языке встречается в виде *dil açdy*, словосочетание *aça birdi sözüm – söz açdy*, *tilin ýarlykarda – dil ýardy*, а *til açty* употребляется в неизменном виде. А такие устойчивые словосочетания, находящиеся в тексте рассматриваемого письменного памятника, как *tilin tüzdi*, *çykrur sözüg*, *tilin sözledi* не употребляются в современном туркменском языке. Но все вышеперечисленные фразеологические единицы, встречающиеся в языке исследуемого письменного памятника, делают речь произведения более меткой, образной, красивой. Различаются эти фразеологизмы от обычных словосочетаний, являющихся синтаксическими единицами, своей устойчивостью, экспрессивно-стилистической окраской, образностью. Компоненты этих фразеологических единиц семантически, лексико-грамматически целостны и метафоричны.

Таблица 4

Фразеологизмы, употребляемые только в языке «Кутадгу билиг» (в значениях ‘заговорить’, ‘промолвить’)	Фразеологизмы, употребляемые в языке «Кутадгу билиг» и в современном туркменском языке (в тех же значениях)
<i>tilin tüzdi</i> <i>çykrur sözüg</i> <i>tilin sözledi</i>	<i>açty tilig (dil açdy)</i> <i>aça birdi sözüm (söz açdy)</i> <i>tilin ýarlykarda (dil ýardy)</i> <i>til açty (dil açdy)</i>

III. Синонимичные послелог

В проанализированном письменном памятнике встречаются синонимичные послелоги. Например, послелог *dek* ‘точно, наподобие’ и синонимичный ему в письменном памятнике фонетически измененный послелог *ýanglyg (ýaly)* ‘точно, наподобие’ (таблица 2). Например:

Guwanma kiwi kutka guş dek (تكى) uçar [Юсуф Баласагунский 2015: 107] ‘Не гордись счастьем, (оно) улетит как птица’.

Bu ýanglyg (ينكلى) gerek begke erdem bilig [Юсуф Баласагунский 2015: 164] ‘Беку нужно такое разумное достоинство’.

Эти два рассматриваемых послелога имеют одно и тоже значение, но послелог *ýanglyg (ýaly)* по отношению к послелогу *dek* является нейтральным, потому что он может одинаково употребляться и в современном туркменском языке, и в книжном стиле, тогда как послелог *dek* характерен только для книжного стиля и является стилистическим синонимом послелога *ýaly* в рассматриваемом контексте².

² См. тж.: *Ýangy Aý teg artar ýaruky tolur* [Юсуф Баласагунский 2015: 63] ‘Как новая Луна увеличит свет, наполнится (светом)’ – прим. ред.

Выводы

Таким образом, в ходе научного исследования нами были выявлены синонимические ряды, встречающиеся в языке «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского. Цепочка синонимических рядов в языке исследуемого письменного памятника небольшая, но, несмотря на это, по выявленным синонимическим рядам можно определить роль и значение этих лексических единиц в тексте исследуемого письменного памятника. Синонимы одного синонимического ряда, выявленные в языке памятника, различаются смысловыми оттенками. Нужную лексему автор письменного памятника искусно применил в своем творении.

Важно отметить, что выявленные в языке письменного памятника доминирующие лексемы синонимического ряда являются активными, употребляющимися языковыми единицами по истечении десяти веков и в современном туркменском языке. В языке произведения имеют место и стилистические синонимы. Они выделены из синонимического ряда при сравнении их значения со значением нейтрального слова. В результате исследования языка письменного памятника было выявлено, что некоторые стилистические синонимы из синонимического ряда характерны и для современного туркменского языка в том же значении. В современном туркменском языке их тоже можно отнести к определенному стилю речи.

В языке исследуемого письменного памятника имеют место синонимические фразеологические обороты, которые совпадают по основному значению и в настоящее время встречаются в современном туркменском языке. Однако, следует заметить, что далеко не всегда фразеологические синонимы, имеющие место в письменном памятнике, находят свое отражение в современном туркменском языке.

Все вышесказанное дает возможность сделать нам важный вывод о том, что произведение «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского является бесценным древнейшим письменным источником для изучения истории туркменского языка.

Литература

- Айдаров 1971 – *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 380 с. {*G. Aydarov.* The language of the Orkhon monuments of ancient Turkic writing of the 8th century. – Alma-Ata: Nauka, 1969. – 380 p.}
- Ахманова 1969 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с. {*O.S. Akhmanova.* Dictionary of linguistic terms. – Moscow: Soviet Encyclopaedia, 1969. – 608 p.}
- Боровков 1963 – *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тefsira XII–XIII вв. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 368 с. {*A.K. Borovkov.* Vocabulary of the Central Asian tefsir of the 12th–13th centuries. – Moscow: Publishing House of Oriental literature, 1963. – 368 p.}
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с. {Ancient Turkic dictionary. – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p.}
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 684 с. {Linguistic encyclopedic dictionary. – Moscow: Soviet Encyclopaedia, 1990. – 684 p.}
- Клюева 1961 – *Клюева В.Н.* Краткий словарь синонимов русского языка. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1961. – 343 с. {*V.N. Klyuyeva.* A brief dictionary of synonyms of the Russian language. – Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House, 1961. – 343 p.}

- Юсуф Баласагунский 2015 – *Yusuf Has Hacib (Balasagunlu Yusuf/Yusup Balasagunly). Kutadgu Bilig Fergana (Nemengan) nüshası*. [Kutadgu bilig (namangan nusgasy).] – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2015. – 225 s. [Юсуф Баласагунский. Кутадгу билиг (наманганская рукопись). – Анкара: Изд-во ТЛЮ, 2015. – 225 с.] {*Yusuf Has Hacib. Kutadgu bilig (Fergana (Nemangan) (unfinished) copy*). – Ankara: Publishing House of the Turkish Language Association, 2015. – 225 p.} (In Turkish.)
- Amansaryýew 1981 – *Amansaryýew J. Lingwistik terminleriň rusça-türkmençe sprawoçnigi*. – Aşgabat/Ashgabat: Magaryf, 1981. – 238 s. [Амансарыев Дж. Русско-туркменский справочник лингвистических терминов. – Ашхабад: Magaryf, 1981. – 238 с.] {*J. Amansaryýev. Russian-Turkmen dictionary of linguistic terms*. – Ashgabat: Magarif, 1981. – 238 p.} (In Turkmen.)
- Çöňňäýew 1972 – *Çöňňäýew Ý. Häzirki zaman türkmen diliniň leksikologiyasy*. – Aşgabat/Ashgabat: Türkmenistan, 1972. – 203 s. [Чунгаев Я. Лексикология современного туркменского языка. – Ашхабад: Туркменистан, 1972. – 203 с.] {*Y. Chongaev. Lexicology of modern Turkmen language*. – Ashgabat: Turkmenistan, 1972. – 203 p.} (In Turkmen.)
- Çöňňäýew 1973 – *Çöňňäýew Ý. Türkmen diliniň leksikasy. I bölüm. (Semasiologiya)*. – Aşgabat/Ashgabat: Türkmenistan, 1973. – 208 s. [Чунгаев Я. Лексика туркменского языка. I часть. (Семасиология). – Ашхабад: Туркменистан, 1973. – 208 с.] {*Y. Chongaev. Vocabulary of the Turkmen language. Part I. (Semasiology)*. – Ashgabat: Turkmenistan, 1973. – 208 p.} (In Turkmen.)
- Çöňňäýew 1988 – *Çöňňäýew Ý. Häzirki zaman türkmen dili. Leksika*. – Aşgabat/Ashgabat: Magaryf, 1988. – 117 s. [Чунгаев Я. Современный туркменский язык. Лексика. – Ашхабад: Magaryf, 1988. – 117 с.] {*Y. Chongaev. Modern Turkmen language. Vocabulary*. – Ashgabat: Magarif, 1988. – 117 p.} (In Turkmen.)
- GTDS 2013 – *Gadymy türkmen diliniň sözlügi. II tom*. – Aşgabat: Ylym, 2013. – 520 s. [Словарь древне-туркменского языка. Том II. – Ашхабад: Ylym, 2013. – 520 с.] {*Dictionary of the ancient Turkmen language. Volume II*. – Ashgabat: Ylym, 2013. – 520 p.} (In Turkmen.)
- TDDS 2016a – *Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi. I tom*. – Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016. – 647 s. [Толковый словарь туркменского языка. Том I. – Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2016. – 647 с.] {*An explanatory dictionary of the Turkmen language. Volume I*. – Ashgabat: Turkmen State Publishing Service, 2016. – 647 p.} (In Turkmen.)
- TDDS 2016b – *Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi. II tom*. – Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016. – 579 s. [Толковый словарь туркменского языка. Том II. – Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2016. – 579 с.] {*An explanatory dictionary of the Turkmen language. Volume II*. – Ashgabat: Turkmen State Publishing Service, 2016. – 579 p.} (In Turkmen.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 52–70. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.13

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-52-70

ЛЕКСЕМЫ С СЕМАНТИКОЙ «МАТЬ» И «ОТЕЦ» В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ. К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛЕКТНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ ЕДИНИЦ

*Ирина Витальевна Шенцова*¹

¹ Институт филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-3064-7791
e-mail: ivshen@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Шенцова И.В., 2023

Аннотация: Лексемы с семантикой «мать» и «отец» входят в состав базовой лексики языка. В современном шорском языке употребляются четыре лексемы – *эне* и *иче* ‘мать’, *ада* и *аба* ‘отец’, – которые в диалектных текстах имеют спорадический характер. С одной стороны, эти слова сохраняют свой диалектный статус (*эне*, *ада* относятся к кондомскому диалекту, *иче*, *аба* – к мрасскому диалекту). С другой стороны, кондомские слова образуют общий фонд духовной лексики шорцев. Поэтому кондомские слова проникли во многие мрасские тексты. В наши дни преобладающий мрасский диалект заменяет кондомскую лексику общего фонда своими собственными единицами. Эти измененные слова проникают и в исконную кондомскую лексику. Анализ контекстов, проведенный в данной статье, показывает, что узусный статус рассматриваемых лексем содержит несколько параметров, обусловленных как исконной диалектной отнесенностью, так и результатом взаимодействия диалектов и созданием общей наддиалектной базы, реализующейся в сфере духовной культуры шорцев.

Ключевые слова: диалектология, шорский язык, контекстная дистрибуция лексем, лексемы с семантикой «мать» и «отец».

Для цитирования: Шенцова И.В. Лексемы с семантикой «мать» и «отец» в шорском языке. К проблеме диалектной отнесенности единиц // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 39–51. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-52-70.

Shor words denoting “mother” and “father”. The problem of dialectal attribution of the units

*Irina Vitalyevna Shentsova*¹

¹ Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
Dr. Habil. in Philology, Chief Researcher

ORCID: 0000-0002-3064-7791

e-mail: ivshen@yandex.ru

© IL RAS, 2023

© Shentsova I.V., 2023

Abstract: Words meaning “mother” and “father” are basic lexical units. There are four words (*ene*, *iche* ‘mother’; *ada*, *aba* ‘father’) in modern Shor. These units are being mixed in texts of different dialects. On the one hand, these words preserve their dialectal status (*ene*, *ada* belong to the Kondom river dialect, *iche*, *aba* represent the Mrass river dialect). On the other hand, the Kondom words have formed common fund concerning spiritual sphere of the Shor. Thus, Kondom words have come into Mrass texts. Nowadays, the dominant Mrass dialect changes Kondom units of the fund by their own ones. These changed units are penetrating into original lexis of the Kondoms. The context analysis carried out in this paper shows that the usual status of the lexemes in question has some features, dependent on original dialect base, as well as on the result of dialect interaction, mutual influence, and creation of common supradialectal vocabulary, used mostly in the spiritual practice of the Shor people.

Key words: dialectology, Shor language, distribution of words in contexts, words denoting “mother” and “father”.

For citation: Shentsova I.V. Shor words denoting “mother” and “father”. The Problem of dialectal attribution of the units // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). С. 39–51. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-52-70.

Введение

Лексемы *ada* ~ *aba* ‘отец’ и *эне* ~ *иче*¹ ‘мать’ в научной литературе рассматриваются в качестве диалектных слов шорского языка [Абрахманов, Чиспияков 2004: 174]. Действующие диалектные различия учитываются в учебном пособии по шорскому языку: *Чайгыда мен адам (абам) ма пасекте чатчадым (чатчам)* ‘Летом я со своим **отцом** на пасеке живу’; *Меең энем (ичем) үйде (эмде) чатчыр (чатча)* ‘Моя **мама** в доме живет’ [Чиспияков 1992: 28]².

Несмотря на уверенную диалектную маркировку лексем *аба*, *иче* (мрас.), *ада*, *эне* (конд.), реальная картина их употребления достаточно сложная. При изуче-

¹ Звонкий вариант фонемы, передаваемой графемой <ч>, традиционно в шорской письменности не обозначается, за исключением научной латинской транскрипции некоторых изданий, где используется специальная диакритика для обозначения озвончения (напр., <ç>; см.: [ШФ:]), там же: различие <ɬ> и <ʈ> для передне- и заднерядных слов соответственно) — прим. ред.

² В гласных заднего ряда графемы <к> и <г> – для заднеязычных смычных согласных (в окружении гласных переднего ряда). Щелевой согласный [ɣ] как заднеязычный, так и велярный, независимо от характера окружающих его гласных, обозначается графемой <г> (см.: Чиспияков Э.Ф. Графика и орфография шорского языка. Учебное пособие для студентов и преподавателей / Рецензенты: Н.Н. Широбокова, И.Я. Селютина. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1992. – С. 18). Тексты на латинизированной транскрипции [ШФ:] передаются по правилам современной орфографии. В примеры из текстов, изданных до 1992 г. ([Бабушкин 1940]), а также в примеры из рукописи С. Торбокова [Торбоков 1965] изменения не вносились (прим. авт.).

нии дистрибуции этих лексем были обнаружены определенные закономерности, не получившие еще детального, дифференцирующего их употребление описания.

Для выявления «правил» употребления лексем *аба*, *ада* ‘отец’, *эне*, *иче* ‘мать’ в шорском языке в данной работе проводится анализ контекстов этих единиц. Примеры говоров получены нами из эпосов [ШФ; ШГС; ДШ; ШГЭ 2010; ШГЭ 2012; ФШ; Торбоков 1965; Токмашов 2009; Бабушкин 1940].

Произведения других жанров включают рассказы, былички, сказки, мифы, стихотворения, песни, паремии, переводы православных текстов.

Диалектная принадлежность исследуемых текстов определяется по указанию места записи или места рождения информанта. Диалектная принадлежность неатрибутированных текстов определяется по известным языковым признакам.

Шорские авторские произведения (проза и поэзия), ориентированные на литературную форму языка (основа – нижнемерасский говор), сохраняют некоторые особенности говоров их авторов, что учтено при анализе.

Языковые особенности текста [Священная история 1883] соответствуют диалектным признакам произведения [Указание пути 1884], которые определены как мерасские [Есипова, Норманская 2022].

Таким образом, для выявления специфики в употреблении названных лексем нами описываются: (1) диалектные контексты, в которых используются лексемы *аба*, *ада* ‘отец’, *эне*, *иче* ‘мать’, с отсылкой к данным других тюркских языков; (2) диалектные контексты, в которых наблюдается «чередование» лексем (*аба* ~ *ада*, *эне* ~ *иче*); (3) диалектные контексты, которые проявляют «сцепление» единиц (*ада* ⇔ *эне*, *аба* ⇔ *эне*, *аба* ⇔ *иче*) в виде парных слов и параллельных конструкций.

Выявляемая специфика в употреблении лексем *аба*, *ада* ‘отец’, *эне*, *иче* ‘мать’ в шорском языке может показывать состояние диалектов до начала процессов языковой интеграции шорского этноса, а также уточнять связь племенных языков Шории с языками тюркских подразделений других территорий.

I. ЭНЕ ‘мать’

Шорская лексема *эне* восходит к др.-т. *ана* ~ *ене* ‘мать’, единице, сохранившейся в древнетюркских памятниках [СИГТЯ 1997: 298]. В современных тюркских языках рефлексы др.-т. *ана* ‘мать’ представлены фонетическими вариантами с широкими, узкими, а также лабиализованными гласными.

В значении «мать» лексема *ана* в своих фонетических вариантах представлена во всех генетически родственных тюркских группах [СИГТЯ 2002: 725–737; СИГТЯ 1997: 298–299]. Две разные лексемы – с инлаутным сонорным смычным (< др.-т. *ана*) и инлаутным шумным щелевым (< др.-т. *еҕе*) – зафиксированы в языках: турк. *эне*, *эҗе*; каз. *ана*, *шеше*; баш. *инә*, *әсә*.

В сибирских тюркских языках преобладает форма с инлаутным смычным сонорным (< др.-т. *ана*): алт. *эне*; кмд. *ана*; тел. *эне*. Инлаутный *j* возводится к *n* для якутского языка (як. *ийэ*) [СИГТЯ 1997: 298], к нему можно присоединить и тувинскую форму *ие*.

В хакасском и шорском языках используются две лексемы – 1) с сонорным смычным и 2) с аффрикатой: хак. *ине* ‘мать’, ‘самка’, *иче* ‘мать’; шор. *иче*, *эне*

‘мать’. В тофаларском языке в инлауте лексемы со значением «мать» шумный щелевой согласный: *иъһе* [РАЛТС 1964: 289; КмдРС 1995: 146; ТелРС 1995: 107; РЯКС 1968: 270; РТУвС 1953: 264; ХРС 2006: 126, 149; ШҚС 1993: 103, 104; РТотфС 1995: 178].

Анализ шорских эпических текстов показывает, что лексема *эне* (*ине*) и ее производные *энечек* (уменьш.-ласк. форма), *энелиг* (форма с аффиксом обладания) маркируют зоны кондомского диалекта (верхне- и нижнекондомские говоры). Например:

в.-к. *Аны көреле, алтын өрге кирген пала энезине айтты: «Адымны адап пер!» теди* [ШФ: 12] ‘Как только (ребенок) это увидел, в золотой дворец зашел, своей **матери** сказал: «Имя мое назови!»’;

н.-к. *Қуу Қыс энемнің малын, чонын тооза салдым. Инемни (энемни) қожса салдым.* [ШФ: 62] ‘Скот и народ **моей матери** Куу Кыс в заклад поставил. **Мать мою**, добавляя, поставил’;

н.-к. *Энелиг кижі энезинге талбас, күн пола перди. Палалыг кижі палазына талбас темнер пола перди* [Торбоков 1965: 30] ‘**Мать имеющий** человек **своей матери** внимания не уделяет. Ребенка имеющий человек на ребенка своего внимания не обращает – такие времена настали’.

В кондомских эпических текстах *эне* примыкает к имени собственному, т. е. выступает в роли приложения:

в.-к. *Аны уққан Қартыға Перген айтты: «Алтын Көк энем, чагыс палазын көрүп полбаан»* [ШФ: 16] ‘Его услышав, Картыға Перген сказал: «**Алтын Кёк, моя мать**, единственного своего ребенка убережь не смогла»’; *Қат қуяғын кийинип шығарда – Алтын Көк энези улуг ачыглыг полып, ылғап сықтап қалды* [ШФ: 18] ‘Когда (ее сын) многослойную кольчугу надев, выходил (из дома), **Алтын Кёк, его мать**, очень огорчилась, плакать-рыдать стала’.

Исследование сфер употребления лексемы *эне* показывает, что эта единица в определенных функциях используется в текстах без учета их диалектной принадлежности. К этим сферам относятся следующие.

1) Единица *эне* акцентирует биологическое предназначение женщины и связь «мать – дитя»:

в.-мр. *Керек тем келгенде, / тоглақ энеңең шық парчабыс* [Арбачакова 2001: 58] ‘В назначенный срок / из округлой **мамы** мы выходим’;

н.-мр. *Энедең туган чаи паллар көлөниңи кел алышсыннар, / Позының абазыба тир-да оолақ чарабазыннар!* [Амзоров 2003: 43] ‘**Матерью рожденные** дети дружно пусть объединятся, со своим отцом ни один сын пусть не разлучится!’;

н.-к. *Эмде пис ийгеле Алтын Арыг энеңең туган Алтын Қаанның черинде ат-шолазын адаткан салгын четпес ақ-сар аттыг Алтын Салгын туңмаңның читкен чолын чоларыс* ‘Теперь мы поспешим за братом твоим младшим, **рожденным матерью** твоею Алтын Арыг, у Алтын Кана получившим имя Алтын Салгын, имеющим быстрее ветра светло-желтого коня’ [Токмашов 2009: 86];

в.-к. «<...> өрегі турған улуг чайачы мени аш чиирге чайабады. <...> **Энемнең ичеге чоқ чайалгам**», – теген [ШФ: 12] ‘«<...> наверху живущий твой отец, чтобы пищу не есть, меня создал. <...> От **матери моей я создан** без кишок», – говорил’.

2) *Эне* используется со словами, обозначающими животных и птиц, имеет значение «самка»:

н.-мр. *Қыс палазы эне қас шени, элбеңнеп, пала қас шени, палаңнап кел сегриди* 'Как гусыня-мать, покачавшись, как гусенок-дитя, встряхнувшись, встала' [ФШ: 130, 175]; *Энези мўрен, палазы марапча 'Мать его* мычит, дитя ее блеет' (загадка; отгадка: *тербен* 'ручная мельница') [ДШ: 349];

н.-к. *Одус тегри ўстўбе қуш энези улуг қуш ушчытқанын көр тапты. <...> қуш энези улуг қушты қанат сыйбап кел, пожат* [Бабушкин 1940: 51] 'Тридцатью слоями неба (пролетая) мать птиц увидела, что великая птица погибает. <...> Мать птиц крыло великой птицы погладила, (ее) освободила'.

В следующем примере, кроме референции представителя фауны, присутствует смысл «предок», относящийся к сакральной сфере:

н.-мр. *Қуш энези Қубазы қуштар черине* 'в землю праматерей птиц Кувазы' [ДШ: 74, 75].

Лексема *ине* (< др.-т. *ана* ~ *ене*) может употребляться в значении «самка» и в других тюркских языках: баш. *инә, оргасы* 'самка' [РБашС 2005: 344]; хак. *ине* 'мать', 'самка' [ХРС 2006: 126].

В нормативном издании шорского языка [ШҚС 1993: 130] в значении «самка» приводится слово *тижи*, отмеченное в тюркских языках Сибири (алт., кмд., тел., як.) [РАлтС 1964: 674; РКмдС 1995: 427; ТелРС 1995: 83; РЯкС 1968: 558]. К этой группе примыкают: тур. *dışı* 'самка' [РТурС 1972: 804], уйг. *чиши* 'самка' [РУйгС 1956: 1138].

3) лексема *эне* используется для акцентирования понятий сакральной сферы (бог, солнце, земля, огонь, гора, река). *Эне* является компонентом субстантивных сочетаний, которые образованы по двум моделям. В модели «изафет-1» (*эне* + имя) *эне* находится в препозиции:

н.-мр. *Эне қудай чайап перген чер ўстў элек шени көрўнўп турча* 'Поверхность земли, матерью-божеством сотворенная, с вершины золотой горы не больше сита кажется' [ШГС: 334, 335]; *Энем Көнетки улуг тагым! 'Мать моя Кенетки, великая моя гора!'* [ШФ: 344, 347] (ритуал поклонения родовой горе); *Одус табыр от энем, қырық тиштиг қыс энем!* 'С тридцатью жилами мать-огонь (моя)! С сорока зубами девица-мать моя!' [ШФ: 346, 347] (ритуал поклонения огню очага);

в.-мр. *Эне Пырасқа сал салып, – деп, / Салымны пажсын пурган чоқ* [ФШ: 2010: 406, 422] 'В мать-Мрассу лодку спустив, говоря: / «Не повернуть ее носом»' (песня).

В модели «имя + *эне*»: элемент *эне* выполняет функцию приложения:

н.-мр. *Прас энечек, тарымма! 'Мать-Мрассу, не гневайся!'* [ФШ: 384] (ритуал поклонения духу реки); *Тагларды пила кезип Прас-энечекти таис иштеп салды* 'Тайгу вырубив (пилой спилив), матушку Мрассу мелководной сделали'; *Прас-энечек терең полар, палық өс келер* [Борискин 2006: 16] '<Если кедры на прежнем месте вырастут>, матушка Мрассу глубокой станет, рыба (в ней) заведется' (рассказ).

н.-к. *Чер энечек кининең тая катышты, тегри келе сабактаң ўзўл кабышты* 'Земля-матушка, от пупа отойдя, (с небом) соединяется. Небо, от веток отрываясь, (с землей) соединяется'; *«Алдыма сустаган қўн энем, аргама сустап*

калзаң», – *тедир* «Спереди сияющее **солнце-мать**, сзади, сияя, оставайся», – говорит» [Торбоков 1965: 32, 81].

4) лексема *эне* окказионально употребляется в диалектных эпических текстах, для которых характерно тотальное использование *иче*. Словом *эне* сказитель подчеркивает, что определенный персонаж не является членом рода главного богатыря:

н.-мр. «Қолазы Қаанның палазы, Поқай Сарыг **энелиг**, ұш крестиг алтын тайгааң тәзүнде чатқан Қара Пурба поларым!» [ШФ: 182] ‘Колазы Кана дочь, **имеющая мать** Покай Сарыг, у подножия трехкрестовой золотой тайги живущая Кара Пурба я буду!’; «Аба Қулақ абалыгзың, Ай Сабақ **энелигзиң!**» [ШФ: 228] ‘Имеющий отца Аба Кулака, **имеющий мать** Ай Сабак’ (старик, дающий имя мальчику, пришел со стороны племени матери).

Функциональное разделение *иче* ‘свой, родной’ и *эне* ‘чужой’ наблюдается в других тюркских языках. Так, в хакасском языке *ине*, *іңе* ‘мать’ – *энези* ‘свекровь’ (наряду с *хазине* ‘теща, свекровь’) [ХРС 2006: 126, 149, 1056, 777]. В каракалпакском языке *эне*, *ана*, *апа* ‘мать’ [РКкалпС 1967: 417] – *эне* ‘свекровь, теща’ [СИГТЯ 1997: 298–299]. В казахском языке *ана*, *шеше* ‘мать’ [РКазС 1954: 334], в диалектах *әні*, *ене* ‘свекровь, теща’ [СИГТЯ 1997: 298–299].

5) единица *эне* входит в состав устойчивых словосочетаний (эпических формул):

н.-мр. *Ақ Қаан апишыйдың ақ сағалы ағарып ағайа қушқа кептендир. Эне сағал әңмен туглап* ‘Белая борода старого хана, побелев, чайке [птице] подобной стала. **Мать-борода** плечи (собой) заполнила’ [ШФ: 158–161].

В кондомских текстах *эне* ‘мать’ используется «в связке» с *ада* ‘отец’: эта лексема образует синтаксические параллели, а также выступает компонентом парного слова *ада-эне* ‘отец-мать, родители’, однако в адъективном сочетании первым компонентом выступает не лексема *ада*, а *аба*: *абалыг-энелиг* ‘отца и мать имеющий’.

Таким образом, дистрибуция *эне* охватывает как кондомские, так и мрасские тексты. В кондомских текстах *эне* – исконное, диалектное слово. В мрасском диалекте (в котором «мать» обозначается лексемой *иче*) *эне* используется в сакральных произведениях и в эпических формулах. В мрасских эпических текстах *эне* реализует дополнительный смысл «чужой» («принадлежащий к другому роду»); с названиями животных *эне* значит «самка» (в обыденной речи шорцев «самка» – *тижи*). Лексема *эне* используется мрасцами также для обозначения биологического предназначения женщины и связи «мать – дитя».

II. ИЧЕ ‘мать’

Шорское слово *иче* ‘мать’ восходит к др.-т. *еҕе*, ее интервокальный согласный варьируется: $\check{g} \sim \check{c} \sim \check{z} \sim z \sim d' \sim j$. Гласные звуки этого комплекса чередуются по ряду: $i \sim e \sim \ddot{a} \sim a$ [ЭСТЯ 1974: 231–232].

Рефлексы *еҕе* наличествуют во всех тюркских ареалах. Кроме разнообразия в фонетическом отношении, *еҕе* реализует разные лексические значения, относящиеся к тематической группе «родственники».

В процессе формирования лексики тюркских диалектов произошло разграничение названий родственников по гендерному признаку. Э.В. Севортян отмечает,

что в енисейско-орхонских, старотурецких и староузбекских памятниках *еђе* реализует и «женские», и «мужские значения», при преобладании «мужских». Дальнейшая дифференциация гендерных значений зиждется на достаточно устойчивом для тюркских языков фонетическом признаке: лексемы с гласными заднего ряда обозначают лиц мужского пола, лексемы с гласными переднего ряда – лиц женского пола. Тем не менее этот процесс непоследователен, существует как тенденция [ЭСТЯ 1974: 234].

Подтверждением факта обозначения лиц мужского пола лексемами с гласными заднего ряда являются примеры из современных тюркских языков Сибири: алт. *ачы* ‘младший брат отца; сыновья и внуки брата’, тел. *ача* ‘брат; младший брат отца’, кмд. *ача* ‘дядя’, шор. *ача* ‘старший брат’, ‘дядя, младший брат отца’, хак. *ачы* ‘двоюродный, троюродный брат, состоящий в родстве по линии отца’ [ОРС 1947: 23; ТелРС 1995: 18; КмдРС 1995: 11; ШҚС 1993: 18; ХРС 2006: 91].

Рефлексы *еђе* с гласными переднего ряда в сибирских тюркских языках обозначают лицо женского пола – ‘мать’: хак. *іче*, шор. *иче*, тув. *ие*, тоф. *иъһе*, як. *ийэ* [ХРС 2006: 149; ШҚС 1993: 104; РТувС 1953: 264; РТофС 1995: 178; РЯкС 1968: 270] (источником тувинской и якутской лексем считается др.-т. *ана* ~ *ене* [СИГ-ТЯ 1997: 298]).

Значение «мать» *еђе* получила в отдельных тюркских языках и диалектах (турк. диал., тур. диал., баш., баш. диал., лоб., ср.-чул., хак. [ЭСТЯ 1974: 231–232]).

В шорском языке изоглосса *иче* ‘мать’ проходит через всю зону говоров мрасского диалекта шорского языка, она охватывает также ареал верхнекондомских говоров и проникает в нижнекондомские говоры. Таким образом, современный шорский язык можно было бы назвать сплошной зоной *иче*, если бы не сохраняющиеся участки *эне* в нижнекондомском говоре.

Лексема *иче* фиксируется в текстах разных жанров. Так, в переводах православных текстов 1880-х гг., выполненных на основе мрасского диалекта, а также в переводах Библии начала ХХІ в. на основе шорского литературного языка (нижнемрасский говор) используется только лексема *иче* ‘мать’:

«мен *ічемненг* чылаш тугам, ...» ‘я от матери моей нагим рожден’ [Священная история 1883: 41];

Иисустың крес-агаши тѳѳүнде Ааң ичези, ичезиниң қыс қарындажы – Мария Клеопова, Мария Магдалина турғаннар ‘При кресте Иисуса стояли **Матерь** его и сестра **Матери** его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина’ [Иоанн 2011: 135].

Выборка примеров из шорской авторской литературы показывает, что в этих текстах используется преимущественно лексема *иче* ‘мать’:

в.-мр. *Ам ичемниң шырайын пойумда таптым. / Ам ичемниң ақ ұнин туңмамда таптым* [Арбачакова 2001: 46] ‘Теперь у себя черты лица **мамы** я нахожу. Теперь в звонком голосе сестры голос **мамы** слышу’;

н.-мр. *Ичем чилеп, мен чүрегимнең ѳлдим* [Косточаков 1995: 86] ‘Как и **моя мать** (которая погибла), сердцем я умер’; *Ичемниң ѳстепчиганын угып, санагам кичийимде* [Белчек 2000: 66] ‘Вздохи **матери** услышав, я, малец, задумался’;

н.-к. *Киннер-қулуннар ойнап қатқырчалар. Ичелер, ыларды көр, ұшқұр үргүнчалар* ‘Жеребята, играя, смеются. **Матери**, на них глядя, вздыхая, радуются’; *Эш чыжым, ичем чилеп, садатқан* ‘Родной, подобно **матери**, лес, распродан’ [Тудегешева 2000: 137].

В шорских эпических текстах и текстах «малых фольклорных форм», записанных в зоне мрасского диалекта, для понятия «мать» используется лексема *иче*:

в.-мр. *Ичези ол оглун чооқтадарга ысчаттыр* [ШФ: 264] ‘Его мать (хозяйка горы) своего сына к охотнику послала разговаривать’ (охотничьи былички);

н.-мр. *Мерет-Оолақ ичезибе алган кижизинең чарыл полбаан, үш күнге шыгара сықтапча* [ДШ: 236] ‘Мерет-Оолак с (погибшими) матерью и своей супругой расстаться был не в силах, три дня напролет проплакал’; *Ичези чабал қызын алба, ээзи чабал эмге кирбе* ‘Не женись на девушке, если ее мать злая, не входи в дом, если его хозяин злой’ [ДШ: 322] (поговорка).

К синтаксически значимым функциям лексемы *иче*, кроме использования ее в качестве самостоятельного члена предложения, относятся приложение и обращение. В изафетной конструкции «имя собственное + *иче*=» («изафет-2») *иче* выполняет функцию приложения:

н.-мр. *Қар-парған Ақ-Ой-Арыг ичези устол тартып, аш табақпа азырады* [ДШ: 98] ‘(Его) состарившаяся мать Ак-Ой-Арыг, стол выдвинув, (его) потчевала (букв. едой кормила)’.

Сочетание «имя собственное + *иче*» используется в позиции обращения:

н.-мр. «Эзе, *Ақ-Ой-Арыг ичем*, кийиктиң палазы түктүг полчаң, кижипалазы аттыг полчаң!» [ДШ: 90] ‘Так, Ак-Ой-Арыг-мать[=моя], ребенок дикой козы с шерстью бывает, ребенок человека с именем бывает!’

Лексема *иче* в роли обращения может использоваться изолированно:

в.-мр. *Иче, мага Мустагдаң үчүн нартпақ айт пер!* [Ўлгер 1995: 17] ‘Мама, расскажи мне сказку о (горе) Мустаг!’;

н.-мр. *Оолақ айтты: «Эзе, иче, ала қор шарага аш чазап пер!» теди.* [ШФ: 186] ‘Мальчик сказал: «Так, мать, в пестрой чаше питье приготовь!» – сказал’.

Лексема *иче* в роли обращения закономерно употребляется в текстах всех говоров, включая тексты зоны *эне*, вытесняя в этой коммуникативной функции исконное *эне*:

н.-к. «Сен, *иче*, үш чылга маттабоқ могаган поларзың» [ФШ: 276] ‘Ты, мама, три года здесь сильно помучилась, наверно’; *Кичиг Чаш-Кулун энезинең сурап чөргени: «Эзе, иче, – тедир, алчаң кижибисти сен пилерзин, қайдиг чердең алчаңбысты айда пер, нис ачамма қыс аларга пар көреең» – тедир* [Бабушкин 1940: 77] ‘Младший Чаш-Кулун продолжал спрашивать свою мать: «Ну, ма-тушка, – говоря, – наших невест ты знаешь, в какой земле нам (их) взять, скажи. Мы с моим братом девиц замуж брать поедем», – сказал’.

Таким образом, лексема *иче* ‘мать’ в номинативной функции используется в мрасском диалекте шорского языка, а также в верхнекондомских говорах. В функции обращения *иче* используется и в нижнекондомском говоре. В мрасских и, отчасти, в кондомских эпических текстах *иче* примыкает к имени собственному в качестве приложения.

III. АДА ‘отец’

Шорская лексема *ада* ‘отец’ восходит к форме *ata* древнетюркских памятников, используется в современных тюркских языках южного, западного и северо-западного ареалов. В сибирских тюркских языках интервокальный согласный

звонкий: алт., тув., хак. *ada* ‘отец’ [СИГТЯ 1997: 304]. В большинстве тюркских языков лексема *ata* ~ *ada* имеет значение ‘отец, прямой родитель сына и дочери’, кроме этого значения, данная лексема реализует семантику ‘родитель’, ‘старшие родители’, ‘предки по мужской линии’, ‘дед’ [СИГТЯ 1997: 304].

Анализ шорских диалектных текстов показывает, что лексема *ada* преобладает в кондомских текстах. В мрасских текстах *ada* также используется, но в определенных условиях. Так, в кондомских эпических текстах *ada* выполняет номинативную функцию и функцию приложения:

н.-к. *Оң қолуна тутқан адазына айтты: «Сен, ада, мынаң аары парарзың! теди. <...> Алтын Кёк энемнің қойдунға кир-пар!» Анаң адазын айландырып шелгени <...>. Анаң көрзелер: Алтын Қаан адазы алтын столға одуруп, аштабақ чипчын полтыр. Пыларды көрүп Алтын Қаан адазы пыларды эзен пербеди* [ШФ: 14] ‘Своему отцу, (которого) правой рукой держал, (Картыга Перген) сказал: «Ты, отец, отсюда уйдешь! – сказал. – В объятия моей матери Алтын Кёк войди!» Потом отца своего повернув, оттолкнул. <...> Потом (они) увидели: Алтын Кан, его (Картыга Пергена) отец, за золотым столом сидя, еду-питье поглощает, оказывается. Их увидев, Алтын Кан-отец с ними не поздоровался’.

В мрасских эпосах, входящих в зону *аба*, сказитель употребляет слово *ada* для указания на то, что персонаж принадлежит чужому роду:

н.-мр. *Пурун оғлақ полтыр, абазы чогул, ичези чогул <...>. Оғлақ ылғап чадыр: «Адам чогул, ичем чогул, адап перер кижги чогул, кем мени адар?» – тедир* [Радлов 2006: 331, 334] ‘Давно мальчик был, отца нет, матери нет <...>. Мальчик плачет: «Отца моего нет, матери нет, имя мне дать, человека нет, кто меня именем наречет?» – говорил’.

В текстах «малых фольклорных жанров» лексема *ada* имплицитно несет смысл «предок»:

н.-мр. *Адазын пилбеен, ичезин уңнабаан туңмалыг печелиг чатқан полтыр ‘Отца не знающие, матери не знающие брат и сестра жили’* [ШФ: 290, 291] (быличка); *Адазы чабал сөгерге қынча, ады чабал – пурнарға қынча ‘Злой отец ругать любит, плохая лошадь опережать любит’* (н.-м.) [ДШ: 323] (поговорка); *Улуг кичиг Мунчуқ қаан, ақ адамға туруг алған! ‘Великий и малый Мунчук хан, у белого отца моего имеющий стоянку!’* [ШФ: 346, 347] (обращение к духу предка в шаманском камлании); *Адам Пустаг элчи қан! ‘Моего отца Пустага посол-хан!’* [ШФ: 344, 345] (обращение к духу-представителю хозяина горы Пустаг при обряде *шачыг*);

в.-к. *Табылғаның таңда тажырада нас чөр! Адаларыңға парып қатыш! ‘По горе, на которой растет таволожник, шумя-треща ходи! К отцам твоим, отправляясь, присоединись!’* [ШФ: 342, 343] (камлание: изгнание *узюта* – души умершего человека).

В кондомских эпосах лексема *ada* выступает «в связке» с *эне* в едином контексте, образуя «синтаксические параллели»:

н.-к. *Ада туганым полганзың ма! Эркетет келип тударға сен чабал эне туганы полганзың ма!* [Торбоков 1965: 37] ‘(Разве) ты (моего) отца родня! (Разве) ты, негодяй, матери родня, чтобы с тобой хорошо обращаться!’; *Ададаң артык чокташтылар, энедең эшитиг эрбектештилер ‘Отца приятней разговаривают, матери милее беседуют’* [Торбоков 1965: 67]. (здесь сравнее: приятнее, чем с отцом, приятнее, чем с матерью)

Из кондомских компонентов *ада* и *эне* образовано парное слово *ада-эне* ‘родители’ (букв. ‘отец-мать’), аналогичное древнетюркской единице *ata-ana* ‘родители’ [ДТС: 65]. Парное слово *ада-эне* имплицитно подразумевает дополнительный смысл «предки», как в примере о мифических быках:

н.-мр. *Аны көрген по аңчы кижии ададаң-энедең туганнаң ала андыг погда пу-галарды көрбеендир* [ШФ: 288] ‘То увидевший охотник с тех пор, как от **отца** и **матери** родился, таких огромных быков не встречал’.

Парное слово *ада-эне* ‘родители’ не имеет широкого распространения: и в кондомских, и в мрасских эпосах используется другое парное слово – *аба-иче*.

Единица *ада* входит в состав эпических формул – сочетаний с определенным набором имен. Формулы с этими элементами используются в героических поэмах обеих сказительских традиций (и мрасской, и кондомской), и, соответственно, в эпических текстах и мрасского, и кондомского диалектов. Рассматриваемые сочетания построены на основе изафетов, в которых показатели принадлежности компонентов варьируются.

1) Выражение *ада төл-* ‘родовое подразделение отца’ используется в кондомских и мрасских эпосах:

н.-к. «Слердиң **ада төллериң** кем полчаң? Ады-шолаларың кайзы полчаң?» [Торбоков 1965: 76] ‘Вашего **отца төль** какой? Ваши имена-прозвища какие?’;

н.-мр. «Ат шоланы адажарга, **ада төлдү** суражарга качан тушта, тем полар!» [ШФ: 112] ‘Время, когда имя-прозвище свое и **төль отца** спросить, настанет’.

Выражение *ада төл-* часто используется в сочетании с *эне төл-*, которые образуют параллельные конструкции:

н.-к. *Пир түш ада төлүңге пардылар. Ийги түш эне төлүн казыштылар* ‘Одно слово (букв. один раз) говоря, в **отца** породу пошли. Два слова (букв. два раза) говоря, в **материнскую** породу укоренились’ [Торбоков 1965: 14];

н.-мр. «Күмүш Қаан **адаң төлү** полган ма, анаң үчүн келип тудушчаң? **Энеңниң төлү** полган ма, Күмүш Қаанга полужарга?» [ШФ: 90] ‘(Разве) Кюмюш Кан из **төля** твоего **отца** (происходил), чтобы придя, за него сражаться? (Разве) из **төля** твоей **матери** (происходил), чтобы Кюмюш Кану помогать?’

2) В кондомских и в большинстве мрасских эпосов употребляется частотная формула *ада чурт ..., эне чурт*:

н.-к. *Чуртыг кижии ада чуртка нан парай, черлиг кижии эне чуртка нан парай* [Токмашов 2009: 54] ‘Человек, имеющий (собственный) **чурт**, в родной **чурт** (букв. **чурт отца**) вернись-ка я, человек, имеющий (собственный) **чурт**, в родной **чурт** (букв. **чурт матери**) вернись-ка я’;

н.-мр. *Анаң қарағын көрбүскенин – ада чуртуң алында турчутқан полтур. Эне ада чуртуна эн-келип, пайлап чуртап аа чада перген* ‘Потом, когда [глазами] взглянул, оказался стоящим перед **отцовским стойбищем**. К **стойбищу отца** и **матери** спустился и там, живя и богатея, жить стал’ [ШФ: 156, 157].

3) Выражение *ада чаш-* (букв. ‘времена отцов’) является эпической формулой как в мрасских, так и в кондомских текстах:

н.-мр. «Эзе, айдаң чагыс Алтын Тайчы туңмам, **адаң чажына** кижии албаан, эр қарызы қарырга этчаң ма?» [ШФ: 166] ‘О, единственный младший брат мой Алтын Тайджи, разве ты хочешь до старости (букв. до **времени твоего отца**), никогда не женившись, дожить?’; «**Ада чашиқа** өштүйибис Алтын-қан эмде ба?» [Бабушкин 1940: 72] ‘Со **времен отца** наш (злейший) враг Алтын-кан дома ли?’;

н.-к. *Эр қарызы Алтын Қаанның ада чуртун ада чаишқа сен тударзын!* [Токмашов 2009: 32] ‘Старика Алтын Кана отцовским юртом *всегда* (букв. **до времени отца**) будешь управлять!’

4) Сочетание *ада сагал*= ‘борода отца’ обозначает время наступления старости:
н.-мр. *«Кӱрген кӱрген ме, уққан уққан ма чӱрер полза, ада сагалың тӱш чайаганче чӱрзең, анда-дагы адаң чуртуна айланып келбессиң!»* [ШФ: 86] ‘(За тем, что) видел, видел ли, слышал, слышал ли, если ходить, **до отцовской бороды** (которая) грудь покрое, ходить будешь, если в здешнее отцовское стойбище не вернешься!’

5) В эпических текстах сочетание *адазы парий* ‘превосходный, лучший, доблестный потомок отцов’ используется в качестве эпитета, устойчиво употребляется в препозиции к словам – наименованиям коня:

н.-мр. *Алтын шарчын тӱзинде адазы парий Ақ-қыр ат паглал турча* [Бабушкин 1940: 50] ‘У основания золотой коновязи **превосходный Бело-серый конь** привязанный стоит’.

Компонент *пар(ий)* вычленяется в составе терминов, обозначающих ‘великолепный скакун’, ‘мифический крылатый конь’, во многих тюркских языках: кир. *тулпар*, узб. *тулпор*, баш. *толпар* [КиргРС 1965: 764; УзбРС 1959: 451; ХБЭТАн 2004: 386].

Близкий по звучанию элемент *var ~ uar (bar ~ par)* можно выделить и в других тюркских словах, обозначающих живых существ и являющихся заимствованиями из иранских языков (список слов приводится в [Räsänen 1969: 123; Широбокова 2022: 165]).

В шорском эпосе фразама *адазы парий* в качестве эпитета применяется по отношению и к другим денотатам:

н.-к. *адазы парий кадыг эргектиг каан тӱлӱ келе эргек тартып атканче пилдир чӱргени* [Торбоков 1965: 17] ‘великолепный потомок каганов, имеющий мощные пальцы’; *адазы парий абыр той* [Торбоков 1965: 52] ‘великолепный мирный пир’;

н.-мр. *адазы парий Алтын-қан* ‘превосходный Алтын-кан’; *адазы парий куртуяк* [Бабушкин 1940: 72, 47] ‘отважная старушка’; *адазы-парий қыс палазы* [ДШ: 174] ‘превосходная девица’.

6) Лексема *ада* используется в отдельных мрасских и кондомских эпических формулах:

н.-мр. *«Адаңның ачый оқ пол, энеңнің қоққуй оқ ползун!»* ‘Отца твоего огорчение, матери твоей печаль пусть будет’ [ШФ: 88–89]; *«Кӱмӱш Қаан уш ададаң ӱстӱйӱм полған, уш энедең қыныйым полған»* ‘Кюмюш Кан в течение трех поколений **отцов** врагом моим был, в течение трех поколений **матерей** противником моим был’ [ШФ: 88–89];

в.-мр. *«Ох, теен, адамның ачыйы ползын!»* теен ‘Ох, отца моего огорчение пусть будет! – говорил’ [ШФ: 246–249].

7) В эпической формуле *азыраган абазы ..., эбискен энези* ‘воспитавший отец ..., выкормившая мать’ в кондомских текстах используется лексема *ада*:

н.-к. *«Эзе, ада полуп азырап турған, эне полуп эмискен Торсу-кан»* [Торбоков 1965: 65] ‘Так, словно отец воспитавший, словно мать вскормившая (меня) Торсу-кан’.

В мрасских текстах в аналогичном выражении вместо *ада* употребляется *аба*:
 н.-мр. «*азыраган абазы пилбес, эбискен энези пилбес, қара таиштың тадын чалгап, аг-ой аттыг Алтын Сом ады-шолам полар*» ‘вскормившего отца не знающий, **выкормившей меня матери** не знающий, ржавчину черного камня я лизал и так вырос; имеющий бело-сивого коня Алтын Сом мое имя-прозвище будет’ [ШФ: 150–153].

В некоторых кондомских эпосах в подобной формуле сказитель кондомское *ада* заменяет на мрасское слово *аба*:

н.-к. *азыраган абазын пилбеди, тугуп эмискен энезин пилбеди* [ШФ: 26]
 ‘(Кан Кес) **вскормившего отца** своего не знал, родившую и **вскормившую** (мо-
 локом) **свою мать** (он) не знал’.

Итак, отметим, что лексема *ада* ‘отец’ выступает маркером кондомского диалекта шорского языка. В кондомских эпических текстах эта лексема выполняет все коммуникативные функции.

Лексема *ада*, употребляемая в составе эпических формул, составляющих общий фонд шорских героических сказаний, и в мрасских, и в кондомских текстах иногда заменяется на мрасское слово *аба*.

Наиболее прочное место *ада* занимает в коротких фольклорных произведениях – пословицах и загадках, относящихся к общему шорскому фонду.

IV. АБА ‘отец’

Шорская лексема *аба* ‘отец’ восходит к др.-т. *aba* ‘прародитель’, ‘предки’, референтом лексемы может быть и мужчина, и женщина (*аба* ‘мать’) [ДТС: 1]). В древних тюркских языках «женская линия» обозначается также формой *ара*: др.-т. *ара* ‘мать’, ‘старшая родственница’, ‘старшая сестра’ [ДТС: 45].

Э.В. Севортян считает, что семантический синкретизм др.-т. *aba* является исконным, базирующимся на значении ‘старший по возрасту в системе кровнородственных отношений’ [ЭСТЯ 1974: 55].

«Мужские значения» *aba* ~ *appa* ~ *apba* ~ *abba* реализуются как (1) ‘отец’; (2) ‘дядя’, ‘старшие родственники’, используется как обращение к старикам; (3) ‘дед по отцу’, ‘предок’ в турк. диал. [ЭСТЯ 1974: 54].

Анализ шорских диалектных текстов показывает, что изоглосса *аба* ‘отец’, кроме мрасского диалекта, охватывает и кондомские говоры. В современной шорской литературе используется форма *аба*:

н.-мр. *Аққаларыбыс, / Абаларыбыс, / Пис, / Слердиң оолларың, / Слерди алган кел, / Ылғаб-алаңнар! / Санап кел, / Черибисти / Көөлеңнер!* [Белчек 2000: 196]
 ‘Деды наши, / **отцы** наши, / мы, / вас поблагодарив, / поплачем, / о вас думая, / землю свою / (крепче) любить будем’.

Лексема *аба* используется в мрасских эпических текстах, она активна в позициях приложения к имени и при обращении:

в.-мр. *Обинге киреле, абазынга айтқан: «Сен, аба, теен, по Чагыс Оол алган қысты мага алып пербезең, аба чаннаң шық, оол чаннаң мен шығайын!»* – *теен* [ШФ: 238–240] ‘Лишь только [сын Хозяина воды] в дом вошел, **отцу** своему сказал: «Ты, **отец**, если взятую этим Чагыс Оолом девицу взяв, мне не отдашь, **из отцов** моих выходи, из сыновей я выйду», – говорил’;

н.-мр. *Оолақ-па қысчақ туруп айттылар: «Эзензиң ме, **аба!**» теп, оң қолларын пердилер* ‘Юноша и девица, поднявшись, сказали: «Здравствуй, **отец**», – сказав, правые руки подали’ [ШФ: 158–161]; *«Қаан Мерген **абам!**»* [ШФ: 142] ‘Кан Мерген **отец мой!**’

Мрасское слово *аба* проникает в кондомские тексты и используется вместо *ада*:

н.-к. *«Эзе, сен, кўлўғўм Қан Кес, ашқан парған **абан** айтқан-ма қамчы шап-тырбас қан чегрен атқа қамчы шабарға!»* [ШФ: 36] ‘Эх, ты, отважный Кан Кес, разве твой погибший **отец** говорил, чтобы ты коня, которого плетью стегать нельзя, плетью стегал!’; *Алтын Тагдың иштинде чайал-өскен Ақ Қаан абам Алтын Қаанның сең **аваңның** алднаң туган ачазы* [Токмашов 2009: 56] ‘В Золотой горе родившийся и выросший **Ак Кан, мой отец, твоего отца, Алтын Кана, старший брат**’.

Поскольку *ада* считается кондомским словом, его замена на мрасское *аба* следует оценивать как инновацию. Это происходит в позициях приложения к имени и в функции обращения. В этих позициях в кондомских эпических текстах устойчиво используется *аба*:

н.-к. *«Чарық чердиң қаны-пийи **Қан Кес аба**»* ‘Светлой земли хан-начальник **Кан Кес отец**’ [ШФ: 56]; *Пайағы пала айтты: «**Қартыға Перген аба**, сен ада-баанда кем адар?» – теди* [ШФ: 22] ‘Тот мальчик сказал: «**Картыға Перген отец**, если ты не назовешь (т. е. не дашь мне имя), кто же назовет?»’

В нижнемрасском говоре *аба* используется в метафорах и паремиях:

н.-мр. *сөстиң **абазы*** ‘смысл слова’ (букв. ‘**отец** слова’) [ДШ: 337]; *Тапқан чолыңны **абаңа** да пербе* ‘найденную дорогу и **отцу** не передашь (т. е. у каждого своя судьба)’ [ДШ: 339].

Уменьшительно-ласкательная форма *аба* – *абий* ‘отец’, ‘папочка’:

н.-мр. ***Абий** тезе анаң аары тийн көр парсқан* ‘**Отец** же ушел оттуда дальше, белку выслеживая’ [ШФ: 252, 253]; ***Абий** силероқ ушқаш аңчы кижи* ‘**Мой папа** такой же охотник, как и вы’ [Ўлгер 1995: 86].

Лексемы *аба* и *иче* образуют устойчивое сочетание (парное слово): *аба-иче* ‘родители’ (букв. ‘отец-мать’). Это образование употребляется в говорах и мрасского, и кондомского диалектов. Грамматическое оформление этого сочетания вариативно: поссесивные и падежные показатели могут сопровождать каждый элемент сочетания или оформлять лишь последний компонент:

н.-мр. *«Эзе, **аба-иче**, – тедир, – мен аңма қуштар аразынға чадып өскен кижі аң-қуш аразынға чөр келейін»* [Бабушкин 1940: 8] ‘Так, **отец-мать**, – говорил (взятый стариками медвежонок), – я, среди зверей и птиц выросший человек, среди зверей и птиц пойду, похожу’ (сказка); ***абазы ічезі** өлгеннер* [Священная история 1883: 93] ‘**родители** (Марии) умерли’; *Оолдың **абазы-ичези** келеринге чақшы көре пертирлер* [Чиспияков 1992: 273] ‘**Родители** юноши к своей невестке хорошо относились’;

н.-к. ***Аба-ичем** қай парғанын тир-да кижі наванчыр* [Токмашов 2009: 56] ‘**Отец-мать мой** куда ушли, никто не знает’.

Элементы парного слова *аба-иче* могут принимать эмотивный аффикс (=ий):

н.-мр. *«Ажа тоқта, мен саға сағыш перерим, **абийбе ичийди** қыыраар, кўн полар!»* ‘Ну, погоди, я тебе задам (букв. мысль дам), **папочку с мамочкой** звать будешь, день настанет!’ [Ўлгер 1995: 84].

В адъективном сочетании *абалыг-энелиг* диалектная «связка» нарушена, т. е. парное слово *аба-иче* должно образовать форму *абалыг-ичелиг*, а *ада-эне* – *адалыг-энелиг*. Однако и в мрасских, и кондомских эпических текстах используется парное слово *абалыг-энелиг*:

н.-мр. «*Қара-Қан абалыгзың*», – *тедир* – «*Алтын Торғу энелигзың*», – *тедир* [ШГЭ 2012: 142] ‘Имеющий отца **Кара-Кана** (ты), – говорит, – имеющий **мать** Алтын-Торғу», – говорил’;

н.-к. *Ақ Қаанма Алтын Қаанның төлдең шыққан, Ақ Қаан абалыг, Ақ Сабақ энелиг ада чашка оглан чаптыг қыс палазы Алтын Кёөк, теп, ады-шолам адалған* ‘Я из рода братьев Алтын Кана и Ак Кана. **Мои родители** – Ак Кан и Ак Сабак. В богом данной жизни вечно юной Алтын Кёк меня зовут’ [Токмашов 2009: 60].

Динамика перехода *абалыг* < *адалыг* прослеживается в мрасских эпических текстах в повторяющихся эпических формулах. Мрасское слово *аба* и кондомское *эне* соединяются в эпических формулах, представляющих собой параллельные конструкции:

н.-мр. «*Абаңның пажын айтсаң! Энеңнің төжәң айтсаң!*» [ШФ: 96, 97] ‘Скажи про **голову отца** твоего, скажи про **грудь матери** твоей!’

В мрасских текстах, записанных в первой трети XX в., зафиксировано чередование лексемы *ада* с *аба* в эпических формулах: *адам адазы, ... энем энези* > *абам абазы, ... энем энези* [ШФ: 108, 102] ‘отец моего отца, ... мать моей матери’, *ада чурту, ... эне чурту* > *аба чурту ... эне чурту* ‘чурт моего отца, ... чурт моей матери’ [ШФ: 140, 156].

Таким образом, анализ мрасских текстов показывает, что *аба* – базовое слово этого диалекта. Мрасское слово *аба* проникает в состав эпических формул и других устойчивых сочетаний, заменяя в них исконное слово *ада*. Мрасская лексема *аба* окказионально используется в кондомских текстах вместо *ада*.

Заключение

Рассматривая состав лексем с семантикой «мать» и «отец» в шорском языке на фоне других тюркских языков, следует отметить, что рефлексy древнетюркских *ata, aba, ana, ege* в шорском языке представлены полностью.

Поиски шорских лексических параллелей с другими тюркскими языками показывают, что некоторые единицы, наиболее частотные в шорском языке, образуют лишь небольшие ареалы в общем тюркском пространстве, а мажоритарные общетюркские единицы в шорском языке ограничены определенным говором.

Так, *аба*, диалектное мрасское слово, приобретает статус общешорского, наддиалектного, является более частотным по сравнению с *ада*. В значении «отец» *аба* употребляется лишь в некоторых западных тюркских языках и диалектах.

В сибирских тюркских языках *аба* ‘отец’, кроме шорского, используется в тувинском языке, в диалектах хакасского языка (саг.), в диалектах алтайского языка, в алтайском языке как обращение «батюшка».

Диалектное кондомское слово *ада* в значении «отец» находит параллели в южных и западных тюркских языках. В тюркских языках Сибири *ата* ~ *ада* употребляется в алтайском, хакасском, шорском, тувинском, тофаларском языке и в языке сибирских татар.

Во всех диалектах шорского языка использование *ада* 'отец' закреплено в паремиях, в эпических формулах, сакральных текстах. Эта лексема дополнительно может имплицировать значение «предок».

Употребление диалектного кондомского слова *эне* 'мать' ограничено эпическими формулами, паремиями, сакральными текстами. В «общешорском масштабе» эта лексема манифестирует дополнительные смыслы: «женщина-мать»; «животное-мать» (фольк.).

В большинстве тюркских языков в значении «мать» употребляются единицы – рефлексы др.-т. *ана* ~ *ене*. В тюркских языках Сибири *ане* ~ *эне* 'мать', кроме шорского, используется в алтайском, кумандинском, телеутском, хакасском языке и в языке сибирских татар.

Диалектное мрасское слово *иче* 'мать' приобретает статус общешорского, наддиалектного, оно вытесняет его из нижнекондомского говора с начала XX в. В других тюркских языках Сибири рефлексам др.-т. *ege* являются хак. *içe*, тоф. *uñhe*, ср.-чул. *ича*. В южных и западных ареалах тюркских языков параллели *ege* представлены в турецких, туркменских, башкирских диалектах, в башкирском и в лобнорском языках.

Данный обзор показывает, что лексический фонд шорского языка, сформированный в общетюркскую эпоху, сохранил черты этого состояния и отразил процессы взаимодействия языков региона.

Так, население современной Шории (территории верховьев р. Томи и ее основных притоков – рек Мрассу и Кондома) формировалось на субстратах до-тюркских этносов, которые для мрасцев и кондомцев были разными.

Кроме того, тюркизация территории осуществлялась генетически неродственными тюркскими племенами, продвигавшимися на запад. Поэтому лексические параллели диалектов шорского языка можно проследить в географически отдаленных диалектах разных генетических групп тюрков. При этом нижнекондомский говор, имея маркеры *ада*, *эне*, обнаруживает следы языков кыпчакского типа, а мрасский диалект и верхнекондомские говоры, маркированные лексемами *аба*, *иче*, – следы огузских языков.

На территории Шории до настоящего времени происходят процессы интеграции представителей мрасцев и кондомцев, что приводит к смешению диалектов и формированию новых ареалов. Так, северные говоры мрасского и кондомского диалектов сформировали свой языковой ареал, а южные говоры – свой.

В северном ареале доминирует нижнемрасский говор, он же основа шорского литературного языка, в то время как нижнекондомский говор практически утрачивается, так как территории его распространения являются наиболее урбанизированными.

В южном шорском ареале сохраняется разговорный язык с особенностями нескольких говоров этой территории.

Характеризуя дистрибуцию лексем с семантикой «мать» и «отец» в шорском языке, отметим, что диалектная маркированность лексем проявляется в основном в эпических текстах. Кондомские диалектные слова *ада*, *эне* сохраняются в современном шорском литературном языке в устойчивых сочетаниях. В литературной форме шорского языка, основанной на нижнемрасском говоре, распространены лексемы *аба* и *иче*, которые проникают в существующие живые говоры.

Языки, диалекты, говоры

аз. – азербайджанский	ног. – ногайский
алт. – алтайский	саг. – сагайский (диалект хакасского языка)
баш. – башкирский	сал. – саларский
в.-к. – верхнекондомский говор	сюг. – сарыг-югурский
в.-мр. – верхнемрасский говор	тат. – татарский
гаг. – гагаузский	тел. – телеутский
др.-т. – древнетюркский	тоф. – тофаларский
каз. – казахский	тоф. – тофаларский
кбалк. – карачаево-балкарский	тув. – тувинский
кир. – киргизский	тур. – турецкий
ккалп. – каракалпакский	турк. – туркменский
кмд. – кумандинский	узб. – узбекский
конд. – кондомский диалект	уйг. – уйгурский
кум. – кумыкский	хак. – хакасский
лоб. – лобнорский	чув. – чувашский
мрас. – мрасский диалект	шор. – шорский
н.-к. – нижнекондомский говор	як. – якутский
н.-мр. – нижнемрасский говор	

Литература

- Абрахманов, Чиспияков 2004 – *Абрахманов М.А., Чиспияков Э.Ф.* Заметки по шорской лексике (по материалам полевых записей 1963–1966 гг.) // Чиспияков Э.Ф. Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Собрание научных статей / Отв. ред. Ф.Г. Чиспиякова, Н.С. Уртегешев. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. – С. 166–185. {*M.A. Abdrakhmanov, E.F. Chispiyakov. Notes on Shor lexics (based on the field notes of 1963–1966) // Chispiyakov E.F. Language, history, culture of South Siberian Turks. Selected works / Eds.: F.G. Chispiyakova, N.S. Urtegeshev. – Novosibirsk: Sibirskiy chronograf, 2004. – PP. 166–165.*}
- Амзоров 2003 – *Амзоров М.П.* Часкыдагы сагыш [Весенняя дума] // Шенцова И.В. Кыырчан ном. Книга для чтения на шорском языке в 3 классе. – Новокузнецк: Кузбасская госпедакадемия, 2003. – С. 43. {*M.P. Amzоров. Časqydagy sagyš: Vernal thought // I.V. Shentsova. Qyurčan nom. A book for reading in the 3rd grade. – Novokuznetsk: Kuzbass State Academy of Pedagogics, 2003. – P. 43.*} (In Shor.)
- Арбачакова 2001 – *Арбачакова Л.Н.* Оңзас черим. Тернии души. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2001. {*L.N. Arbachakova. My birth place Oңzas. My soul's striving. – Novokuznetsk: Kuznetskaya krepост.*} (In Shor.)
- Бабушкин 1940 – *Бабушкин Г.Ф.* Шор ыбактары. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1940. {*G.F. Babushkin. Shor fairytales. – Novosibirsk: Novosibirsk Publishing House, 1940.*}
- Белчек 2000 – *Бельчегешев Н.Е.* Наа-эски чурт. Небесная Мрассу. Сборник стихов и рассказов. – Новокузнецк, 2000. {*N.Ye. Belchegeshev. The new old camp. Supernal Mrassu. Selection of poems and stories. – Novokuznetsk, 2000.*} (In Shor and Russian.)
- Борискин 2006 – *Борискин В.П.* Мең черимниң сөстери. Рассказы моего края. – Междуреченск, 2006. {*V.P. Boriskin. Meң čerimniң sösteri. Tales of my land. – Mezhdurechensk, 2006.*} (In Shor.)
- ДТС – Древнетюркский словарь / Ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. {*Old Turkic dictionary / Eds. V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. – Leningrad: Nauka, 1969.*}
- ДШ – Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А.И. Чудоякова. – Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2008. {*Spiritual Shoria. Shor folklore put down by prof. A.I. Chudoyakov and other texts from his archive. – Kemerovo: “Kuzbass” Publishing and Printing House, 2008.*}
- Есипова, Норманская – *Есипова А.В., Норманская Ю.В.* Архаические графико-фонетические особенности в первых православных памятниках на шорском наречии (на материале книги «Указание пути в царствие небесное...») // Российская тюркология. – М., 2022. – № 1–2 (34–35). –

- С. 12–31. {*A.V. Yesipova, Yu.V. Normanskaya*. Archaic graphic and phonetic features of the first Shor orthodox texts (on the basis of “Indication of the way into the Kingdom of Heaven...”)} // *Russian Turkology*. – Moscow, 2022. – No. 1–2 (34–35). – PP. 12–31.}
- Иоанн 2011 – Евангелие от Иоанна в переводе на шорский язык с параллельным русским Синодальным переводом с приложением шорско-русского словаря / Переводчик: Геннадий Косточаков. Богословский редактор: С. Сычев. Редактор: Л. Арбачакова. Консультант: А. Десницкий. – М.: Институт перевода Библии, 2011. {*New Testament (by John) in Shor with parallel text of Russian Synodal translation and with a Shor-Russian dictionary (appendix) / G. Kostochakov (transl.). S. Sychev (orthodox ed.). L. Arbachakova (ed.). A. Desnitskiy (consult.). – Moscow: Institute of Bible Translating. 2011.*} (In Shor and Russian.)
- КиргРС 1965 – Киргизско-русский словарь. Кыргызча-орусча сөздүк / Сост. проф. *К.К. Юдахин*. – М.: Советская энциклопедия, 1965. {*Kyrgyz-Russian dictionary. Kyrgyzça-oruşça sözdük / Compiled by prof. K.K. Yudakhin. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1965.*}
- Косточаков 1995 – *Косточаков Г.В.* Ала тагларым. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. [*Косточаков Г.В.* Пестрые горы мои. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994.] {*Kostochakov G.V. My colourful mountains. – Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost, 1995.*} (In Shor.)
- ОРС 1947 – Ойротско-русский словарь / Сост.: *Н.А. Баскаков, Т.М. Тошчакова*. Под общей ред. *Н.А. Баскакова*. – М.: ОГИЗ Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1947. {*Oyrot-Russian dictionary / Compiled by N.A. Baskakov, T.M. Toshchakova. Ed. by N.A. Baskakov. – Moscow: OGIz State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1947.*}
- Радлов 2006 – *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В.В. Радловым. – Часть I. Поднарфчя Алтай: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. – Изд. 2-е, испр. [собраны В.В. Радловым; сост. В.Э. Кыдыев]. – Горно-Алтайск: «Ак-Чечек», 2006. – 494 с. {*W.W. Radloff. Samples of folk literature of Turkic tribes. – Part I. Subdialects of the Altai: Altai, Teleut, Chernovyye and Lebedin Tatars, Shors and Sayans. – 2nd edition, revised. [collected by W.W. Radloff; edited by V.E. Kudyayev]. – Gorno-Altai: “Ak-Chechek”, 2006. – 494 p.*}
- РАЛТС 1964 – Русско-алтайский словарь / Под ред. *Н.А. Баскакова*. – М.: «Советская энциклопедия», 1964. {*Russian-Altai dictionary / Ed. by N.A. Baskakov. – Moscow: “Sovetskaya entsiklopediya”, 1964.*}
- РБашС 2005 – Русско-башкирский словарь / Под ред. академика *З.Г. Ураксина*. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2005. – Том 1. А–О. – 808 с. – Том 2. П–Я. – 680 с. {*Russian-Bashkir dictionary / Ed. by acad. Z.G. Uraksin. – Ufa: “Bashkirkaya entsiklopediya” Scientific Publishing House, 2005. – Vol. 1. A–O. – 808 p. – Vol. 2. P–Ya. – 680 p.*}
- РКазС 1954 – Русско-казахский словарь / Под общей ред. проф. *Н.Т. Сауранбаева*. – М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1954. {*Russian-Kazakh dictionary / Ed. by prof. N.T. Sauranbaev. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1954.*}
- РКалпС 1967 – Русско-каракалпакский словарь / Под ред. *Н.А. Баскакова*. – М.: «Советская энциклопедия», 1967. {*Russian-Karakalpak dictionary / Ed. by N.A. Baskakov. – Moscow: “Sovetskaya entsiklopediya”, 1967.*}
- КмдРС 1995 – Кумандинско-русский словарь / Сост. *Л.М. Тукмачев, М.Б. Петрушова, Е.И. Тукмачева*. – Бийск: «Бийский котельщик», 1995. {*Kumandin-Russian dictionary / Compiled by L.M. Tukmachev, M.B. Petrushova, Ye.I. Tukmacheva. – Biysk: “Biyskiy kotel’shchik”, 1995.*}
- РТофС 1995 – *Рассадин В.И.* Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. {*V.I. Rassadin. Tofalar-Russian dictionary. Russian-Tofalar dictionary. – Irkutsk: East Siberian Publishing House, 1995.*}
- РТувС 1953 – Русско-тувинский словарь / Под ред. *А.А. Пальмбах*. – М.: Гос. Издательство иностранных и национальных словарей, 1953. {*Russian-Tuva dictionary / Ed. by A.A. Palmbakh. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1953.*}
- РТурС 1972 – Русско-турецкий словарь. Rusça-türkçe sözlük / Сост. *Э.М.-Э. Мустафаев, В.Г. Щербинин*. – М.: Советская энциклопедия, 1972. {*Russian-Turkish dictionary / Compiled by E.M.-E. Mustafaev, V.G. Shcherbinin. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1972.*}
- РУЙгС 1956 – Русско-уйгурский словарь / Под ред. *Т.Р. Рахимова*. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. {*Russian-Uyghur dictionary / Ed. by T.R. Rakhimov. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1956.*}

- РЯКС 1968 – Русско-якутский словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1968. {Russian-Yakut dictionary. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1968.}
- Священная история 1883 – Священная история на шорском нарѣчии для инородцевъ восточной половины Кузнецкаго округа / Пер. и подгот. изд. И.М. Штыгашев. – Казань: изд. Православного Миссионерскаго Общества, 1883. {The Sacred history in the Shor dialect for allogeneous people of the eastern part of the Kuznetsk district / Edited and prepared by I.M. Shtygashev. – Kazan: Publication of the Orthodox Missionary Society, 1883.} (In Shor.)
- СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. {Comparative (and) historical grammar of Turkic languages. Lexics. – Moscow: Nauka, 1997.}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. {Comparative (and) historical grammar of Turkic languages. Regional reconstruction / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka, 2002.}
- ТелРС 1995 – Рюмина-Сыркашева Л.Т., Н.А. Кучигашева. Телеут-орус сөзлик. Телеутско-русский словарь / Науч. ред. Н.Н. Широкова. – Кемерово: АО Кемеровское книжное издательство, 1995. {Ryumina-Syrkasheva L.T., Kuchigasheva N.A. Teleut-orus sözlik. Teleut-Russian dictionary / Scient. ed. by N.N. Shirobokova. – Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1995.}
- Токмашов 2009 – Токмашов Б.И. Каан Оолак. Богатырское сказание кондомских шорцев. – Новокузнецк: Кузбасская государственная педагогическая академия, 2009. {B.I. Tokmashov. Qaan Oolaq. The Kondom Shor heroic saga. – Novokuznetsk: Kuzbass State Akademy of Pedagogics, 2009.}
- Торбоков 1965 – Торбоков С. Шорское героическое сказание «Кубай-Салгын» / Сказитель, переводчик: С. Торбоков. – Осинники, 1965. – Рукопись 85 с. {S. Torbokov. Shor heroic saga “Qubay-Salgyn” / Reciting, putting down the text, translating into Russian by S. Torbokov. – Osinniki, 1965. – Manuscript, 85 p.}
- Тудегешева 2000 – Тудегешева Т.В. Поющие стрелы времен. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2000. {T.V. Tudegesheva. The singing arrows of time. – Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost, 2000.}
- УзБРС 1959 – Узбекско-русский словарь / Глав. ред.: А.К. Боровков. – М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1959. {Uzbek-Russian dictionary / Ed. by A.K. Borovkov. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1959.}
- Указание пути 1884 – Указание пути в царствие небесное на шорскомъ нарѣчии. Тегридин чарыгынга кірчен чолды кѡдѣсче. – Издание Православнаго Миссионерскаго Общества. – Казань: Типо-Литографія В.М. Ключникова, 1884. {Indication of the way into the Kingdom of Heaven in the Shor dialect. – Publication of the Orthodox Missionary Society. – Kazan: V.M. Klyuchnikov’s Printing and Lithography House, 1884.} (In Shor.)
- ФШ – Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010 годов / Сост. Л.Н. Арбачакова. – Новосибирск: Наука, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 29). {The Folklore of the Shor people in notes of 1911, 1925–1930, 1959–1960, 1974, 2010 / Compiled by L.N. Arbachakova. – Novosibirsk: Nauka, 2010. (Folklore monuments of Siberian and Far Eastern peoples. – Vol. 29).}
- ХРС 2006 – Хакаско-русский словарь. Хакас-орыс сөстiк. – Новосибирск: Наука, 2006. {Khakass-Russian dictionary. Nakas-orys söstik. – Novosibirsk: Nauka, 2006.}
- Чиспияков 1992 – Чиспияков Э.Ф. Учебник шорского языка. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. {E.F. Chispiyakov. Shor language textbook. – Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1992.}
- ШГС – Шорские героические сказания / Вступительная статья, подготовка поэтического текста, перевод, комментарии А.И. Чудоякова; музыковедческая статья и подготовка нотного текста Р.Б. Назаренко. – Москва-Новосибирск: Наука, 1998. – 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 17). {The Shor sagas / Introduction, text edition, translation into Russian, comments by A.I. Chudoyakov; musical arrangement, notes, and description by R.B. Nazarenko. – Moscow-Novosibirsk: Nauka, 1998. (Folklore monuments of Siberian and Far Eastern peoples. – Vol. 17).}
- ШГЭ 2010 – Шорский героический эпос. Том 1 / Сост., подгот. к изд., вступит. ст., пер. на рус. яз., примеч. и коммент. Д.А. Функа. – М.: ИЭА РАН, 2010. {Shor heroic epos. Vol. 1 / Compiling, commentaries, edition, translation into Russian by D.A. Funk. – Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 2010.}

- ШГЭ 2012 – Шорский героический эпос. Том 3 / Сост., подгот. к изд., статьи, пер. на рус. яз., приложения, примеч. и коммент. *Д.А. Функа*. – Кемерово: ООО «Примула» – 2012. {Shor heroic epos. Vol. 3 / Compiling, commentaries, edition, translation into Russian by *D.A. Funk*. – Kemerovo: “Primula” LLC.}
- Широбокова 2022 – *Широбокова Н.Н.* Лексические изоглоссы в «Диалектологическом атласе тюркских языков СССР» // Тюркские ареалы Сибири / Отв. ред. И.А. Невская, Н.Б. Кошкарева. – Новосибирск: Академиздат, 2022. – С. 148–199. {*N.N. Shirobokova*. Lexic isoglottic lines in the “Dialect Atlas of Turkic Languages of the USSR” // Turkic areas of Siberia / Eds.: I.A. Nevskaya, N.B. Koshkareva. – Novosibirsk: Akademizdat, 2022. – PP. 148–199.}
- ШКС 1993 – *Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я.* Шор-казақ пазоқ қазақ-шор үргедиг сөстүк. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1993. {*N.N. Kurpeshko-Tannagasheva, F.Ya. Aponkin*. Shor-Russian and Russian-Shor dictionary for students. – Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1993.}
- ШФ – Шорский фольклор / Записи, пер., вступ. статья и прим. *Н.П. Дыренковой*. – М.–Л.: АН СССР, 1940. {The Shor Folklore / Record, translation, introduction, and commentaries by *N.P. Dyrenkova*. – Moscow–Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR, 1940.}
- ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. {*E.V. Sevortyan*. Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic, and inter-Turkic roots beginning with vowels. – Moscow: Nauka, 1974.}
- Räsänen 1969 – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. – Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII,1.; Suomalais-ugrilainen seura. – 1969. – 533 S. {*M. Räsänen*. An attempt at etymological dictionary of Turkic languages. – Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII,1.; Suomalais-ugrilainen seura. – 1969. – 533 p.} (In German.)
- ХБЭТАһ 2004 – Хәзерге башкорт әзеби теленең аңлатмалы һүзлеге / *З.Ф. Ураксин, Н.Ф. Суфьянова, З.Г. Уразбаева* (мөхәррият). – Өфө: Китап, 2004. – 528 с. [Толковый словарь современного башкирского литературного языка / Ред.: *З.Г. Ураксин, Н.Ф. Суфьянова, З.Г. Уразбаева*. – Уфа: Китап, 2004. – 528 с.] {Explanatory dictionary of modern Bashkir literary language / Eds.: *Z.G. Uraksin, N.F. Sufiyanova, Z.G. Urazbaeva*. – Ufa: Kitap, 2004. – 528 p.} (In Bashkir.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 1–2 (38–39), pp. 71–82. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.373.21

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-71-82

ОНОМАСТИКА

ТЮРКСКАЯ ТОПОНИМИЯ В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Юлиана Юрьевна Гордова¹
Олег Алексеевич Мудрак²

¹ Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
доктор филологических наук
ORCID: 0000-0002-6775-5518
e-mail: gordova@iling-ran.ru

² Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия
доктор филологических наук
ORCID: 0000-0002-8553-7063
e-mail: omudrak@iling-ran.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Гордова Ю.Ю., Мудрак О.А., 2023

Аннотация: Статья знакомит читателей с тюркским языковым материалом, упомянутым в первой работе авторов на данную тему – «Топонимические пласты междуречья Цны и Дона как свидетельство известных и неучтенных народов юго-востока Древней Руси». Тюркская топонимия данного региона никогда не была предметом специального рассмотрения, что определяет новизну исследования. Целью работы является выявление и этимологизация топонимов, связанных с тюркским языковым источником, для реконструкции топонимической ситуации в регионе до периода массового славянского (русского) заселения. В настоящей статье приводится полный список тюркских наименований, выявленных с использованием методов ономастической выборки и языковой атрибуции топонимического материала, с указанием видовой принадлежности и местоположения топонимов. При помощи этимологического метода устанавливается происхождение названий, а лежащие в их основе апеллятивы соотносятся с соответствующими тюркскими языками и диалектами.

Исследование показало, что в тамбовской топонимии присутствуют лексемы, характерные для тюркских языков среднего Поволжья. В ней также отмечены ориентализмы (арабизмы, персизмы), проникшие через тюркское посредство. Отражения фонетического освоения позволяют определить время появления тюркизмов в данном ареале и, соответственно, появление значимого тюркского населения в бассейне между Доном и Волгой. Хронологическая стратификация оказывается довольно поздней практически для всех засвидетельствованных топонимов, появление тюркских географических названий (включая гидронимы) приходится на последнее тысячелетие. Предпринятая семантическая разбивка выявленных тюркизмов позволила определить наиболее продуктивные в тамбовской

топонимии семантические группы и отраженные в них ландшафтные и культурно-исторические особенности территории.

Исследование представляет интерес для специалистов по лингвистической географии, тюркологов, историков, этнографов, а также краеведов и музейных работников. Полученные данные позволяют уточнить исторические ареалы расселения разных народов даже в тех местах, где произошла полная смена населения.

Ключевые слова: тамбовская топонимия, междуречье Цны и Дона, тюркские языки, кыпчакские языки, чувашский язык, татарский язык.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01924 «Лингвистическая история Чувашско-Марийского Поволжья» (организация финансирования – Институт языкознания Российской академии наук). – Режим доступа: <https://rscf.ru/project/22-28-01924/>.

Для цитирования: Гордова Ю.Ю., Мудрак О.А. Тюркская топонимия в Тамбовской области // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 71–82. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-71-82.

Turkic toponymy in the Tambov region

Yuliana Yurevna Gordova¹
Oleg Alexeevich Mudrak²

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Habil. in Philology
ORCID: 0000-0002-6775-5518
e-mail: gordova@iling-ran.ru

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Dr. Habil. in Philology
ORCID: 0000-0002-8553-7063
e-mail: omudrak@iling-ran.ru

© IL RAS, 2023

© Gordova Yu.Yu., Mudrak O.A., 2023

Abstract: The article introduces readers to the Turkic language material mentioned in the authors' first work on this topic – “Toponymic layers of the Tsna-Don interfluvium as evidence of known and unrecorded peoples of the southeast of Ancient Rus”. The Turkic toponymy of this region has never been the subject of special consideration, which determines the novelty of the study. The purpose of the work is to identify and etymologize toponyms associated with the Turkic linguistic source in order to reconstruct the toponymic situation in the region before the period of mass Slavic (Russian) settlement. This article provides a complete list of Turkic names identified using methods of onomastic sampling and linguistic attribution of toponymic material, indicating the species and location of toponyms. In the course of etymological analysis, the etymology of names is established, and the underlying appellatives are correlated with the corresponding Turkic languages and dialects.

The study showed that Tambov toponymy contains lexemes characteristic of the Turkic languages of the middle Volga region. It also notes Orientalisms (Arabisms, Persianisms) that penetrated through the Turkic medium. Reflections of phonetic development make it possible to determine the time of the appearance of Turkisms in a given area and, accordingly, the appearance of a significant Turkic population in the basin between the Don and Volga. Chronological stratification turns out to be late for all attested toponyms. The appearance of Turkic geographical names (including hydronyms) dates back to the last millennium. The undertaken semantic breakdown of the identified Turkisms made it possible to determine the most productive seman-

tic groups in Tambov toponymy and the landscape and cultural-historical features of the territory reflected in them.

The study is of interest to specialists in linguistic geography, Turkologists, historians, ethnographers, as well as local historians and museum workers. The data obtained make it possible to clarify the historical areas of settlement of different peoples, even in those places where a complete change of population occurred.

Key words: Tambov toponymy, interfluvium of Tsna and Don, Turkic languages, Kipchak languages, Chuvash language, Tatar language.

Acknowledgment: The research was carried out with the financial support of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-28-01924 "Linguistic History of the Chuvash-Mari Volga region" (the funding organization is the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences). – URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01924/>.

For citation: Gordova Yu.Yu., Mudrak O.A. Turkic toponymy in the Tambov region // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 5–25. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-5-25.

Введение

Довольно часто древние несохранившиеся ареалы, показывающие зоны распространения конкретных народов в прошлом, можно определить лишь по остаточным следам, отраженным в заимствованиях современных языков. Как правило, эти заимствования являются урывочными и не составляют четкую систему. Редким исключением системного сохранения заимствований является топонимия. Следы исчезнувших народов отражаются в традиционных названиях рек, урочищ, населенных пунктов и т. д., хотя точное значение названий остается скрытым для современных насельников. Чтобы определить эти народы и примерное время их проживания на исследуемой территории, с помощью методов сравнительно-исторического языкознания производится соотнесение неясных слов с данными конкретной языковой семьи, т. е. этимологизация, а потом производится анализ языковых заимствований, который позволяет соотнести данные с известными языками этой языковой семьи.

В 2020–2022 гг. группа ученых, лингвистов и археологов вела работу по составлению топонимического атласа Тамбовской области как части общероссийского топонимического атласа [Гордова 2022 (2)]. Этот проект в своей основе предполагает выявление и описание главных пластов, образующих современную систему географических имен России. На территории Тамбовской области, в междуречье рек Цны и Хопра, довольно вероятно и ожидаемо было наличие пласта тюркской лексики, распространенной почти во всем ареале так называемого Большого Поволжья [Гордова 2023: 295]. Выявление и интерпретация тюркского топонимического пласта является предметом данной статьи.

Источники материала

Основным источником географических наименований является каталог топонимов Тамбовской области [Гордова 2022 (1)], составленный в рамках реализации проекта Топонимического атласа Тамбовской области. Каталог насчитывает более 4000 названий притоков Оки и Дона, поселений, природных объектов, ло-

кализирующихся на указанной территории. Топонимы структурированы по бассейновому принципу и располагаются в соответствии со своим географическим положением, относительно главных рек, в направлении от устья к истоку. В качестве дополнительных источников материала использованы: каталоги «Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер)» Г.П. Смолицкой [Смолицкая 1976] и «Гидронимия Дона» Е.С. Отина [Отин 2011, 2012], Реестр географических названий Тамбовской области (по состоянию на 05.10.2020) [Реестр], топографические карты XX и XXI вв. и разнообразная краеведческая литература, в частности, каталог «Реки Тамбовской области», содержащий сведения об основных реках региона, а также мелких водных объектах: ручьях, озерах, прудах [Реки 1991].

Результаты и их обсуждение

Тюркский языковой пласт: качественные и количественные данные

После этимологического анализа топонимической лексики Тамбовской области, представленной в «Каталоге топонимов Тамбовской области» [Гордова 2022 (1)], удалось выделить тюркский языковой пласт географических наименований. В первую очередь были рассмотрены топонимы *бассейна реки Цны* (левого притока р. Мокши бассейна р. Оки), а также топонимы *бассейнов рек Савала и Ворона* (правых притоков р. Хопёр бассейна р. Дон). Тюркскую этимологию имеют как названия водных объектов (рек, ручьев, озер и т. д.), так и названия населенных пунктов. К первой группе отнесены также названия урочищ, отрицательных и положительных форм рельефа, небольших ландшафтных объектов, образующих подгруппу микротопонимов.

Всего названий, соотносимых с тюркскими языками, в Тамбовской области обнаруживается около сотни. Половина из них – наименования поселений, а также 26 названий водных объектов и 22 названия урочищ. В это число включены топонимы, имеющие двоякое объяснение (иранское, русское или финно-угорское), но при этом допускающие тюркскую интерпретацию, а также названия, образованные от антропонимов (чаще всего фамилий), восходящих к тюркской нарицательной лексике или тюркским собственным именам.

Кыпчакские и тюркские топонимы

Подавляющее большинство (около 70 топонимов) находят этимологию в кыпч. подгруппе тюрк. языков, а именно в тат. Они отражают лексику, значения и морфологию именно кыпч. подгруппы.

Алабухи: Большие Алабухи – п. на л.с. р. Ворона, Малые Алабухи – п. на л.с. р. Ворона, Большая Алабушка – р., п.п. р. Ворона; – кыпч. **alabuɣa* ‘окунь, пескарь’ > тат. *alabuɣa* ‘окунь’.

Ахтырка – п. в верховьях р. Нару-Тамбов; – кыпч. **aq-tir* ‘заставлять течь’ > тат. *aqtir-*.

Байловка Вторая – п. на п.б. р. Кашма Пичаевского р-на; – кыпч. **baj-li* > тат. *baj-li* ‘с хозяином (богачом)’ или **bajliq* ‘богатство, достаток, состояние; ресурсы; запас’.

Байрак: Коновалов Байрак – р., л.п. р. Сурава, овраг, Помазков Байрак – овраг на л.б. р. Сурава, Большой Барак – уроч. на л.б. ручья Грязнушка, Молоканов Байрак – л.б. р. Сурава, овраг; – кыпч. **bajraq* > карач. *bajraq* ‘гора, холм’ из тюрк. *bajir* ‘склон, обрыв, холм’ [ЭСТЯ 2: 38; Фасм. 1: 231].

Балыклей (Болыклейка, 1880, Балыклей, 1770) – р., л.п. р. Ворона, Балыклей – п. на п.б. р. Балыклей; – кыпч. **baliq* ‘рыба’ > тат. *baliq-li* ‘рыбный’ или альтернативно как гидроним Челновая – осет. *бæлæгъ* ‘корыто; лодка, челн’.

Базево – разъезд на л.с. р. Умолка, исток р. Умолка; – кыпч. **baz* > тат. *baz* ‘погреб; яма, ров’ или альтернативно *бэз* ‘бязь || бязевый’.

Бекина Землянка – уроч. на п.б. р. Галдым; – кыпч. **bek* ‘затор, затвор, замок’ > тат. *bik* или осет. дигор. *бекъæ* ‘угол; выступ; отросток’.

Беклемищево – п. на л.с. р. Карай, также п. на п.б. р. Калаиск, Новое Беклемищево – п. на п.с. р. Большой Ломовис (Бондарский р-н); – кыпч. **bekle-miš* ‘запертое, замкнутое’ > тат. *biklä-*. От нариц. образовано русск. *беклемиш* ‘верхняя одежда из толстой ткани, зипун’, с ним связано прозвище *Беклемиш* и фамилия старинного дворянского рода *Беклемищев/Беклемишев*.

Булгаково – п. на л.б. р. Средняя Ира, Булгаковка – п. на л.б. р. Сухая Панда, Булгаково-Дергачевка – п. на п.б. р., л.б. р. Бол. Липовица, Булгаковские Выселки – уроч. на л.с. р. Дальняя Кёрша; – кыпч. **bulyaq* ‘бурление, муть’ > тат. *bolğa-*, карач. *bulɣawuq* ‘растяпа, размазня’.

Елагино – п. на п.б. р. Липовица, также п. на л.б. р. Малая Липовица, также п. в верховьях р. Сухая Липовица, также о. на п.б. р. Нару-Тамбов; – кыпч. **jajlaq* ‘летовье’, тат. *жәйлә-* ‘провести лето’.

Елань – п. на л.б. руч. Волчий, также р., п.п. р. Савала, Большая Елань – п.п. р. Елань; – кыпч. **jalan* (вожжск.), тат., башк. *jalan* ‘поле, степь’ > рус. *елань*, *ялань* ‘луг, поляна, просторная просека в лесу’ < тюрк. **jalan* ‘поле, долина, равнина’ [Фасм. 2: 13].

Камышовка – л.б. р. Сухая Липовица – урочище; – кыпч. **qamiš* ‘камыш, осока’ > тат. *qamiš* ‘камыш, тростник’. Может быть и собственно рус. образованием, этимологическим тюркизмом.

Караул – с. на л.б. р. Ворона; – кыпч. **qaraɣu(l)* ‘наблюдатели, наблюдательный пост’ > тат. *qarawu*.

Карачан – р., п.п. р. Хопёр; – кыпч. **qara-ča* ‘черненький, нечто черное’ > тат. *qarača*.

Кезьминка – п. на п.с. р. Ворона; – кыпч. **kez-* ‘соблюдать очередь’, **kezme* ‘дежурство’.

Китай – урочище на п.б. р. Мишляйка; – кыпч. **qitaj* > тат. *qitaj* – род в Поволжье.

Конышовка – д. на л.б. р. Вяжля; – кыпч. **qoniš* ‘место ночлега’ > тат. *quniš urın*. Известна фамилия *Конышёв*.

Матыра – р., л.п. р. Воронеж, Малая Матыра – верховья р.; – кыпч. **matur* ‘красивый, прелестный’ > тат. *matur*, диал. *matir* или альтернативное осет. дигор. *матара* ‘кожаный мешок большого размера для хранения воды’. Близкие топонимы известны в других регионах: (укр.) *Матірка* (л.п. Днестра); (моск.) р. *Матырка* (п.п. Оки), с. *Матыра* (на берегу Матырки); (новг.) р. *Мотыренка* (л.п. р. Ларенка); (липецк.) п. *Матырский*.

Миус – озеро, л.п. р. Ольшанка; – кыпч. **müñüz* ‘рог’ > тат. *mögez*, диал. *müñüz, müñüs* [ЭСТЯ 2: 243]. Название-метафора: отражает характерную форму объекта, которая сохраняется даже с учетом возможной частичной деградации водного объекта. В этом же ареале есть Рогатый пруд (л.с. п. Исап).

Оринский Ключ – о. на п.б. р. Пишляйка; – (?) кыпч. **orin* ‘место’ > тат. *urin*.

Салтыково: Карай-Салтыково – п. на п.с. р. Ворона; – тюрк. **saltiq* ‘холостой; герой, защитник веры’ > тат. диал. *salt, saltaq* ‘холостяк; солдат’, в первой части сложного топонима осет. дигор. *къæрæу* ‘темный цвет воды (из-за прозрачности воды)’.

Сарымовка – п. на п.б. р. Пячка, Сарымовский – лес на л.б. р. Пячка; – кыпч. **sar-* ‘обступать, окружать’ > тат. *sar-*, **sarim* ‘окружение’.

Саюкино – п. на л.б. р. Вяжля, также п. на л.б. р. Кариан; – кыпч. **saj* ‘мелкий, неглубокий’, **sajuq-* ‘мелеть’ > тат. *sajiq-*.

Сукеша – озеро, л.б. р. Цна; – кыпч. **süjek* ‘кость’ > тат. *söjäk* при второй композитной части мокш. *шяй* ‘болото’.

Сулак – п. на л.б. р. Вяжля; – кыпч. **suwlaq* ‘водное место’, но можно связывать и с осет. дигор. *сулæг* ‘густой’.

Талы – уроч. на л.б. ручья в басс. Челновой; – кыпч. **tal-*, **taliq-* ‘ослабляться от усталости’, тат. *taliqqan suw* ‘стоячая вода’, или кыпч. **tal* ‘ива’ > тат. *tal, talliq* ‘тальник, ивняк’.

Татарский – лес на п.с. р. Ближняя Кёрша, Татарский вал – оборонительное сооружение XVII в., от л.б. р. Челновая до р. Польной Воронеж, Татарщино – п. на п.б. р., л.б. р. Ближняя Кёрша Рассказовского р-на; – кыпч. **tatar* – ‘племя, народ’.

Токай – р., п.п. р. Елань; – кыпч. **toqaj* ‘лес в долине реки’ > тат. *tuyaj*.

Турмасово – р., п.п. р. Лесной Воронеж, протяженностью 22 км [Реки 1991: 19]; также и п. на п.б. р. Лесной Воронеж Мичуринского р-на; – кыпч. **tur-mas* ‘не останавливаться’ > тат. *tormas*. Возможно образование гидронима на базе ойконима, а названия села, в свою очередь, от фамилии тюркского происхождения в относительно позднее время. Такую историю возникновения обычно имеют малые реки.

Тюменевка – п. на п.б. р., л.б. р. Бол. Липовица; – кыпч. **tümen* ‘10000’ > тат. *tömän* ‘10000’, диал. ‘область’, тат. этнографическая группа в Мордовии.

Тюнино – п. на л.б. р. Пичаевка Пичаевского р-на; – кыпч. **tün* ‘ночь’, **tüne-* ‘ночевать’ > тат. *tön*.

Чамлык – р. п.п. р. Битюг; – кыпч. **čam-liq* ‘(место) шуток, шутовство’.

Чекмари – п. в верховьях ручья Живой, второе название Солдатская Вихляйка (1719); – кыпч. **čoqmar* ‘дубина, булава’ > тат. *čuqmar* ‘булава, палица; кистень’.

Челищево – о. на п.б. р. Ключ; – кыпч. **čal-* > тат. *čäl-* ‘стащить, украсть’, *čäleš* ‘место кражи, кража’.

Чичёр – р., л.п. р. Сурава – водоток в балке Чичёр, Чечера – р., п.п. р. Вышенка, Чичерка – р., л.п. р. Челновая, Чичерино – п. в верховьях р. Бол. Липовица, Покрово-Чичерино – п. на п. и л.б. р. Избердейка; – кыпч. **čačira-* > тат. *čäčrä-* ‘брызги, брызгать’. Для топонимов предлагается также балт. и слав. версии (от производных, продолжающих и.-е. **k'iker-* ‘горох’). Названия типа *Чичерино* связаны с фамилией *Чичерин*.

Чичкановский – п. на л.б. р. Савала Ржаксинского р-на; – кыпч. *čičqan > тат. čičqan, čišqan ‘мышь’. Возможно происхождение от прозвища и фамилии, восходящих к указанным апеллятивам.

Шушпан-Верстовка – уроч. на п.с. р. Шушпанка; – с кыпч. освоением и фонетикой < мокш. шушма ‘бугор’.

Энгуразово, ранний вариант Энгуразово (1795) – п. на п.б. р. Сухой Карачан – татарское село, «мало дождей»; – кыпч. *jamŷur > тат. janğir ‘дождь’, кыпч. *az ‘мало’ > тат. az.

Эсаулов: Пётр Эсаулов – п. на п.б. р. Польной Воронеж; – кыпч. *jasaŷu(l) ‘приказчик, тот, кто приказывает’ > тат. jasawul ‘есаул’.

Янишкина – о. в верховьях р. Грязнушка; – кыпч. *janış ‘погорелое место, пал’.

Ярчик – озеро на п.б. р. Цна; – кыпч. *jaričiq > тат. jarčiq ‘осколок’, или тюрк. *jar ‘разрыв, овраг’ через рус. яр.

Возможными тюркизмами являются:

Бардуково – селцо на л.б. р. Большой Ломовис, Рассказовского р-на; – кыпч. *berdŷi > тат. bärde ‘пескарь’, однако более вероятно происхождение от фамилии, в основе которой лежит осет. личное имя Бердыхъо, Бердуко, заимствованное из кабардинского.

Казычка – р., п.п. р. Кёрша; – кыпч. *qaziq, *qaziw ‘кол’, но предпочтительней сближение с осет. дигор. хъæзæ бот. ‘тростник; камыш (стебель камыша)’.

Кобяки – п. на л.б. р. Сухая Калаис; – тюрк. *köpek ‘собака (ищейка)’, но это слово распространено в огуз. и южно-кыпч. ареале, но ср. хан Кобяк, т. е. как личное имя оно было в половецком; для этимологии лучше привлечь осет. дигор. къæппæг ‘капкан, ловушка, западня’ или осет. дигор. къоппæг бот. ‘коробочка’.

Талдыкин Барак – о. в нижней части р. Ключ, басс. р. Кариан; – тюрк. *tol-duq bajraq ‘наполненный овраг’.

Этимологическим тюркизмом является:

Курдюки – п. на л.б. р. Мокрая Панда; – из рус. курдюк < тюрк. *qıdruq ‘хвост’ из неясного источника.

Арабо-персидские заимствования, проникшие через тюркское посредство

В разряд тюркизмов также включены ориентализмы, т. е. араб. и перс. заимствования. Связано это с тем, что данная «мусульманская» лексика попадала именно через тюркское, преимущественно татарское, посредство, связанное с вероисповеданием поздней Золотой Орды и новыми личными именами тюркского населения. Названия данной группы представлены ниже.

Курбаново Болото – уроч. и р. в верховьях р. Цны; – дериват от личного имени из араб. qurbān > тат. qurban ‘праздник жертвоприношения’.

Муратово – урочище в верховье р. Эксталь; – дериват от личного имени из араб. murād ‘цель, желание’.

Рахманино – п. л.б. р. Лесной Воронеж; – дериват от личного имени из араб. raḥmān ‘милостивый’.

Сабуровка – п. на л.б. р. Островка Моршанского р-на и п. на п.б. р. Ньюдевка, Старое Сабурово – п. на л., п.б. р. Малая Ярославка, Сабуро-Покровское – п. в верховьях р. Криуша; – дериваты от личного имени из араб. ṣabūr ‘терпеливый’.

Торбеевка – п. на л.б. р. Бол. Липовица, – араб. *turba(t)* ‘почва; надгробная земля’ через тат. *törbä* ‘склеп’.

Шарапов Куст – о. на л.б. р. Нару-Тамбов; – араб. *šarāb* ‘напиток, вино’.

Шехмань – п. на л.б. р. Шехманка, Шехманка – р., п.п. р. Матыра, Шемановка – п. на п.б. руч. Жистинец; – араб. *šahīm* > перс. *šāhīm* ‘жирный, упитанный, тучный’ или перс. *šoxm* ‘пахота, пашня’.

Юматово: Старое Юматово – уроч. на л.б. р. Эксталь; – (?) перс. *žāwān-mārd* > кыпч. > тат. *jumart* ‘щедрый’.

Якутино – 2 поселка на л.с. р. Ворона и п.с. р. Ржавка; – араб. *jāqūt* > тат. *jaqut* ‘яхонт’.

В эту же группу стоит включить и наименование населенного пункта Завьяловка на л.б. р. Пичаевка Пичаевского р-на. Во-первых, смущает отыменное производное от рус. имени *Завьял*, которое довольно редко и фонетически не может продолжать корень, присутствующий в глаголе *вянуть*. Во-вторых, аналогичные названия встречаются в следующих регионах: *Завьялово* – с. в Завьяловском районе Алтайского края, с. в Искитимском районе Новосибирской области, п. в Тогучинском районе Новосибирской области, п. в Знаменском районе Омской области, д. в Ишимском районе Тюменской области, д. в Сивинском районе Пермского края, с. в Завьяловском районе Удмуртии. Также есть *Завьяловка* – с. в Бугурусланском районе Оренбургской области. Налицо ареалы распространения сибирско-татарского и поволжско-татарского населения. К тому же носители фамилии *Завьялов* обнаруживаются во Владимирском Поочье, Среднем Поволжье, Забайкалье и с рекордно высокой частотой в Притоболье. И это охватывает, опять же, преимущественно татарский ареал. Данное название похоже на собственно татарское образование с посессивным суффиксом *-лы* (*-li) ‘имеющий’ от араб. *zāwīja(t)* ‘угол; молитвенный дом’, т. е. **завия-лы* – населенный пункт с молитвенным домом (аналог рус. – *село* в противопоставлении с *деревней*).

Булгарские топонимы

Часть топонимов отражает преимущественно чувашский язык булгарской подгруппы тюркских языков.

Алаторка – п. на п.с. р. Ворона; – тат. Алатыр, чув. *oladър* – название города Алатырь при морд. реке *Ратор-лей*.

Армужёвский (пруд) – л.с. р. Пичаевка; – чув. *arъм udi* ‘полян’.

Бахарево – п. на л.б. р. Цна; – чув. *раххър* > тат. *бахыр* диал. ‘бедняга, бедняжка’ – старое мусульманское заимствование с булг. фонетикой из араб. *faqīr* ‘бедняк’.

Парля – р., п.п. р. Цна; – чув. *parlak* ‘поляна, залежь’ при альтернативном привлечении мокш. *пара* ‘хороший, добрый, отрадный’.

Савилово – л., п.б. р. Лазовка, левое ответвление; – чув. *savъл* ‘клин’.

Сурава – р., п.п. р. Челновая; – тот же топоним, что и *sъra*: р. Сура.

Чебоксар – р., л.п. р. Ярославка; – чув. *šobaх-сьр* ‘безрыбная’. Ср. вторичную чув. и кыпч. ретимологизацию и передачу названия г. Чебоксары – *Шупаишкар*.

Эртиль – л.п. р. Битюг, Большой Эртиль – л.п. р. Битюг, Малый Эртиль – п.п. р. Эртиль; – это закономерное соответствие, восходящее к речному топониму – булг. **ärtal* при тюрк., кыпч. **ertiš*, например, р. Иртыш. Отметим, что название принимающей реки – *Битюг* – по своей семантике и фонетике не восходит к тюрк. **bitü*, **bitew* ‘верблюды’ (данная этимология преобладает в краеведческой литературе), а отражает осет. *бетинзун* (*бетигъд*) ‘расширяться’ по характерному руслу реки, имеющему цепь расширений и сужений, что хорошо показывают и современные топографические карты, и описания этой реки.

Кроме последнего приведенного топонима (Эртиль), который может отражать средневековый язык «черных» (?) болгар, основная масса передает язык поздних переселенцев из Чувашии. Это замечание важно для понимания истории складывания топонимической системы региона и восстановления его топонимической стратиграфии.

Семантические группы тюркских топонимов

Тюркские названия образуют ограниченное число семантических групп и довольно часто повторяются. Можно выделить следующие поля: ABS – абстрактное, ADJ – качественное прилагательное, AIR – воздух, погода, ARCH – строительство, дома, BEAST – звери, BODY – части тела, DA – домашние животные, FISH – рыбы, LAND – ландшафт, LIQ – жидкость, вода, NAME – личные имена, PLANT – растения, SOC – общественные отношения, TOOL – инструмент, VERB – глагол. Часть названий может обладать двумя и более характеристиками.

ABS представлено в 7 топонимах, причем в 5 из них следующие значения: ‘запертое, замкнутое’ (3 р.) (восходящее к **bekle-miš*), ‘затор, затвор, замок’ (< **bek*), ‘окружение’ (< **sarim*).

ADJ встретилось 12 раз. Отмечены качества: ‘жирный, упитанный, тучный’ (3 р.) (араб. *šāhīm*), ‘красивый’ (2 р.) (восходящее к **matur*), ‘мелкий, неглубокий’ (2 р. с добавочным LIQ) (< **sajuq-*), с добавочным SOC – ‘бедняга, бедняжка’, ‘богатый’, ‘героический’.

AIR только 1 показательный случай – слияние в одно слово словосочетания «мало дождей» для названия Энгуразово.

ARCH – 4 разных случая: ‘кладбище’, ‘молитвенный дом’, ‘погреб’ (но может быть и ‘ров’) и сомнительное ‘кол’, которое может иметь осет. этимологию.

BEAST – 1 раз ‘мышь’ (< **čičqan*).

DA – в сочетании с SOC 4 р. – ‘летовье’ (< **jajlaq*), а 2 «чистых» случая (Битюг, Кобяки) сомнительны и имеют более убедительную осет. этимологию.

FISH – 7 случаев, где ‘окунь’ (3 р.) (< **alabuqa*).

LAND – 14 топонимов: ‘овраг’ (5 р.) (< **bajraq*), ‘поле’ (3 р.) (< **jalan*), есть также ‘поляна’, ‘бугор’, ‘лес в долине реки’ и др.

LIQ – 17 случаев, как правило, в сочетании с другими семантическими полями. Под чистый случай попадает только Эртиль (3 р.) (< булг. **ärtal* при кыпч. **ertiš*). Другие интересные случаи: ‘брызги; слякоть’ (5 р.) (+ VERB), ‘водное место’ (+ LAND), ‘отвод течения’ (+ VERB), ‘стоячая (вода)’ (+ VERB) и др. Случаи ‘бурление, муть’ (4 р.) (< **buluqa*) могут иметь альтернативное SOC значение ‘смута; растяпа’.

NAME – только названия населенных пунктов и урочищ, образованных от личных мусульманских имен (10 р.). Наиболее частое – Сабуров-о (4 р.).

PLANT – 4 топонима, 1 из них ‘лес в долине реки’ (< **toqaj*) упоминался выше, 1 мог проникнуть из рус. освоенного *камыш*.

SOC – довольно частое семантическое поле (23 примера). Встречаются названия народа и племен: татар (3 р.), китаи (1 р.), тюмен (1 р.). В сочетании с DA упоминавшееся ‘летовье’ (4 р.). Интересны сочетания с глагольными образованиями: ‘место кражи, кража’ (< тат. *čäleš*), ‘дежурство’ (< **kezme* от **kez*- ‘соблюдать очередь’), ‘место ночлега’ (1 р.) (< кыпч. **qoniš* от **qon-*) и (1 р.) от другого глагола (< **tüne-*).

TOOL – всего 2 примера. 1 может иметь ABS значение ‘затор, затвор, замок’ (< кыпч. **bek*), 1 связан с военным делом – ‘дубина, булава, кистень’ (< кыпч. **čoqtar*).

VERB – отглагольных образований много (21 случай). Довольно часто они выступают в композиции с другими полями (см. выше). Ср. ‘погорелое место, пал’ (< кыпч. **janış* от **jan-* ‘гореть’), ‘нет стоянке’ (< кыпч. **tur-mas* ‘не оставливаться’), ‘окружение’ (< кыпч. **sarım* от **sar-* ‘обступать, окружать’) и др.

Выводы

Как показывает вышеприведенный материал тюркской топонимии Тамбовской области, основная масса тюркизмов передает кыпч. семантику и фонетику. Большинство апеллятивов имеет тат. параллели. Они выглядят довольно поздними, но их проникновение произошло раньше развития *-e- > -i-, *-o- > -u-, *-ö- > -ü- в поволжско-татарском, нижегородско-мишарском. В отличие от лит. (поволжского) татарского, в данной лексике не наблюдается вторичного перехода *j- > ž-, что соответствует мишарской норме. Примеры имеют отражение через переднерядный гласный -e- кыпчакско-поволжского *-ä-, ср. *Елагино*, *Челищево*, *Чечера* и др. Наблюдается определенное количество мусульманских заимствований.

По этим данным, кыпчакские наименования проникли в регион в период с сер. XIV до XVI–XVII вв. т. е. во времена поздней Золотой Орды и Казанского ханства. Наверное, можно даже говорить о том, что кыпч. топонимы р. Цны отражали язык касимовских татар (г. Касимов расположен в устье р. Мокша). Татаризмы бассейна Хопра похожи на мишарско-татарские слова. Особых ранних тюркизмов не отмечено, за исключением названия р. Эртиль, которое отражает болгарскую норму. Оно могло проникнуть и в конце I тысячелетия н. э. Другие заимствования болгарского типа отражают современную фонетику чув. языка, и речь может идти о поздней миграции части чувашей с Посурья во второй половине II тысячелетия н. э.

Привлечение новых данных по лингвистике, археологии и истории заселения территории в дальнейшем поможет уточнить некоторые неясные моменты, связанные с появлением тюркской топонимии в междуречье Цны и Дона (например, ареальные связи, взаимодействие с другими языковыми группами) и местом тюркской топонимии в общей топонимической стратиграфии региона Большого Поволжья и Придонья.

Сокращения

л.б. р. – левый берег реки
 л.п. р. – левый приток реки
 л.с. р. – левая сторона реки
 о. – объект ландшафта
 п. – поселение
 п.б. р. – правый берег реки
 п.п. р. – правый приток реки
 п.с. р. – правая сторона реки
 р. – река
 руч. – ручей
 уроч. – урочище

Языки и группы языков

араб. – арабский
 булг. – болгарские

диал. – диалектное
 балт. – балтийский
 башк. – башкирский
 дигор. – дигорский
 карач. – карачаевский
 кыпч. – кыпчакские
 мокш. – мокшанско-мордовский
 огуз. – огузские
 осет. – осетинский
 перс. – персидский
 рус. – русский
 слав. – славянский
 тат. – татарский
 тюрк. – тюркские
 чув. – чувашский

Литература

- Гордова 2014 – Гордова Ю.Ю. Топонимические ареалы и ареалы археологических культур: проблема совмещения (на материале Среднего Поочья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани: в 3 т. / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. – Казань: Отечество, 2014. – Том II. – С. 313–315. {Yu.Yu. Gordova. Toponymic areas and areas of archaeological cultures: the problem of combination (based on the data material of the Middle Poochye) // Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan: in the 3 volumes / Resp. ed.: A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevianko. – Kazan: Otechestvo, 2014. – Vol. II. – PP. 313–315.}
- Гордова 2021 – Гордова Ю.Ю. Ономастическая реконструкция: поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии. – М.: ЛЕНАНД, 2021. {Yu.Yu. Gordova. Onomastic reconstruction: gradual reconstruction of the history of Ryazan toponymy and anthroponymy. – Moscow: LENAND, 2021.}
- Гордова 2022 (1) – Гордова Ю.Ю., Мельник В.И., Гордов А.В. Каталог топонимов Тамбовской области. – М.: ЛЕНАНД, 2022. {Yu.Yu. Gordova, V.I. Melnik, A.V. Gordov. Catalogue of toponyms of the Tambov region. – Moscow: LENAND, 2022.}
- Гордова 2022 (2) – Гордова Ю.Ю., Мельник В.И., Мудрак О.А., Коряков Ю.Б., Девяткина Е.М. Топонимический атлас Тамбовской области. – М.: ЛЕНАНД, 2022. {Yu.Yu. Gordova, V.I. Melnik, O.A. Mudrak, Yu.B. Koryakov, E.M. Devyatkina, Toponymic atlas of the Tambov region. – Moscow: LENAND, 2022.}
- Гордова 2023 – Гордова Ю.Ю., Мудрак О.А. Топонимические пласты междуречья Цны и Дона как свидетельство известных и неучтенных народов юго-востока Древней Руси // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2023. – Т. 87. – № 2. – С. 295–303. {Yu.Yu. Gordova, O.A. Mudrak. Toponymic layers in the interfluvium of the Tsna and Don rivers as evidence of known and unrecorded peoples of the southeast of Ancient Rus // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical series. – 2023. – Vol. 87. – No. 2. – PP. 295–303.}
- Мудрак 2009 – Мудрак О.А. Классификация тюркских диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике // Orientalia et Classica XXIII. – М.: Изд-во РГГУ, 2009. {O.A. Mudrak. Classification of Turkic dialects using glottochronological methods based on questions of morphology and historical phonetics // Orientalia et Classica XXIII. – Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2009.}
- Мудрак 2017 – Мудрак О.А., Хисамитдинова Ф.Г. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. – Астана: Ғылым, 2017. {O.A. Mudrak, F.G. Khisamitdinova. Kipchak languages of the Ural-Volga region. – Astana: Gylym, 2017.}

- Мудрак 2019 – Мудрак О.А. Лексические заимствования культурной лексики как свидетельство миграций носителей карачаево-балкарского языка // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография. Международная научная конференция, посвященная 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан / Сост. Э.И. Сафина. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – С. 140–144. {*O.A. Mudrak. Lexical borrowings of cultural vocabulary as evidence of migrations of speakers of the Karachay-Balkar language // Turkic Linguistics of the 21st Century: Lexicology and Lexicography. International scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the foundation of the Institute of Language, Literature and Art named after. G. Ibragimova of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan / Comp. by E.I. Safina. – Kazan: IYALI, 2019. – PP. 140–144.*}
- Отин 2011 – Отин Е.С. Гидронимия Дона: в 2 т. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2011. – Т. I. Верхний и Средний Дон. {*E.S. Otin. Hydronymy of Don: in 2 volumes. – Donetsk: ООО «Yugo-Vostok, Ltd», 2011. – Vol. I. Upper and Middle Don.*}
- Отин 2012 – Отин Е.С. Гидронимия Дона: в 2 т. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2012. – Т. II. Нижний Дон. {*E.S. Otin. Hydronymy of Don: in 2 volumes. – Donetsk: ООО «Yugo-Vostok, Ltd», 2012. – Vol. II. Lower Don.*}
- Реестр – Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населенных пунктов на 05.10.2020. Тамбовская область. – Режим доступа: <https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkgkn.php> (дата обращения: 20.10.2020). {*Register of geographical names of settlements registered in the AGKGN as of 05.10.2020. Tambov Region. – URL: https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkgkn.php (access date: 20.10.2020).*}
- Реки 1991 – Реки Тамбовской области: каталог / Под ред. проф. Н.И. Дудника. – Тамбов: Рассказовская областная типография, 1991. {*Rivers of the Tambov region: catalog / Ed. by prof. N.I. Dudnik. – Tambov: Rasskazovskaya regional printing house, 1991.*}
- Смолицкая 1976 – Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер. – М.: Наука, 1976. {*G.P. Smolitskaya. Hydronymy of the Oka Basin. List of Rivers and Lakes. – Moscow: Nauka, 1976.*}

Словари

- Таказов 2015 – Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. – Владикавказ: Первая образцовая типография / Ульяновский дом печати, 2015. {*F.M. Takazov. Digor-Russian dictionary. Russian-Digor dictionary. – Vladikavkaz: First exemplary printing house / Ulyanovsk printing house, 2015.*}
- Татарско-русский словарь / АН СССР. Казан. ин-т языка, литературы и истории. – М.: Советская энциклопедия, 1966. {*Tatar-Russian dictionary / USSR Academy of Sciences. Kazan. Institute of Language, Literature and History. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1966.*}
- Фасм. 1 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Азбука-Терра, 1996. – Т. 1. {*M. Vasmer. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols. – 3rd edition, stereotype. – Moscow: Azbuka-Terra, 1996. – Vol. 1.*}
- Фасм. 2 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Азбука-Терра, 1996. – Т. 2. {*M. Vasmer. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols. – 3rd edition, stereotype. – Moscow: Azbuka-Terra, 1996. – Vol. 2.*}
- ЭСТЯ 1 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. {*E.V. Sevortyan. Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems / USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistics. – Moscow: Nauka, 1974.*}
- ЭСТЯ 2 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'Б' / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1978. {*E.V. Sevortyan. Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter 'B' / USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistics. – Moscow: Nauka, 1978.*}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 1–2 (38–39), pp. 83–97. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 398.3(=512.111)

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-83-97

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЧУВАШСКИХ ПОВЕРИЙ

*Алексей Петрович Леонтьев*¹

¹ Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия
кандидат исторических наук, научный сотрудник
e-mail: alexey.leontjew2014@yandex.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Леонтьев А.П., 2023

Аннотация: Данная статья является частью исследования, посвященного чувашским *ёненӹ* (*-сем*) 'поверьям' – паремиологическому жанру. Наряду с пословицами и поговорками, загадками, народными приметами о погоде, образцы поверий (или примет-суеверий – преданий, основанных на суеверных представлениях) предоставлялись сотнями информантов собирателям текстов устного народного творчества. Они нашли достойное место в рукописных фондах родоначальников чувашской научной фольклористики: Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова, К.В. Элле и др. Поверья, хотя и являются важной частью культуры и истории народа, в советский период оставались вне исследований фольклористов: их не включали в сборники чувашской народной словесности, не было даже попыток их классификации. Между тем дидактические поверья воспитывают нравственные, эстетические, трудовые качества у молодежи, большинство из них основаны на жизненном опыте, они служат для предупреждения неблагоприятных воздействий на человека, в поверьях, как правило, скрыт глубокий смысл. Цель статьи – продемонстрировать через ретроспекцию изучения жанра его значимость в чувашском паремиологическом ряду. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: конкретизировать понятие *ёненӹ* 'поверье', изложить сведения об особенностях жанра, первых публикациях о чувашских поверьях и их систематизации, предложить свою классификацию поверий. Среди образцов поверий в отдельный раздел впервые выделены рассказы-поверья.

Ключевые слова: малый жанр, чувашские поверья, рукописные фонды, первые публикации, попытки систематизации поверий, классификация, чувашский язык.

Для цитирования: Леонтьев А.П. К вопросу о классификации чувашских поверий // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 83–97. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-83-97.

On the classification of Chuvash beliefs

Alexey Petrovich Leontiev¹

¹ Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

Ph.D. in History, Researcher

e-mail: alexej.leontjew2014@yandex.ru

© IL RAS, 2023

© Leontiev A.P., 2023

Abstract: This article is part of a study devoted to the Chuvash *ĕnenŭ*(-sem) 'belief(-s)' – a paremiological genre. Along with proverbs and sayings, riddles, folk weather signs, samples of beliefs (signs-superstitions – legends based on superstitious beliefs) were provided by hundreds of correspondents to collectors of texts of oral folk art. They have found a worthy place in the manuscript collections of the founders of Chuvash scientific folklore: N.I. Ashmarin, N.V. Nikolsky, G.I. Komissarov, K.V. Elle and others. Although beliefs are an important part of the culture and history of the people, in the Soviet period they remained outside the research of folklorists: they were not included in the collections of Chuvash folk literature, there were not even attempts to classify them. Meanwhile, didactic beliefs do foster moral, aesthetic, and labour qualities among the young people, most of them are based on deeds, experience and observations, they serve to prevent adverse effects on a person, and beliefs, as a rule, have a deep meaning. The purpose of the article is to demonstrate through a retrospective study of the genre its significance in the Chuvash paremiological series. To achieve this goal, the following tasks have been formulated: to concretize the concept of 'belief', to tell about the features of the genre, and about the first publications on Chuvash beliefs and their systematization, to offer a new classification of the beliefs. Among the samples of beliefs, the stories-beliefs have been separated into a separate group for the first time.

Key words: small genre, Chuvash beliefs, manuscript collections, first publications, attempts to systematize beliefs, classification, Chuvash language.

For citation: *Leontiev A.P. On the classification of Chuvash beliefs // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 83–97. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-83-97.*

Введение

О термине *ĕненŭ* 'поверье'. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью продолжить решение проблематики определения границ жанров в чувашской фольклористике, в первую очередь, так называемых малых жанров народной прозы, и на этом фундаменте приступить к научной классификации *ĕненŭ* 'поверье'. В любой науке классификация является результатом очень длительного и детализированного предварительного исследования [Пропп 1998: 4], и здесь прежде всего необходимо определиться с семантикой жанра.

Поверья – паремические выражения, представляющие собой один из архаических жанров словесности и имеющие явно выраженные мифологические истоки. Например: *Кайăк пŭрте вёссе кёрсен çав пŭртре виле пулать теççĕ* 'Если птица залетела в дом – в этом доме человек умрет' [НА ЧГИГН I: 650]. У многих народов залетевшая в дом птица является вестницей каких-либо событий, а поверья, связанные с птицами, – отголосками мифических представлений.

Человек еще до своего рождения оказывается в тенетах всяких примет: *Ачан ĕнси хыçёнче сŭсĕ ситленĕ пек хёреслĕ тăрсан тепĕр ача хёр пулать теççĕ* 'Если

у ребенка волосы на затылке косичкой – следующий ребенок будет девочкой’ [НА ЧГИГН I: 396]. Поверья о новорожденных, и вообще о детях, в чувашском фольклоре составляют наиболее многочисленную группу. Поверья начинают предсказывать будущее человека еще до его появления на свет, сопровождают его всю жизнь и даже после его кончины продолжают свою «деятельность».

Поверья (как и табу и сны) по композиции (в основном двучленные) близки к пословицам и поговоркам, однако по художественному своеобразие от них в корне отличаются. Если в пословицах и поговорках преобладают иносказание, метафоры, метонимии, например: *Хёр ёмёрё хёлёхрен кёске* ‘Девичий век короче конского волоса’ [НА ЧГИГН III: 311: 1019], то в поверьях, как правило, доминирует прямое высказывание, например: *Пёрмай кулни – кушсуле* ‘Постоянный смех – к слезам’ [НА ЧГИГН III: 349: 22].

В поверьях человек практически не действует, а только наблюдает (созерцает) происходящее вокруг него или с ним самим. Наличие у человека информации, зафиксированной в поверьях, никак не может повлиять каким-либо образом на дальнейшие события. Например: *Калъм каш сур сёрте ёне мёкёрсен вут-кйвар пулатъ теççё* ‘Если в полночь в *Калъм* замычит корова – к пожару’ [НА ЧГИГН I: 90: 142]. Подразумевается, что если даже человек услышал мычание коровы, он все равно не может что-нибудь предпринимать во избежание бедствия, ведь не станет же он посещать односельчан и предупреждать о последствиях звуков, издающих его скотиной.

Большинство поверий – это краткое изречение (мысль, идея) о том, что: 1) не следует так или иначе поступать, чтобы не сталкиваться в жизни с несчастьем, или же 2) необходимо поступать именно так, дабы в жизни все сложилось благополучно. Пример для первого случая: *Кёпене тўнтер май тăхăнсан сын хёнет тет* ‘Надеть рубашку наизнанку – кто-нибудь изобьет’ [НА ЧГИГН I: 90–160]. Пример для второго случая: *Çăкăр сăмси сиекен пуян пулатъ теççё* ‘Горбушку хлеба есть – богатым быть’ [НА ЧГИГН I: 650]. Часть поверий отличается недосказанностью: *Кăмакана хирёс ан карйн* ‘Нельзя потягиваться возле печи’ [НА ЧГИГН I: 75: 167].

Все три поверья, безусловно, основаны на жизненном опыте, иначе их не использовали бы в обиходе, и когда-то они являлись средоточием, главной идеей более обширного сюжета. Если в первых двух случаях высказанная идея сразу же получает нужный ответ, то третий случай совершенно открыт для рассуждений: почему нельзя потягиваться? что из этого должно следовать? Приведенный нами третий пример – «нельзя потягиваться возле печи» –правильнее было бы отнести к *чару* ‘табу’, однако ввиду неразграниченности фольклорных жанров мы вполне имеем право рассматривать аналогичные *чару* как поверья. Тем более поверье и табу являются «братями-близнецами». Кроме этого, ни один образец фольклора в принципе не является раз и навсегда закрепленным, как, например, правила орфографии. Любой текст, записанный собирателем, в обыденной жизни постоянно трансформируется. *Урана сулласа ларсан амăш вилет тет* ‘Если покачивать ногой – мать умрет’ [НА ЧГИГН III: 7: 94] – это поверье. «Не покачивай ногой» – это уже табу. К какому жанру отнести вариацию «что ты ногой покачиваешь, хочешь, чтобы мать умерла?»? Присутствие обоих жанров – поверья и табу – здесь неоспорима.

В советское время чувашские фольклористы в своих трудах напрочь игнорировали «суеверные приметы». Е.С. Сидорова объясняет это так: «И собиратели фольклора, и его исследователи (Н.И. Ашмарин и др.), хотя ими и собрано большое количество наблюдений и примет, не рассматривали их как отдельные жанры, одну часть из них, судя по внешней форме, причисляли к пословицам, а другие – к поверьям» [Сидорова 1978: 115]. Н.В. Никольский некоторые погодные приметы включал в ряд пословиц, например: *Сĕнĕ çул кунĕ уяр пулсан тырă аван пулат* ‘Если в Новый год днем ясно – хлеб будет хорош’; *Аслă çăварни кунĕ йшă пулсан тырă пулат* ‘Если в прощенное воскресенье будет тепло – хлеб уродится’ [Никольский 1921: 87].

Нужно согласиться с мнением Т.В. Зуевой о том, что в разграничении фольклорного материала по жанровому признаку «никакая “точность” и “однозначность” невозможна, так как границы жанров обычно расплывчаты и подвижны, фольклорный жанр имеет ядро и периферийную область, где происходит его взаимодействие с другими жанрами» [Зуева 1992: 24]. В.Г. Родионов пишет, что *сăнавсем* ‘приметы’, *ĕненĕсемпе тĕлĕксем* ‘поверья и сны’, *чарусем* ‘запреты, или табу’ являются отдельными формами прозаических текстов, однако исследователь жанрами их называет «с оговоркой, так как границы между этими формами словесного творчества и обрядами пока специалистами не установлены» [Родионов 1982: 102]. Он же отмечает: «Вопросы определения границ жанров в чувашской фольклористике до настоящего времени не были объектом специального исследования. Поэтому и неудивительно, что в данной области много еще терминологических путаниц и разночтений» [Родионов 2006: 4].

Русские понятия *поверье*, *примета*, *предрассудок* и *суеверие* в чувашском языке аккумулируются в одно общее, но емкое слово *тĕшмĕш* (*тĕшмĕшлĕх*) ‘суеверие’. Но данное понятие имеет настолько широкое применение в языке, что фольклористы вынуждены были найти особые термины для понятий *поверье* и *примета*, в итоге остановились на словах *ĕненĕ* ‘поверье’, *сăнав* ‘наблюдение’ и *паллă* ‘примета’. П.Н. Метин и А.И. Мефодьев *сăнавсемпе паллăсем* ‘наблюдения и приметы’ подразделяют на три группы: о погоде; о сельскохозяйственных работах; *тĕшмĕшле ĕненĕсемпе тĕлĕксем* ‘суеверные поверья и сны’ [Метин, Мефодьев 1997: 47]. Е.С. Сидорова пишет, что природные явления, приметы, основанные на наблюдениях за природными явлениями в науке (не только в чувашской. – А.Л.), принято считать *çанталăк сăнавĕсем* ‘наблюдениями над погодой’ или *çанталăк паллисем* ‘погодными приметами’, а ничем не связанные с реальной жизнью приметы – *тĕшмĕшле паллăсем* ‘суеверными приметами’ или *ĕненĕсем* ‘поверьями’ [Сидорова 1984: 11].

Первые публикации чувашских поверий и исследования о них

В статье В.П. Вишневого «О религиозных поверьях чуваш» понятие «поверье» подразумевает и религиозные обряды, и суеверия, и мифологические представления, а как отдельный жанр фольклора не обозначено. И, соответственно, образцы поверий специально не приведены, однако в контексте их локализовать несложно. Они представляют собой фрагменты существовавшего когда-то более объемного текста. Например, по выносу покойника из дома вслед за гробом бро-

сают раскаленный камень, дабы преградить ему путь к возврату; в кратком изречении это выглядит так: *Вилнӗ сын ан таврӑнтӑр тесен тупӑк хысӑн чул ывӑтмалла* 'Чтобы покойник не возвращался, вслед за гробом нужно бросить камень'. Брошенные по дорогам деньги в дар Керемети «чувашенин ни за что не поднимет и не возьмет <...> взять их – значит своими руками принести в дом беду»; в кратком изречении: *Сул сине пӑрахнӑ укӑсана илме юрамасть, илсен семье инкек пулат* 'Брошенные монеты нельзя поднимать – иначе в семье быть беде' [Вишневский 2004: 188–191].

В «Корневом чувашско-русском словаре» Н.И. Золотницкого поверья также приведены в контексте. Например, в рассказе о звездах: по поверьям чувашей, появление туманных звезд означает рождение людей, коим суждено провести жизнь в бедности или несчастно; светлые звезды обещают новорожденным богатство или счастье, а самые яркие – относятся к рождению царей, великих или необыкновенных людей [Золотницкий 2007: 199–200]. Несколько образцов поверий имеется в книге С.М. Михайлова «Чувашские разговоры и сказки» [Михайлов 1853]. В сборнике «Тӑхӑрьял» («Девятиселье») поверья можно встретить в дисперсном виде, то есть они приводятся в разных текстах. Например: *Хӗвел ансан сынна япала парса ямасӑ* 'После захода солнца нельзя давать людям вещи', *Уксине кӑлармасӑ* 'Деньги [из дома] не выносят', *Кивсен ӗкӑр памасӑ* 'В долг хлеб не дают – иначе счастье покинет' [Тимофеев 1972: 159]; *Ӗварни кунӗ хӑй патне пыракан сынна минтер сине лартмалла, ахалӗн чӑхсем ӗмарта тумасӑ* 'В масленичный день пришедшего в дом человека нужно сажать на подушку, иначе куры не будут нести яйца' [Тимофеев 1972: 220].

Количество поверий (суеверных примет) в 17-томном «Чӑваш ӗмахӑсен кӗнеки» («Словаре чувашского языка») [Ашмарин 1928] никем не подсчитано, их там огромное количество, как и образцов других паремий, однако составитель словаря Н.И. Ашмарин в своих исследованиях о многочисленных жанрах устного народного творчества упускает приметы и поверья.

За обилие собранных образцов поверий в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), других архивах мы особенно должны быть благодарны Н.В. Никольскому. Он еще в 1904 г. опубликовал Программу для собирания сведений о чувашах [Никольский 1904: 63–72]. «Поверья о старых дуплах», «Каким деревьям, растениям приписывают таинственную силу», «Рассказы и суеверия», «Полезные и вредные животные», «Приметы при встрече с животными», «Обычаи и приметы при рубке капусты», «Договоры: суеверия на этот счет», «Есть ли поверье, что ангел приносит младенческую душу и присутствует при рождении», «Веры в сны», «Чувашские похороны: приметы» – это только часть вопросов в Программе. Аналогичные вопросы и в «Программе для собирания сведения о чувашах» на чувашском языке [НА ЧГИГН I: 181: 73–95]. В программе «Чем заняться летом?» перечисляются почти все жанры паремий, в том числе поверья, суеверия, заговоры, наговоры, нашептывания [Никольский 1914]. Немало поверий (предсказаний, прорицаний) встречается у Д. Месароша. По его представлениям, рамки прорицания у чувашей намного уже, нежели у других народов, «они содержат предупреждения о судьбе дел и событий, находящихся далеко в пространстве и во времени, большая часть такого рода предсказаний относится к погоде, так как чуваша – земледельческий

народ, и интересует их прежде всего именно она» [Месарош 2000: 301]. Д. Месарош не классифицировал суеверные изречения.

Между тем чувашские (да и все советские) фольклористы в своих трудах совершенно игнорировали суеверные приметы. В сборнике произведений народной словесности И. Тукташа поверья даже не упоминаются, исследователь во введении (довольно пространным по объему) в основном рассказывает о сказках и песнях [Тукташ 1949]. В изданной ЧНИИЯЛИ в 1949 г. программе для собирателей фольклора, кроме пословиц, другие паремии не обозначены [Фольклор 1949]. В программе, изданной в 1987 г., вновь появляются *паллӑсемпе ӗненӗсем* 'приметы и поверья' [Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ 1987]. В работе «Чувашский фольклор» в главе о семейных обрядах М.Я Сироткин вскользь упоминает заговоры, «порожденные старым бытом и окончательно вышедшие из употребления в советскую эпоху» [Сироткин 1965: 41]. Остальные жанры мифологической прозы не приводятся.

Попытки классификации поверий

Е.С. Сидорова утверждает, что термин *ӗненӗсем* 'поверья' в литературе до сих пор не закрепился, ибо они «стали проникать в разговорную и письменную речь лишь в начале нашего (20-го. – А.Л.) века», в дореволюционных чувашских фольклорных рукописях термин «поверье» отсутствует, поверья включались в перечень «наблюдений» и «примет» [Сидорова 1978: 115]. Исследователь здесь ошибается. К систематизации чувашских поверий первым обратился В.К. Магницкий еще в 1888 г. «Нравы» и «обычаи» (по своей сути «малые жанры» устной словесности) чувашей Чебоксарского уезда он сгруппировал в семь «отделов». Под первым номером размещены поверья и обряды: приметы, гаданья, заговоры, способы лечения болезней и снотолкованья [Магницкий 1888: III]. В.К. Магницкий был знаком с известной в то время в научных кругах работой В.И. Даля, где известный русский собиратель впервые в русской фольклористике предпринял классификацию поверий [Даль 1992: 369–372]¹, однако предложенная им классификация на Василия Константиновича, по-видимому, впечатления не произвела. Собранные образцы В.К. Магницкий распределил в следующие группы: 1) *предвестия атмосферических явлений*, например: лето жаркое – зима будет

¹ Исследователь распределил поверья в шесть групп: поверья местные, связанные с известными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч.; остатки или памятники язычества, все поверья русского баснословия; поверья третьего разряда основаны на деле, на опытах и замечаниях; четвертая группа включает поверья, основанные «на явлениях естественных, но обратившиеся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям»; пятого разряда поверья «изображают дух времени, игру воображения, иносказания – словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие»; в шестой группе – небольшое число таких поверий, «в коих мы не можем добиться никакого смысла, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и с тою только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими».

ненастная; 2) *урожай и бескормица, прибыль и убыль в имуществе и их предвестники*, например: появится в доме много черных тараканов – к богатству; 3) *беременность и роды*, например: сколько у женщины на грудях, вокруг сосков, шишечек, в виде бородавок, столько она родит детей; 4) *несчастья, болезни, смерть и их предвестники*, например: укусит мышь за ногу – не к добру; 5) *лекарственные травы, употребляемые чувашами дер. Масловой (Кивьял)*, например: *Ясар курăкĕ* ‘распутная трава’; 6) *брачные гадания и обряды*, например: во время венчания в церкви стоит покойник – новобрачные не будут жить хорошо; 7) *обыденные поверья и обряды*, например: съесть кусок [еды] другого человека – съедается сила того человека; 8) *сновидения и их значение*, например: если говорящего во сне взять за безымянный палец, то он расскажет всю правду [Магницкий 1988: 1–33].

Е.С. Сидорова утверждает, что некоторые суеверные приметы у чувашей связаны с понятиями «правый» и «левый», т. е. речь идет о бинарной оппозиции. Понятия со словом «правый» означают хорошее, полезное, нужное, толковое: *Сылтăм хăлха янрасан – ырма* ‘Когда в правом ухе шумит, это к добру’; «левый» всегда предполагает худшее, негодное, гнусное: *Сулахай хăлха янрасан – усала* ‘Когда в левом ухе шумит – это не к добру’ [Сидорова 1984: 13]. В.Г. Родионов и В.А. Ендеров чувашские паремии распределяют в две большие группы: *ваттисен сăмахĕсем* ‘пословицы и поговорки’ и *тупмалли юмахсем* ‘загадки’, а «разные наблюдения и приметы, поверья» в отдельную группу. Поверья разделяют еще на три части: *ёненĕсем* ‘поверья’, *тĕлĕксем* ‘сны’, *чарусем* ‘табу’, и отмечают, что «есть повод», имея в виду различия и функциональные особенности, «исследовать их по отдельности». Авторы предлагают поверья классифицировать и по названиям объекта паремии, например, лошадь, лебедь, кошка, и по понятиям, например, правый-левый, верх-низ и т. д. [Родионов, Ендеров 2004: 119–120].

В.А. Ендеров поверья, в состав которых он включает еще сны и табу, классифицирует по их результатам и распределяет на девять групп:

1. Социально-бытовые поверья, связанные с социальной жизнью и бытом народа, где нашли отражение вопросы семейно-бытового характера, отношения между членами рода, семьи, общества, вопросы морали и социально-бытовых интересов, например: *Кушак питне сусан хăна килет теççĕ* ‘Если кошка моет лицо, то жди гостей’.

2. Поверья о погоде, например: *Хăлха шăтăкĕ кĕçĕтсен тăман пулат* ‘Если чешется ухо, то к ненастью’.

3. Об урожае, например: *Сĕнĕ сұл қаç киле пуян сын пырсан тырă лайăх пулат* ‘Если под Новый год в дом приходит богатый человек – это к хорошему урожаю’.

4. Мифологические поверья связаны в основном с языческой мифологией предков чувашей, анимистическими и тотемистическими представлениями, космогоническими и мифологическими понятиями, например: *Синçере çĕр чавсассăн аса çапать тет* ‘Если в [праздник] Синзя копать землю – молния ударит’.

5. Поверья о бедствии в основном связаны с представлениями, отражающими социально-политические, экономические, стихийные бедствия, которые могут принести всевозможные страдания, нужды, войны, пожары, например: *Ял урлă акăш қаçса кайсан вут тухать теççĕ* ‘Если над деревней лебедь пролетит – к пожару’.

6. К поверьям о животных относятся поверья типа, например: *Ёнене шӑпӑрна ҫапсан ёне хӗсӗр юлат теҫӗ* ‘Если корову бить метлой, то корова остается яловой’.

7. Поверья о человеческой судьбе (жизни, смерти, болезнях), например: *Сӑмса тӑрри кӗҫӗтсен ҫын виет теҫӗ* ‘Если чешется кончик носа – к смерти человека’.

8. Поверья-вести, или поверья-сообщения, связанные с человеческими органами и предметами домашнего обихода и хозяйства, например: *Хӑлхасем кӗҫӗтнӗ – хыпара: сылтӑмми кӗҫӗтсен – лайӑха, сулахайи кӗҫӗтсен – начара* ‘Чешутся уши – к вестям: правое чешется – к хорошим вестям, левое чешется – к плохим вестям’.

9. Дидактические поверья, воспитывающие нравственные, эстетические, трудовые качества у молодежи, например: *Йӗтӗрне ҫапсан хӑлхасӑр пулат тет* ‘Если бить скалкой – глухим станет’ [Ендеров 2004: 252–254].

Данная классификация нуждается в доработке, так как возникают закономерные вопросы в отношении некоторых поверий, которые остаются вне поля исследования, например, куда отнести тексты такого содержания: 1) *Ватӑрах ҫын вӑрман касма пуҫласан ҫас ҫитӗнет* ‘Если лес начинает рубить старый человек, то [лес] быстро растет’ [НА ЧГИГН I: 247: 173]; *Вӑрманта ҫӗтсе ҫӳренӗ чухне урари ҫӑпатасене уӑйштарса тӑхӑнсан ҫул тупатӑн теҫӗ* ‘Если в лесу заблудишься и поменяешь лапти, то найдешь дорогу’ [НА ЧГИГН I: 75: 184]; 2) самое главное – как распределить изречения внутри вышеуказанных групп? Кроме того, в названиях групп смущает явная искусственность, например, поверье о чешущемся носе из 7-й группы вполне можно включить в 8-ю группу.

К сожалению, в течение последних пятнадцати лет после публикации вышеуказанной статьи В.А. Ендерова в чувашской фольклористике нами не обнаружено каких-либо иных попыток систематизации поверий. Впервые образцы «суеверных» примет и поверий в наиболее полном объеме изданы в томе «Сӑнавсемпе ёненӗсем. Тӗлӗксем» («Приметы и поверья. Сновидения») из серии «Чувашское народное творчество» [ЧХП 2009]. Здесь поверья размещены «по главным словам, а главные слова – в алфавитном порядке» [ЧХП 2009: 11]. В этом издании приводится алфавитное, то есть самое простое размещение образцов поверий.

Нами выделяются следующие принципы классификации: 1) алфавитный; 2) по объекту наблюдения (созерцания), или по опорным словам; 3) тематический.

При алфавитной классификации тексты размещаются в алфавитном порядке в зависимости от начальных букв первого слова. Главное достоинство данной системы – ее простота, однако при таком способе размещения варианты одного и того же образца, начинающиеся с разных букв, попадают в разные места. Для наглядности приведем примеры из книги «Сӑнавсемпе ёненӗсем. Тӗлӗксем». Наблюдаемый объект – *пуҫ* ‘голова’: *Ҫӗлӗке ҫавӑрса тӑхӑнсан пуҫ ыратакан пулат теҫӗ* ‘Если крутить шапку перед тем, как надеть, то потом голова будет болеть’ [ЧХП 2009: 137]; наблюдаемый объект – *ҫӗлӗк* ‘шапка’: текст тот же [ЧХП 2009: 171]. Наблюдаемый объект – *выльӑх* ‘животное’: *Выльӑхсене шӑпӑрна тӗкӗнме юрамасть – хӗсӗр пуласран* ‘Животное нельзя трогать метлой, иначе яловым станет’ [ЧХП 2009: 65]; наблюдаемый объект – *шӑпӑр* ‘метла’: текст тот же [ЧХП 2009: 261]. И таких повторов в указанном сборнике в избытке.

При систематизации по объекту наблюдения (созерцания), или по опорным словам определяется объект, затем изречения группируются в алфавитном порядке. Например, со *çăкăр* ‘хлеб’, который мы употребляем в пищу почти ежедневно, связано множество чувашских поверий: *Алак урлă çынна çăкăр памаççĕ – ху та сука юлма пултаратăн* ‘Нельзя передавать хлеб через порог – сам можешь стать нищим’ [ЧХП 2009: 160]; *Çăкăр хытине сиекен кашкăртан хăрамасть теççĕ* ‘Кто корку хлеба ест, тот волка не боится’ [ЧХП 2009: 162]; *Çăкăр çинĕ чох поплясан хун асне чăмласа ярать теççĕ* ‘Когда кушаешь хлеб, нельзя разговаривать, иначе ум свой прожует’ [ЧХП 2009: 162]. Каждое из этих изречений преследует какую-нибудь цель. Первое из них, кроме воспитательной цели (человека, пришедшего за хлебом, уважая, все же нужно пустить в дом), имеет и сакральное значение: в обрядовой практике дверь служит объектом и локусом магических действий (прежде всего защитных), направленных на обитателей дома и относящихся к важнейшим моментам семейной жизни (рождение, свадьба, смерть) и повседневному быту [Чувашская мифология 2018: 82]. Второй пример (корка хлеба и волк) настраивает на экономию и бережливость. Третий пример (разговор во время еды) носит исключительно дидактический характер. Какой из объектов, употребляемых в трех приведенных образцах, выделить в качестве главного объекта наблюдения (созерцания): дверь? хлеб? волк? ум? Это и есть основная задача классификатора.

При тематической классификации изречения распределяются по темам, т. е. по их содержанию. Такую систему использовал В.К. Магницкий, но в расширенном варианте. Например, у него тема «Урожай и бескормица, прибыль и убыль в имуществе и их предвестники» явно требует разделения на подтемы: урожай, бескормица, убыль, имущество, так как каждая из этих подтем может вполне существовать самостоятельно. Тематическая классификация позволяет отвлечься от многих необязательных (чисто внешних) элементов изречения и обратить внимание на более существенные. Например: *Кăмакара çатма сурăлсан – ырра мар* ‘Если в печи сковорода треснет – не к добру’ [ЧХП 2009: 94]. Здесь главное слово, безусловно, «сковорода».

Однако и этот способ несовершенен, так как большинство изречений отличаются многотемностью, и поэтому не могут быть втиснуты в рамки одной узкой темы (ведь вышеприведенное изречение также можно включить и в раздел «Печь»). Кроме того, все предметно-тематические группы взаимно пересекаются и потому не могут дать однозначного решения. В самом деле, куда следует поместить поверье *Хĕлле çăлтăр ўксен сын вилет теççĕ* ‘Если зимой падает звезда – к смерти человека’ [НА ЧГИГН 1: 650], когда в сборнике предполагается иметь отдельные разделы о временах года, о космических объектах, о человеке и о смерти?

Как видим, сама разбивка на тематические группы весьма произвольна и субъективна, и каждым исследователем и составителем сборника решается по-своему. Г.Я. Пермяков категоричен: ни одна из существующих систем классификации изречений не может служить для создания объективной теории жанра [Пермяков 1988: 13]. Тем не менее тематическая классификация, на наш взгляд, является наиболее оптимальной, предметно определенной и четко обозначенной. Как нам представляется, названия разделов должны быть немногословными, короткими и емкими.

Нами выделяются следующие группы, аккумулирующие сферы (отрасли), явления, события, предметы и объекты, психическое состояние и т. д.:

1. *Вьльах-чёрлэх* ‘животные’, например: *Вякяр тёксен – чирлессе* ‘Если бык забодает – к смерти’ [НА ЧГИГН III: 2227: 36]; *Путек алэ урати синче выртсан сын килет тессё* ‘Если ягненок лежит на пороге двери – к приходу гостя’ [НА ЧГИГН I: 650];

2. *Ёсме-суме* ‘пища и напитки’, например: *Апат синё чух юрласан макярать тессё* ‘если при еде песню петь – к слезам’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Су сисен час сухал тухать* ‘если масло есть, то борода быстро вырастет’ [НА ЧГИГН I: 102: 324];

3. *Кайяк-кёшёк*, тискер кайяксем, хурт-капшанкя ‘птицы, звери, насекомые’, например: *Кил-сорт таврашне (кил хушшине) каюра ерсен тётём сўнет тессё* ‘Если во дворе завелись кроты – дом вымрет’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Пўрт пусне чёкеё йава савърсан – пуясса* ‘Если ласточка привила гнездо на фронто́не дома – к богатству’ [НА ЧГИГН I: 326: 179]; *Пыйтәллә сын укәсаллә тессё* ‘Вшивый человек – при деньгах’ [НА ЧГИГН I: 90: 160];

4. *Кил-сурт, унта куллен тыткалакан япаласем, ёс хатёрёсем* ‘дом и предметы домашнего обихода, орудия труда’, например: *Кяңчаласси сине сўсне сўле саксан хунямйшё хаяр пулатъ тессё* ‘Если на пряслицу кудель вешать высоко – свекровь злая будет’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Сямавар уласан ырләха мар тессё* ‘Если самовар гудит – не к добру’ [НА ЧГИГН III: 349: 159]; *Шыв кўмелли кёвенте хуҗалсан инкек пулатъ тессё* ‘Если сломается коромысло – к беде’ [НА ЧГИГН I: 650];

5. *Мифсенчи сәнарсем, леш тәнче* ‘мифические существа и потусторонний мир’, например: *Киремет чўк туса хурсан сумяр пулатъ тессё* ‘После жертвоприношения Киремети будет дождь’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Шыва кёнё чух тавлашша кёрсессён Шыври туртса кўртсе вёлерет тессё* ‘Если при купании спорят – Водяной затянет и убьёт’ [НА ЧГИГН I: 75: 202];

6. *Социаллә пуләмсем* ‘социальные явления’, например: *Кашкяр нумайлансан высләх сул пулатъ тессё* ‘Если волки размножатся – будет голодный год’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Пушар суннә чух кёрлесен сав ялта тепёр хут сунать* ‘Если при пожаре слышен гудящий звук (пламени), в этой деревне снова вспыхнет’ [НА ЧГИГН III: 7: 94];

7. *Султаләк вәхәчәсем, уйәх тата эрне кунёсем* ‘времена года, дни месяца и недели’, например: *Кёркунне сёр сул урлә сурәлсан халәха пурәнма йывәр килет тессё* ‘Осенью если земля поперек дороги разверзнется – народу тяжело будет жить’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Пуш уйәхён пёрремёш кунёнче хёвел пәхсан вут-кәвар пулатъ* ‘Если в первый день марта выглянет солнце – к пожару’ [НА ЧГИГН I: 90: 141]; *Тунти кун – йывәр кун, сав кун сынна япала памассё* ‘Понедельник – день тяжелый, в этот день не дают людям вещи’ [НА ЧГИГН I: 179: 268];

8. *Сун сәнталәк пуләмёсем* ‘природные явления’, например: *Сарамат кёперри сине пўрнепе кәтартсан усал ерет тессё* ‘Если указывать рукой на радугу – зло прилипнет’ [НА ЧГИГН I: 650];

9. *Тәнче усләхәнчи япаласем* ‘космические объекты’, например: *Сёнё уйәха сылтәм хул пуҗси урлә курсассән ырә курасса тессё* ‘Если увидеть новую луну через правое плечо – к добру’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Хоел выляса тәрсан лайәха мар тессё* ‘Если солнце переливается – не к добру’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Шурәм*

пуç çăлтăр çётсен (курăнмаса) вăрçă тухать ‘Если исчезает утренняя звезда (Венера) – к войне’ [НА ЧГИГН I: 650];

10. *Тён: календарь уявёсем, ййла-йёрке, атрибутсем* ‘религия: календарные праздники и обряды, атрибуты’, например: *Кётесрен турайш уксессён семьере сын виет теççё* ‘Если с (красного) угла падает икона – в семье человек умрет’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Минчет сурти нумай сунакан сёнь сыннан ёмёрё вăрăм пулать тет* ‘Если венчальная свеча горит долго – у новобрачной век будет долог’ [НА ЧГИГН III: 961: 43 (об.)]; *Симёк кун сывăрсан султалăкёпех йывăр пулать* ‘Если спать в день Семика – весь год будет тяжелый’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Уна кёпçi Питравччен кассан майнаси çапать* ‘Если свербигу срезать до Петрова дня – молния ударит’ [НА ЧГИГН I: 179: 268];

11. *Тумтир, атă-пушмак* ‘одежда и обувь’, например: *Çăпата кантри алăкран хёсёне ларсан сын килет теççё* ‘Если оборки лаптей прижала дверь – к приходу гостя’ [НА ЧГИГН I: 650]; *Сын япалине тăхăнмасçё – шăпуна улăштараса* ‘Чужую одежду не носят – к перемене судьбы’ [ЧХП 2009: 213];

12. *Ўсен-тăран, йёри-таврайăх* ‘растения и окружающий мир’, например: *Улмуçси сулси тăкăнмаса хёрайтмесе йывăрлăх пулать* ‘Если яблоня не сбрасывает листву – женщинам тяжело будет’ [НА ЧГИГН I: 240: 7]; *Шыва хёвел ансан кёрсен путать теççё* ‘Если купаешься в воде после заката солнца – утонешь’ [НА ЧГИГН I: 650];

13. *Этем, унăн ўт-пў пайёсем, тăрăмё, кăмăл-туйăмё* ‘человек, части тела, состояния и чувства’, например: *Амайш кăкри кёçётсен ачи чирлет* ‘Если чешется грудь матери – ребенок заболеет’ [НА ЧГИГН III: 960: 110]; *Аялти тутă кёçётсен – кучченеç сиетён* ‘Если нижняя губа чешется – к гостинцу’ [НА ЧГИГН III: 643: 76]; *Бйăх килсен – хăна килесе* ‘Тянет ко сну – к приходу гостя’ [НА ЧГИГН I: 75: 199];

14. *Ял хуçалăх ёçёсем* ‘сельскохозяйственные работы’, например: *Акана тухиччен сёр сине патакпа çапмасçё, çапсан тырă сёрет* ‘До выхода на сев нельзя ударять палкой землю, если ударить, зерно сгниет’ [НА ЧГИГН III: 435: 159]; *Тырă акса пётерсен суç кассан тырă тикёс шăтмать* ‘Если постричь волосы после сева, то посевы взойдут неровно’ [НА ЧГИГН I: 650];

15. Особую группу составляют изречения с их истолкованием. В одних из них разъясняется, что нужно делать, чтобы устранить причину конкретного состояния. Например, простое поверье про злого духа *Ий(й)е*, входящее в 5-ю группу нашей классификации: *Ачана йăран сине вырттарсан ана Ийи тулать, ача пăсăлать, йёрет* ‘если ребенка класть на межу, полевое Ийе прожует, ребенок заболеет, плачет’ [Ашмарин 1928: 235]. Здесь нам известно лишь о совершенном неким мифическим существом мистическом, то есть необъяснимом действии по отношению к ребенку. А в следующем поверье уже рассказывается об обряде изгнания зловредного существа: «Если грудной ребенок много плачет и часто болеет, о нем говорят: *Иййе сулăхнă* ‘Иййе пристал’. Чтобы примирить злого духа и вылечить ребенка, накаатают пять или семь *çăмахов* ‘галушек’ (шариков из теста) и в сыром виде их выбрасывают через окно на улицу, говоря: *Иййе, ан сулăх, қасар* ‘Иййе, не приставай к нему, прости!’ Эти *çăмахи* ‘галушки’ можно месить только из старой муки, то есть из такой муки, которой уже приносили жертву Богу. Муку из свежего зерна применять для этого нельзя» [Месарош

2000: 45–46]. Или следующий образец из этого же ряда, который собиратель называл «Поверьем о пчелах»: «В отношении пчел есть у чуваш такое поверье. Чтобы осчастливить их (то есть пчел. – А.Л.) жизнь, нужно жить со всеми людьми дружно и мирно, в обществе никого не оскорблять и не обманывать. Если обидеть кого-то, то тот человек может проклинать, а от этого пчелы могут погибнуть <...> Когда начинаешь разделять рой, то все это время нужно быть осторожным, чтобы никто не видел, и чтобы никто не смотрел тайком через щели забора или плетня, иначе пчелы не будут спокойными и мед давать не будут. Перед началом работы с пчелами советуют быть чистым, не спать с женой» [ОРРК: 2376: 477]. Это тоже образец изречения-истолкования: объясняется, как нужно относиться к пчелам, а также к людям, чтобы среди них была бы гармония, а пчелы успешно приносили мед.

В других подобных поверьях присутствует прямая подсказка для предотвращения потенциальных нежелательных, главным образом, трагических явлений. Тому подтверждение следующее поверье с истолкованием: *Мункун кунё арча таврашине усса хупма юрамасть. Апла усса хупсан сил-тăвай çав сул сурт тăрринчи улăм сивиттийёсене сирпĕтет. Сапла ан пултăр тесе Мункун кунё тăхăнмалли кĕпе-йĕмсене малтанах арчаран илсе тухса хураççĕ* ‘В день Пасхи нельзя открывать-закрывать сундуки и тому подобное. Если открывать-закрывать, в тот год вихрь снесет соломенную крышу дома. Чтобы этого не случилось, белье, надеваемое в день Пасхи, нужно заранее доставать из сундука’ [НА ЧГИГН I: 215: 517].

Кроме как к поверьям, к другим фольклорным жанрам приведенные сюжеты отнести нельзя. Поэтому их можно назвать, по аналогии со сложными пословицами, *хутлă ёнену* ‘сложными поверьями’, или же *ёнену-халап* ‘рассказами-поверьями’, или *сюжетлă ёнену* ‘сюжетными поверьями’. На наш взгляд, более удачный вариант – рассказ-поверье.

Рассказы-поверья можно систематизировать и по темам, и по опорным словам. Второй вариант нам кажется более приемлемым, так как в рассказах-поверьях опорное слово всегда зримо, явственно, хорошо различимо. К примеру, в вышеприведенных образцах опорные слова: Ийе (злой дух), пчелы, Пасха.

Выводы

Таким образом, изученный материал позволяет сделать следующие выводы:

1) благодаря собирателям фольклорных произведений накоплено множество образцов *ёнену* ‘поверий’, и в многочисленном строю чувашских паремий поверья занимают особое, только им положенное место;

2) в советский период поверья, ввиду «идеологической чуждости», оказались в «опале»: их не включали в сборники произведений устного народного творчества, они считались недостойными, неприемлемыми для научных исследований;

3) к проблеме классификации жанра поверий исследователи начали обращаться в середине 80-х гг. прошлого века, однако в начале этого века изыскания в этой сфере вновь были прекращены;

4) автором предложена оригинальная (не подражательная и не заимствованная) схема классификации чувашских поверий, в которой впервые в чувашской

фольклористике среди образцов поверий в отдельный раздел выделены рассказы-поверья;

5) проблема классификации жанра поверий ждет своего усидчивого (так как во многих случаях поверья нужно искать среди пословиц, примет, наблюдений, предсказаний, прорицаний, табу и пр.), беспристрастного (поскольку поверья многими считаются обыкновенными предрассудками) и квалифицированного (иногда трудно отличить простую примету от поверий) исследователя.

Литература

- Вишневский 2004 – *Вишневский В.П.* О религиозных поверьях у чуваш // Вишневский В. Письменная культура раннего просветительства. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – С. 188–191. {*V.P. Vishnevskiy.* About the religious beliefs of the Chuvash people // V. Vishnevskiy. The Written Culture of the Early Enlightenment. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2004. – PP. 188–191.}
- Даль 1992 – *Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – Екатеринбург, 1992. – С. 369–372. {*V.I. Dahl.* About beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people. – Yekaterinburg, 1992. – PP. 369–372.}
- Ендеров 2004 – *Ендеров В.А.* О проблемах классификации чувашских паремий // Ашмаринские чтения: материалы межрегиональной научной конференции. – Чебоксары, 2004. – С. 252–254. {*V.A. Yenderov.* On the problems of classification of Chuvash paremias // Ashmarin Readings: Proceedings of the Interregional Scientific Conference. – Cheboksary, 2004. – PP. 252–254.}
- Золотницкий 2007 – *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь // Избранные труды. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 527 с. {*N. Zolotnitsky.* Stem Chuvash-Russian dictionary // Selected Works. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2007. – 527 p.}
- Зуева 1992 – *Зуева Т.И.* О жанровом выделении волшебных сказок в восточнославянском повествовательном фольклоре // Сказки и несказочная проза: межвузовский сборник научных трудов. – М., 1992. – С. 24–51. {*T.I. Zuyeva.* On the genre allocation of fairy tales in East Slavic narrative folklore // Fairy Tales and Non-Fairy Prose: Intercollegiate Collection of Scientific Works. – Moscow, 1992. – PP. 24–51.}
- Магницкий 1888 – *Магницкий В.К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этнографический сборник. – Казань: Тип. Губ. правл., 1888. – С. 1–33. {*V.K. Magnitsky.* Mores and customs in the Cheboksary County. An ethnographic collection. – Kazan: Printing House of the Provincial Government, 1888. – PP. 1–33.}
- Месарош 2000 – *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 360 с. {*D. Mesarosh/Gy. Mészáros.* Monuments of the Chuvash faith. – Cheboksary: ChSIHS (Chuvash State Institute for Humanity Studies), 2000. – PP. 45–46.}
- Михайлов 1853 – *Михайлов С.М. (Михайловъ Спиридонъ)* Чувашские разговоры и сказки. (Чувашские разговоры и сказки). – Казань: Унив. тип., 1853. – 62 с. {*S.M. Mikhaylov.* Chuvash conversations and fairy tales. – Kazan: University Press, 1853. – 62 p.}
- НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 75; 184; 199; 202; Ед. хр. 90; 141; Ед. хр. 102; Ед. хр. 179; Ед. хр. 181; Ед. хр. 215; Ед. хр. 247; Ед. хр. 326; Ед. хр. 650; – Отд. III. Ед. хр. 7; Ед. хр. 435; Ед. хр. 643; Ед. хр. 960; Ед. хр. 961; Ед. хр. 2227. {Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing unite 75; 184; 199; 202; Storing unite 90; 141; Storing unite 102; Storing unite 179; Storing unite 181; Storing unite 215; Storing unite 247; Storing unite 326; Storing unite 650; – Archive III. Storing unite 7; Storing unite 435; Storing unite 643; Storing unite 960; Storing unite 961; Storing unite 2227.}
- Никольский 1904 – *Никольский Н.В.* Программа для собирания сведений о чувашах // Известия по Казанской епархии. – № 3. – Казань, 1904. – С. 63–72. {*N.V. Nikolsky.* A program for the gathering of information on Chuvash people // News of the Kazan Diocese. – No. 3. – Kazan, 1904. – PP. 63–72.}

- Никольский 1914 – *Никольский Н.В.* Программа для собирания этнографических сведений студентами и учащимися в каникулярное время. – Казань, 1914. {*N.V. Nikolsky.* A program for collecting ethnographic information by students during vacation time. – Kazan, 1914.}
- Никольский 1921 – *Никольский Н.В.* Творчество чуваш // ИОАИЭ. – Т. XXXI. – Вып. 1. – Казань, 1921. {*N.V. Nikolsky.* Creativity of the Chuvash people // IOAIE (the Bulletin of Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University). – Vol. XXXI. – Issue 1. – Kazan, 1921.}
- ОРРК – Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Лобачевского Казанского федерального университета. Ед. хр. 2376. {Department of Rare Manuscripts and Books of the Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University. Storing unite: 2376.}
- Пермяков 1988 – *Пермяков В.Л.* Основы структурной паремииологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с. {*V.L. Permyakov.* The basics of structural paremiology. – Moscow: Nauka, 1988. – 236 p.}
- Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // Фольклор и действительность: избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – С. 34–46. {*V.Ya. Propp.* Principles of classification of folklore genres // Folklore and Reality: Selected Articles. – Moscow: Nauka, 1976. – PP. 34–46.}
- Родионов 1982 – *Родионов В.Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. – С. 150–170. {*V.G. Rodionov.* Questions of genre classification of Chuvash folklore // Chuvash Folklore. The Specificity of the Genres. – Cheboksary: ChRILLHE (Chuvash Research Institute of Language, Literature, History, and Economy), 1982. – PP. 150–170.}
- Родионов 2006 – *Родионов В.Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Этнос. Культура. Слово. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – С. 3–53. {*V.G. Rodionov.* Questions of genre classification of Chuvash folklore // Ethnos. Culture. Word. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2006. – PP. 3–53.}
- Сироткин 1965 – *Сироткин М.Я.* Чувашский фольклор. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965. – 132 с. {*M.Ya. Sirotkin.* Chuvash folklore. – Cheboksary: Chuvashknigoizdat, 1965. – 132 p.}
- Чувашская мифология 2018 – Чувашская мифология. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 581 с. {Chuvash mythology. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2018. – 581 p.}
- Ашмарин 1928 – *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. I. – Хусан: Тип. «Красный печатник», 1928. – 335 с. [Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. I. – Казань: Тип. «Красный печатник», 1928. – 335 с.] {*N.I. Ashmarin.* Dictionary of the Chuvash language. Issue I. – Kazan: “Krasnyy Pechatnik” Printing House, 1928. – 335 p.} (In Chuvash.)
- Ашмарин, ЧСК, 1928–1950 – *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки [Словарь чувашского языка]. – Вып. I–XVII. – Казань–Чебоксары, 1928–1950. {*N.I. Ashmarin.* Čăvaš sămahĕsen kĕneki (A Dictionary of the Chuvash language). – Issue I–VII. – Kazan–Cheboksary, 1928–1950.} (In Chuvash.)
- Метин, Мефодьев 1997 – *Метин П.Н., Мефодьев А.И.* Литературапа халăх сăмахлăхĕн ăнлавĕсем. – Шупашкар, 1997. – 80 с. [Метин П.Н., Мефодьев А.И. Школьный словарь терминов литературоведения и фольклористики. – Чебоксары, 1997. – 80 с.] {*P.N. Metin, A.I. Mefodiyev.* A school dictionary of terms of literary and folklore studies. – Cheboksary, 1997. – 80 p.} (In Chuvash.)
- Родионов, Ендеров 2004 – *Родионов В.Г., Ендеров В.А.* Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Лекцисен курсĕ. – Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2004. – 293 с. [Родионов В.Г., Ендеров В.А. Чувашское народное творчество. Курс лекций. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 293 с.] {*V.G. Rodionov, V.A. Yenderov.* Chuvash folk art. A course of lectures. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2004. – 293 p.} (In Chuvash.)
- Сидорова 1978 – *Сидорова Е.С.* Сăнавсемпе паллăсем, тĕшмĕшсем // Чăваш литературоведенийĕн ыйтăвĕсем. Тĕпчев ĕçĕсем. 82-мĕш кăларăм. – Шупашкар: ЧЛИЭНТИ [Чĕлхе, литература, истори, (тата) экономика наука тĕпчев институтĕ], 1978. – С. 115–124. [Сидорова Е.С. Наблюдения, приметы, суеверия // Вопросы чувашского литературоведения. Ученые записки. – Вып. 82. – Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ [Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, (и) экономики], 1978. – С. 115–124.] {*Ye.S. Sidorova.* Observations, omens, superstitions // Questions of Chuvash Literary Criticism. Scientific Notes. – Issue 82. – Cheboksary: ChRILLHE (Chuvash Research Institute of Language, Literature, History, and Economy), 1978. – PP. 115–124.} (In Chuvash.)
- Сидорова 1984 – *Сидорова Е.С.* Ваттисен сăмахĕсемпе каларăшсем, сăнавсемпе паллăсем, тупмалли юмахсем // Чăваш халăх сăмахлăхĕ. V том. Вак жанрсем. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издатель-

- стви, 1984. – С. 5–21. [*Сидорова Е.С.* Пословицы, поговорки, наблюдения, приметы, загадки // Чувашское устное народное творчество. – Том V. – Малые жанры. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – С. 5–21.] {*Ye.S. Sidorova.* Proverbs, sayings, observations, omens, riddles // Chuvash Oral Folk Art. – Volume V. – Small Genres. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1984. – PP. 5–21.} (In Chuvash.)
- Тимофеев 1972 – *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1972. – 431 с. [*Тимофеев Г.Т.* Девятиселье. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. – 431 с.] {*G.T. Timofeyev.* Nine villages. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1972. – 431 p.} (In Chuvash.)
- Тукташ 1949 – *Тукташ И.* Чăваш фольклорĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1949. – С. 328. [*Тукташ И.* Чувашский фольклор. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1949. – 328 с.] {*I. Tuktaš / I. Tuktaš.* Chuvash folklore. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1949. – 328 p.} (In Chuvash.)
- Фольклор 1949 – Фольклор пухакансен мĕн пĕлмелле. Халăх пултарулăхне пухмалли йĕрке. – Чебоксары, 1949. [Что должны знать собиратели фольклора. Программа для собирания народного творчества. – Чебоксары, 1949.] {What do collectors of folklore need to know. Rules of folklore collecting. – Cheboksary, 1949.} (In Chuvash.)
- Чăваш халăх сăмахлăхĕ 1987 – Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Программа. – Шупашкар, 1987. [Чувашское народное творчество. Программа. – Чебоксары, 1987.] {Chuvash folk art. A program. – Cheboksary, 1987.} (In Chuvash.)
- ЧХП 2009 – Чăваш халăх пултарулăхĕ. Сăнавсемпе ёненÿсем. Тĕлĕксем / *Е.В. Федотова* пухса хатĕрленĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2009. – 383 с. [Чувашское народное творчество. Приметы и поверья. Сновидения / Сост.: *Е.В. Федотова.* – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 383 с.] {Chuvash folk art. Omens and beliefs. Dreams / Comp. by *Ye.V. Fedotova.* – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2009. – 383 p.} (In Chuvash.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 1–2 (38–39), pp. 98–109. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 82.091

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-98-109

ПРОБЛЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА МУРАД-БЕЯ МИЗАНДЖИ «НОВЫЙ ИЛИ НОВИНКА?»

*Ахмед Магомедович Муртазалиев*¹

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
доктор филологических наук, заведующий отделом литературы и Центром
по изучению литературного наследия Расула Гамзатова
ORCID: 0009-0005-6210-6948
e-mail: ahmurt@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Муртазалиев А.М., 2023

Аннотация: В статье выявляются особенности поэтики и проблематики (композиционная организация, идея, тема, стиль, художественное содержание, образная система и пр.) романа известного турецкого просветителя XIX в. Мурад-бея Мизанджи «Новый или новинка?». Подробно анализируется система образов романа, компоненты повествования (монологи и диалоги), жанрообразующие формы (дневниковые записи, письма), литературные приемы (хронотоп, категория места) и др. Приводится обзор критической литературы, посвященной данному роману, делается упор в первую очередь на социальный характер его содержания. В статье делается вывод о том, что автор произведения стремится изобразить будущее османское общество, основанное на социально-экономических и культурно-нравственных ценностях ислама, однако многое в этом представлении носит утопический характер. Крушение этого мира писатель не показывает в явном виде, а лишь предсказывает намеками, завуалировано. Несмотря на общий оптимистический характер повествования, веру в исполнение надежд и скорое обновление жизни, роман «Новый или новинка?» построен на реалистических принципах. Он целиком обращен к теме реформирования османского общества второй половины XIX в., социального и духовного раскрепощения и нравственного совершенствования всех его слоев.

Ключевые слова: турецкая литература, художественная проза, Мурад-бей Мизанджи, роман «Новый или новинка?», эпоха Танзимата, жанр, образная система, герой.

Для цитирования: Муртазалиев А.М. Проблематика и художественное своеобразие романа Мурад-бея Мизанджи «Новый или новинка?» // Российская тюркология. 2023. № 98–109. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-98-109.

Issues and artistic features of Murad-bey Mizancı's novel "Turfanda mı Yoksa Turfa mı?" ("Is It Modern or Bigoted?")

*Ahmed Magomedovich Murtazaliev*¹

¹ G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Daghestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
Ph.D. in Philology, Head of Literature Department and Center for the Study of Rasul Gamzatov's Literary Heritage
ORCID: 0009-0005-6210-6948
e-mail: ahmurt@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Murtazaliev A.M., 2023

Abstract: In this article the author attempts to identify features of poetics and issues (compositional organization, the idea, the theme, artistic content, image system, etc.) of the novel "Is It Modern or Bigoted?" by the known Turkish author Murad Bey Mizancı. The system of novel's figures is thoroughly analyzed, as well as the components of storytelling (monologues and dialogues), the genre-shaping units (diary notes, letters), literary techniques (chronotope, category/use of place), etc. There is also a review of critical literature on the novel, focusing mostly on the social nature of the content. Reading this article one can conclude that the novel's author intends to depict the future of the Ottoman society, based on Islamic socioeconomic and cultural ethics, but many features of his view are entirely utopian. The writer does not show us the destruction of this world, he only drops some hints and issues a veiled warning. Though the narration is definitely optimistic in its essence, one can note the faith in hope and renewal, the novel "Is It Modern or Bigoted?" is built on the principles of realism. It is fully directed at the aspect of the Ottoman social reform of the second half of the 19th century, accompanied by spiritual emancipation and moral progress among all of its strata.

Key words: Turkish literature, fiction, Murad-bey Mizancı, novel "Is It Modern or Bigoted?", Tanzimat era, genre, image system, hero.

For citation: *Murtazaliev A.M.* Issues and artistic features of Murad-bey Mizancı's novel "Turfanda mı Yoksa Turfa mı?" ("Is It Modern or Bigoted?") // Russian Turkology. 2023. № 98–109. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-98-109.

Введение

Одним из первых произведений, положивших начало качественно новому этапу развития жанра романа и художественной прозы в турецкой литературе, является сочинение Мурад-бея Мизанджи¹ «Новый или новинка?» («Turfanda mı

¹ *Мурад-бей Мизанджы (Мизанчи) Дагестанлы* (имя при рождении – Хаджи-Мурад Амиров, тур. Mizancı Murat) (1854–1917) – выходец из Дагестана, выдающийся османский государственный и общественный деятель второй половины XIX в., журналист, переводчик, историк и писатель, доктор политологии и теологии, директор Мужского педагогического института в Османской империи. Автор исторических, литературных, автобиографических и мемуарных произведений: «Всеобщая история (Tarih-i 'Umûm)». В 4-х т. – Стамбул, 1879–1881; «Сочинение эпохи Хамида (Devr-i Hamîdî Âsârı)». Библиографическая книга. – Стамбул, 1890; «Краткая история ислама (Muhtasar Tarih-i İslâm)». – Стамбул, 1890; «Сила и слабость Турции (La Force et la Faiblesse de la Turquie)». – Женева, 1897; «Тираническая пята на пути свободы (Hürriyet Vadisinde Bir

Yoksa Turfa mı?»)². В нем сочетаются структурные элементы автобиографического и социально-критического романов. В сюжетной основе произведения – личное представление, идеи и взгляды писателя о совершенном, идеальном исламском обществе под османским правлением. Автор не только поднимает глобальные проблемы переустройства всех сторон турецкого общества, особенно воспитания подрастающего поколения и образования народа, но и указывает пути их решения.

Практически все исследователи, как турецкие, так и иностранные, обращавшиеся к сочинению Мурад-бея Мизанджи, делают упор именно на социальный характер его содержания. В частности, американский тюрколог Роберт Патрик Финн пишет: «Это и утопический, и указывающий путь роман. Особенно бросаются в глаза разделы, в которых показана эволюция взглядов Мансура относительно положения империи и путей исправления этого положения. Проблемы своего времени автор романа анализирует атакующим языком, с точки зрения молодого человека, вернувшегося на родину» [Finn 1984: 71]. Исследователь жизни и творчества Мурад-бея Мизанджи, турецкий литературовед Бирол Эмиль констатирует, что «это произведение с позиции образов и идей, заключенных в нем, поднимает самые острые социальные проблемы не только среди романов своей эпохи, но, если посмотреть шире, то и во всей прозе эпохи Танзимата»³ [Emil 1980: 8].

Такая социальная направленность, особенно характерная для первых турецких романов, была обусловлена тем, что их авторы, как правило, были людьми просветительских взглядов, активно занимавшимися политическими и общественными проблемами, что, в свою очередь, не могло не отразиться на их творчестве. Как произведение острой социально-критической направленности роман «Новый или новинка?» обнаруживает интересную типологическую общность с произведениями других национальных литератур. В частности, с романами «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Пути праведных» персидского писателя Абдулрахима Талибова, «Арая» эфиопского писателя Гырмачоу Тэклэ Хавариата, где реализуются идеи социального переустройства общества, в котором они живут.

В предисловии «Особое мнение» к своему сочинению писатель так комментирует мотивы, подтолкнувшие его к написанию романа: «У нас очень легко дается название “роман”. Пять, десять лет как читатели с большим удовольствием читают описания пошлых любовных сцен под названием “народный роман”, кото-

Pençe-i İstibdad)». Мемуары. – Стамбул, 1908, 1998; «Безнадежное утешение на развалинах тирании (Enkâz-ı İstibdâd içinde Züğürdün Tesellisi)». Мемуары. – Стамбул, 1911; «Есть ли оправдание бедности? (Meskenet Ma(‘)zeret Teşkil Eder mi?)». Мемуары. – Стамбул, 1911 и мн. др.; первый переводчик комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» на турецкий язык.

² В статье анализ материала дается по изданию: *Mehmed Murad. Turfanda mı Yoksa Turfa mı? – İstanbul, 1980.*

³ Танзимат (осман. تنظيمات [tanzi‘mat] – «упорядочение», «уложение»; тур. *Tanzimât*) – принятое в литературе название модернизационных реформ (и самого периода их проведения) в Османской империи с 1839 по 1876 гг., когда была принята первая османская конституция (см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Танзимат>).

рые раньше и в руки не разрешали брать. На страницах газеты “Мизан” под рубрикой “Образцы для подражания нашей литературы” мы открыли критическую дискуссию. Ее цель – с одной стороны, показать вредность таких произведений, демонстрирующих перед иностранцами уровень нашего художественного вкуса, а с другой – сказать, что не всякий, кто, взяв в руки ручку, используя вместо имен Лейла и Меджнун редко слышимые имена, написав рифмованными и изысканными выражениями любовные беседы или письма, может называться писателем.

Во время критики из почтеннейших уст можно было услышать слова: “Легко критиковать и возражать. Надо обладать мастерством, чтобы написать такой роман”. И вот, чтобы показать тем, кто так утверждает, я взялся за этот роман. Я не претендую на написание совершенного литературного произведения. Но я взялся за перо с мыслью, чтобы на основе новых идей и образов, которые отсутствуют в романах, компенсировать недостатки хорошего произведения и представить на суд уважаемых читателей сочинение, действительно достойное звания “народный роман”» [цит. по: Emil 1980: 7–8].

Роман Мурад-бея Мизанджи получил оценку и в трудах советских востоковедов. Вот мнение специалиста по турецкой литературе Л.О. Алькаевой: «Уже в первых романах и повестях, в которых действие происходит главным образом в Стамбуле (романы Намыка Кемаля «Приключение Али-бея» и Мурад-бея «Это первые плоды или необходимость?», повесть Ахмеда Мидхата «Эфлятун-бей и Рахим-эфенди»), есть картины нравов жителей столицы, чувствуется дух времени» [Алькаева 1958: 146].

Проблематика и художественное своеобразие

В основе романа Мурад-бея Мизанджи – жизнеописание молодого человека, турецкого интеллигента Мансура, начиная со дня его рождения и до самой смерти. Географические рамки жизнеописания героя достаточно широки: Алжир, Франция, Африка, Ливан, Сирия, Турция. Однако в произведении изображен лишь турецкий отрезок биографии Мансура. О других этапах его жизни и деятельности читатель узнает из авторских описаний, воспоминаний, писем, рассказов героев романа. Мансур – это идеалистичный, просвещенный человек, символ новой, будущей Турции, носитель, просветительских, реформаторских идей. «Герой романа, как правило, в той или иной степени идеолог» [Бахтин 1975: 481]. Кипучая, не признающая никаких преград натура юноши отличается целеустремленностью. Личные качества главного героя проявляются в различных драматических ситуациях, в которых он оказывается на протяжении всего романа. Он обладает исключительно волевым и сильным характером, постоянно и упорно тренирует волю, закаляет себя, чтобы с честью выдержать трудности и испытания, выпавшие на его долю как социального и общественного реформатора. Личные интересы подчинены у него служению обществу и народу.

Прототипом главного героя романа является сам писатель. «Мансур своим характером, мировоззрением и окружением – это сам Мурад-бей с его идеями и характером» [Emil 1971: 473]. Более того, и сам Мурад-бей Мизанджи не отрицает этого. Некоторые свои письма из Парижа, адресованные семье, он подписывал именем «Мансур» [Mizancı 1911: 39].

С главным героем романа, который прибывает в Стамбул после окончания Парижского университета, читатель начинает знакомиться с описанием его внешнего облика. Однако это не поверхностное, упрощенное описание. Мансур обладает такими качествами, которые раскрывают его внутренний мир. «Безукоризненный внешний вид вызывал к нему расположение. Красивые, ясные, задумчивые, застенчивые глаза нашли прибежище под тонкими черными бровями. С гордо выступающими ноздрями, заостренный, тонкий нос, крупный, но красивой формы рот свидетельствовали о его благородстве и смелости. Все было гармонично в нем – белая кожа, черные волосы, широкие плечи, узкая талия. Одет тоже он был чисто и со вкусом... Его глаза были открыты. Но они были полны чувств и беспокойства, вызванных его размышлениями» [цит. по: Emil 1980: 6].

Мансур впервые прибывает в Стамбул – «центр Вселенной». Он – человек, который всегда живет больше мыслями и воображением, нежели видимыми фактами. Все, что он наблюдал в окружающем его мире, тотчас приводило его в состояние рефлексии. В нем начинали говорить воспоминания, и с этого момента он думал о том, насколько изменилась жизнь. Отсюда исходила его привычка предаваться воспоминаниям, говорить с самим собой, пребывать в мечтаниях и задумчивости. Свои ежедневные мысли и идеи, воспоминания, определяющие его повседневную жизнь и будущее, Мансур записывает в дневник «Другой я» («*Alter Ego*»). Однако это не тот дневник, в котором изливает свою душу человек, переполненный какими-то чувствами и эмоциями. Слова Цицерона «Благополучие государства – самый предпочтительный закон» («*Salus populi summa lex est*») на обложке дневника достаточно ясно говорили, чему посвятил свою жизнь и под каким углом зрения смотрел на нее главный герой романа.

Мансур, несмотря на одиночество и незащищенность, обладает волей и стремлением самостоятельно строить свое будущее. Родному дяде шейху Салиху-эфенди, который очень настаивал, чтобы он оставался в его доме, Мансур так объясняет свое жизненное кредо: «У тех, кто прибегает к помощи или протекже дядек, покровителей, отцов и им подобных, жизненный опыт бывает очень слабым... Тот, кто желает быть полноценным человеком, тот должен почувствовать горечь и радость опыта борьбы, называемой жизнью. Если люди познают голод и нужду, то они познают также цену сытости» [цит. по: Emil 1980: 66].

Его наблюдения в канцелярии министерства иностранных дел, куда он поступил через некоторое время на службу, вызывают у него чувство горечи, отчаяния и крушение иллюзий. С первых дней пребывания на службе герой находится в конфликте с сослуживцами и начальством. Его мировоззрение и характер, европейская культура и образованность, собственное мнение о государстве и падишахе находятся в постоянном и непримиримом противоречии с психологией и идеологией османского общества, в котором он живет и работает. Впечатление, которое производил центральный персонаж на окружающих, через некоторое время приводит к тому, что многие начинают пытаться очернить его, утверждая, что он наносит вред общему делу.

Из-за своих поступков, взглядов на жизнь, семью, общественную и личную мораль, служебную и профессиональную этику, любовь, характер Мансур наживает себе врагов не только в официальных учреждениях, но и в личной жизни, вплоть до того, что его даже хотят убить. Борьба в нем индивидуального с соци-

альной реальностью, в конце концов, приводит его к мысли о том, что необходимо быть полезным селу, о котором он так мечтал и для которого лично сам был способен что-либо сделать.

Сельская жизнь, «уход в народ» – это испытание физических и моральных сил Мансура, его характера на способность к практической реализации идей и планов, которые он вынашивал и строил всю свою жизнь. Как идеалист, имеющий развитое социальное сознание и верящий, что сможет возродить государство через возрождение села, он обладает также сформированными под влиянием воспитания, культуры, домашнего окружения взглядами на брак, любовь и семью. Мансур видит себя носителем национальной и исламской морали и заявляет, что он принес себя в жертву ради государства, и потому у него нет времени для семьи. Его взгляды на жизнь сформировались под влиянием домашнего воспитания, прочитанных книг и европейской культуры. Герой не принимает свободных, внебрачных связей между женщиной и мужчиной.

Со всеми этими чувствами, мыслями, в окружении безнравственности, бездуховности и подлости Мансур начинает сближаться с Зехрой, ставшей для него в жизни путеводной звездой. Любовь этого идеалиста к девушке сопоставима с любовью, испытываемой им к своей стране. Мансур воспринимает Зехру как идеальную для себя пару, достойную стать ему партнером и соратником во всех его делах. Однако под влиянием детских воспоминаний, в силу сдержанности характера и чувств он не открывается девушке, хотя и питает к ней тайную любовь. Вместе с тем к концу повествования они женятся. Взаимная любовь между супругами и твердые семейные отношения основываются на общности идеалов.

Образная система романа «Новый или новинка?», как уже было сказано, представлена двумя группами персонажей: «новыми», символизирующими будущее Турции, и «новинками», представляющими ее сегодняшний день. К «новым», кроме самого Мансура, относятся также доктор Мехмед-эфенди, Зехра, Фатма и Ахмед Шунуди. Это не оторванные от реальности романтики-мечтатели, а люди дела, борцы, нашедшие свое счастье в служении государству и народу. Они выступают в романе как воплощение человеческого достоинства, благородства, разумных и нормальных нравственных представлений и жизненных правил. Их степень зрелости, образования и воспитания, характер и идеи намного опережают свое время. Независимые, не мыслящие свою жизнь без труда, они, стремясь к личному счастью, хотят, чтобы все люди жили хорошо, чтобы их беззаветная, самоотверженная служба государству принесла счастье и процветание народу и стране.

Противоположный «новым» героям лагерь в романе представлен целым рядом персонажей, которых писатель назвал «новинками». Это шейх Салих-эфенди, Рашид, Эмине, Сабиха, Эмин-паша и др. Их образ жизни и деятельность олицетворяют консерватизм, косность, отсталость и бюрократизм государственного аппарата Турции, продажность и порочность личных и семейных отношений.

Эту галерею образов в романе возглавляет шейх Салих-эфенди, ученый-богослов, имеющий хорошее состояние, занимавший в разные периоды жизни высокие государственные посты. Салих-эфенди является ярким противником османизма и тюркизма. Он одержим идеей создания исламского единства под эгидой Алжира, и все свои усилия и состояние тратит на осуществление этой идеи.

Шейх Салих-эфенди имел большое влияние в министерстве иностранных дел, в правительственных кругах. Это был типичный представитель османской бюрократии эпохи Танзимата. На службе он больше ценит звание и должность, нежели достоинство и талант. На этой почве Салих-эфенди часто конфликтует со своим племянником Мансуром. Его огорчает непримиримость, неуживчивость Мансура. Дядя, хотя и не принимает, и не понимает идеализма племянника, вместе с тем высоко ценит его образованность, талант и культуру. Однако не это было главным в его намерениях по отношению к юноше. В первую очередь он хотел видеть его своим единомышленником и мужем своей дочери Сабихи. В конечном итоге ни в том, ни в другом Салих-эфенди не достигает своей цели. Роковым шагом в жизни шейха Салиха-эфенди стала его женитьба на молодой ветреной сестре Рашида, человека безнравственного, прирожденного преступника и афериста, который вызывает у окружающих ненависть и презрение, занимается интригами, приводящими его в конечном итоге к преступлению.

Поступок шейха вызывает осуждение не только у героев романа, но и у самого автора: «Салих, пренебрегая воспитанием и общественной моралью, не стеснясь перед родом ибн-Галибов своих седи и бороды, разговоров жены, с которой прожил тридцать лет, взрослых детей, друзей и близких, увидел достойным, чтобы место его жены заняла сестра такого типа, как Рашид» [цит. по: Emil 1980: 141].

Жизненный итог шейха Салиха печален. Жертвой преступного заговора становится его единственный сын Исмаил. В результате трагедии, происшедшей в его доме, он теряет семью: в пожаре сгорела жена, отравилась дочь. Моральная подавленность его дополняется физической немощью – левая сторона его тела парализована. После всего того, что он пережил, из близких людей у него остаются лишь Зехра и Мансур, которому он завещает все свое состояние. Физический и моральный крах шейха Салиха, по идее писателя, символизирует близкую катастрофу самой Османской империи. Ее отсталая экономика, огромный государственно-чиновничий аппарат, патриархально-консервативный уклад жизни граждан стали главным тормозом на пути прогресса страны и народа.

Проблему женщины в романе писатель решает не только через образы Зехры и Фатьмы, но и через другие женские образы. Одним из них является образ Эмине, жены Рашида, представляющей лагерь «новинок». Это бывшая уличная женщина. Ее единственное достоинство в том, что она хорошо танцует. Эмине видит особую вину своего мужа в посредничестве между Сабихой и Казимом. Вместе с тем как с Рашидом, так и с другими персонажами эту женщину связывают не чувства, а лишь корысть. В образе Эмине писатель воплотил аморальные качества опустившихся женщин турецкого общества.

Жертвой порочного семейного воспитания и собственного характера изображена в романе и Сабиха, дочь шейха Салиха. Природа щедро наделила ее красотой и привлекательной внешностью, однако ее внутренний мир беден и убог. Она некультурна и легкомысленна. Имея скверный и эгоистичный характер, она способна сделать подлость близкому человеку. Девушка думает лишь о низменных вещах, постоянно любит своей красотой.

Кроме главных героев в романе имеется и ряд героев второго и третьего плана. Галерею положительных героев дополняют доктор Нури; верная служанка Зехри – Несрин, сыгравшая немаловажную роль в раскрытии интриги против

безропотной, послушной жены Салиха; старший слуга Салиха – Хасан; гаремный слуга Билал, а также Наима, ставшая впоследствии женой доктора Мехмеда. В круг лиц, олицетворяющих силы зла в романе, во главе с Рашидом входят старый рецидивист, преступник конюх Ибрагим, убийца Исмаила, и аптекарь, давший ему ядовитые таблетки.

Тема любви занимает значительную часть сюжета романа «Новый или новинка?». По мнению Мурад-бея Мизанджи, любовь в будущем идеальном исламском обществе будет сочетать в себе и страсть, и восхищение красотой, и нравственную чистоту сливающихся в свободный союз любящих друг друга людей. Хотя тема любви и не становится доминантой повествования, она обращает на себя внимание тем, что в ней показаны особенности характеров и поступки отдельных персонажей и выражена их авторская оценка.

Самая высокая любовь в романе – это любовь Мансура и Зехры. Здесь важна не только чувственная сторона, но и идейная. Герои живут, не раскрывая друг перед другом своих чувств горечи и радости. До последних страниц романа их чувства скрыты, и борьба идет внутри них самих. Затем любовь переходит в следующую стадию: превращается в семейное счастье, которое сливается с общественным идеалом. Как поясняет сам писатель, это «скрытая любовь».

Второй тип любви, по определению автора, это «открытая любовь». Примером такой любви служат отношения между Сабихой и Казимом. Они удовлетворяют чувства и физиологические потребности. По мнению писателя, такая любовь ведет человека к нравственной деградации и моральному падению.

Третий тип личных отношений между молодыми людьми показан на примере Нури и Фатьмы, Мехмеда и Наимы. Этот тип отношений построен не столько на любви, сколько на стремлении заключить брак. Обручившись, стороны некоторое время изучают друг друга, узнают характер партнера и только после этого, если договорятся, становятся мужем и женой.

Сколько разных характеров, столько и идей в романе. Противоположные взгляды в произведении представлены так, чтобы придать мировоззрению главного героя большую конкретность, четкость, подтвердить ложность господствующего сознания эпохи и некоторых общественных тенденций.

Взгляды и идеи, носители которых мыслят по-разному, в соответствии с их пониманием жизни и общества, можно разделить на три категории: чиновничьи, идеологические и социальные. Чиновничьи – это взгляды Мансура на государство и государственных чиновников. Высказываемые героем в критической форме, они формируют господствующее сознание, которое должно опираться на чувство ответственности, профессиональной этики, отвергать безграмотность, служебную халатность и человеческую лень государственных служащих и стать для них заслуженной наградой, а не заботой о собственном благополучии, чинах и должностях. Идеологические взгляды в романе проявляются в ходе полемики, дискуссий и споров, происходящих вокруг идеи исламского единства. Защищая эту идею, с центром в столице Османского государства, Мансур противопоставляет себя дяде шейху Салиху и Ахмеду Шунуди – сторонникам идеи исламского единства во главе с Алжиром. Эта проблема, в виде развернутых диалогов между главным героем и его оппонентами, поднимается в шестой главе романа «Общие цели и противоречивые идеи». Социальные взгляды в произведении тоже пред-

ставлены в образе Мансура. Это его идеи, связанные с возрождением и развитием страны и села. Среди мероприятий по возрождению государства и формированию сознательного гражданина на первое место он ставит предоставление каждому человеку права обращаться в любой форме во все государственные инстанции, вплоть до правительства и самого султана. Будучи убежденным сторонником реформ государственной системы, Мансур ратует за всеобщее образование народа, открытие повсеместно учебных заведений типа Высших школ гражданских чиновников, создание по европейскому образцу регулярных пожарных частей, сил охраны общественного порядка, а также реформирование армии.

В композиции романа главенствующую роль играет *образ повествователя*, автора. Хотя писатель и излагает события, изображает героев, раскрывает их мысли и внутренний мир в отношении к Мансуру, повествование в романе ведется непрямолинейно. Наряду с традиционным повествованием автор широко использует и такие приемы, как мемуары, дневник, переписка, самооценка, диалоги и внутренние монологи. Они дают ему возможность реалистично передавать характерные особенности представителей разных слоев общества.

Отличительной чертой романа является участие автора в оценке событий в качестве активного рассказчика. Его «рассказывание» встречается на каждой странице произведения, и порою автор, не желая выпускать из виду своих героев, прямо вмешивается в их жизнь и происходящие вокруг них события, давая им характеристики, комментируя и оценивая их поведение и поступки.

Рассматривая женщину как социально активного, равноправного члена общества и семьи, автор прямо ставит вопрос: «Женщина – это одна из вещей для украшения, меблировки дома? Или она необходимый член семьи и общества?» [цит. по: Emil 1980: 155]. Такая постановка вопроса в турецком романе 1890-х гг. была поистине революционным шагом. Это свидетельствовало о гражданском мужестве Мурад-бея Мизанджи и необходимости скорейшего решения женского вопроса как одного из острых социальных вопросов османского общества.

В отношениях писателя к своим героям явно выражены его симпатии и антипатии. Они передаются посредством словесно-изобразительных средств (эпитет, сравнение, метафора и т. д.), оценки, характеристики и др. Так, в авторских характеристиках положительных героев преобладают возвышенные и красочные оценки, вызывающие положительные эмоции, в которых важным элементом становится эпитет: «красивые, ясные, задумчивые, застенчивые глаза» (Мансур), «жгучая, ослепительная красота», «прекрасная», «порядочность», «решительность» (Зехра), «некрасивый, но привлекательный, миловидный», «ясные, как августовская ночь, глаза», «смирный человек» (Мехмед). Автор не только симпатизирует своим любимым героям. В трудный для них час он словно «сходит» с позиций повествователя на страницы романа и встает рядом с ними, оказывает им свою помощь и поддержку, переживает за них и сочувствует им.

Важным компонентом повествования в романе являются *диалоги*. Через них автор стремится выразить определенную идею или раскрыть характер того или иного героя. Таковыми являются, в частности, беседы между Фатьмой и Зехрой, Мансуром и Эмин-пашой или Ахмедом Шунуди. К внутренним монологам в романе часто прибегают Мансур и Зехра. В минуту размышлений, сомнений, принятия важных решений они обращаются к себе или к неведомому собеседнику,

ища ответы на непростые вопросы или пытаюсь найти выход из сложных жизненных ситуаций. Иногда в своих внутренних монологах герои дают оценку своим поступкам или поступкам и действиям других персонажей. Кстати, Берна Моран отмечает, что Мурад-бей Мизанджи, в отличие от других романистов эпохи Танзимата (Реджаизаде Экрем, Шемседдин Сами, Ахмед Мидхат, Самипашазаде Сезаи и пр.), чаще прибегает к приему внутреннего монолога. По мнению критика, это не столько демонстрация способности Мансура к размышлению, сколько стремление писателя произвести на читателя определенное впечатление [Emil 1980: 80].

Наряду с традиционным повествованием, диалогами и монологами автор использует и такие *жанрообразующие формы*, как дневник, письма. Эпистолярный жанр в романе представлен перепиской между Мансуром, Зехрой, Фатмой и Мехмедом. Используя эту форму повествования, автор «сокращает», «экономит» романное время, лапидарно информирует читателя о дальнейших событиях, которые произошли в жизни героев после трагических событий в доме шейха Салиха, показывает результаты практической реализации идей главного героя.

Важным элементом создания в романе авторской картины мира является *хронотоп*. В нем нет безвозвратного, прямолинейного течения времени. Здесь есть разрывы, скачки, движение назад и снова вперед. Время представлено в трех измерениях: в ретроспективном, настоящем и будущем. События происходят в «настоящем времени», основные персонажи также живут в «настоящем времени». Лишь Мансур в мыслях часто возвращается в прошлое. Периодические вспышки его памяти также показывают, что он живет в прошлом. Вторая глава романа «Возвращение в прошлое» целиком состоит из воспоминаний главного героя.

С категорией времени тесно связан другой важный компонент композиции – *категория места*. Как видно из описания различных мест, они схвачены писателем очень ярко. При изображении улицы или дома перед читателем предстает реальное, конкретное место во всех деталях, в документальном стиле, словно на фотоснимке. Вот, например, описание комнаты Мансура, когда в его отсутствие туда вошли Зехра и Фатма: «В большой комнате был беспорядок. Между тем этот беспорядок произвел на вошедших девушек больше впечатления, нежели она была бы убрана. Потому что обстановка свидетельствовала о большой усталости его мысли от чтения и писания. На полу вокруг стола было разбросано много прочитанных французских, турецких, арабских газет, стол был полон беспорядочно сваленными книгами. Африканский дневник и незавершенная карта также были на столе» [цит. по: Emil 1980: 200].

Описание других мест, с учетом субъективного восприятия героев, носит не только чисто визуальный, а еще и интеллектуальный или романтический характер. Таковым, в частности, является описание крепости Анадолу Хисары, Сарайбурну, пристани Хункара, крепости Румели и других исторических мест Стамбула, которые наблюдает Мансур с палубы парохода.

Стиль романа больше напоминает публицистический, нежели художественный. Именно публицистический настрой придает роману социальную остроту и обличительный характер. Писатель использует выражения, штампы, напоминающие официальный стиль эпохи Танзимата. Видимо, причина кроется в том, что Мурад-бей Мизанджи был больше публицистом и философом, чем профессиональным писателем.

Эффективным *композиционным средством* в романе выступает противопоставление персонажей друг другу, ожидаемого и реального, сегодняшнего и будущего. Можно сказать, что контекстуальная антитеза пронизывает весь сюжет произведения. Уже в самом названии романа «Новый или новинка?» содержится элемент противопоставления. Кстати, это подтверждает и сам Мурад-бей Мизанджи в предисловии «Особое мнение»: «Говоря о названии романа, следует отметить, что оно выбрано специально. Изображенные в произведении Мансур, Зехра, Фатъма, Мехмет, Ахмед Шунуди являются новым продуктом эпохи. Являются ли они «новыми», то есть первыми из тех, кого в будущем будет много? Или они «новинки», то есть те, кто, потеряв свое достоинство в обществе, не вызывает ни у кого симпатий? Задавая эти вопросы читателям и разбудив тем самым в их сердцах чувства, мы поймем, насколько правильно выбрали мы свою дорогу» [цит. по: Emil 1980: 8]. На антитезе построены и названия некоторых глав романа («Розы и шипы», «Прилив и отлив»), образная система произведения («новые» и «новинки»), описание быта и деталей жизни героев, их характеры и внутренний мир.

Ярко показаны в произведении противоречия между внутренним миром главного героя и его окружением. Мансур всю жизнь мечтал и грезил о Стамбуле. Для него этот город был смыслом жизни, мерилom всего прекрасного, центром вселенной. Он считал, что в этом городе живут самые лучшие, самые достойные, самые культурные и образованные люди, благочестивые мусульмане. Однако реальность, с которой он столкнулся с первых шагов пребывания в городе своей мечты, действует на героя отрезвляюще. Чаше к приему контраста писатель прибегает при характеристике персонажей, оценке их поведения, образа жизни. Талантливому, честному, образованному и искренне желающему служить родине и падишаху Мансуру противостоят его дядя шейх Салих-эфенди, понимающий государственную службу лишь как место, где получают награды и делают карьеру, Эмин-паша, заявляющий, что тот, кто следует букве закона, тот быстро устает и перестает усердствовать на службе, а также безответственные, неграмотные, бездарные чиновники канцелярии, томящиеся на службе от безделья. В диалоге Мансура с Эмин-пашой выявляются взгляды двух представителей османского общества на образование и воспитание народа, состояние государственных дел, перспективы развития страны, ответственность и профессионализм государственных служащих и чиновников, на получение молодыми турками европейского образования. В романе особо подчеркнута контрастность между представителями различных социальных и общественных слоев, их моральными ценностями и нравственными критериями.

Выводы

В романе «Новый или новинка?» автор стремится изобразить будущее османское общество, основанное на социально-экономических и культурно-нравственных ценностях ислама. Многие в этом представлении носят утопический характер, особенно то, что касается просвещенного, умного правителя, думающего и заботящегося о народе и государстве, прислушивающегося к голосу и советам, в первую очередь, национальной интеллигенции. Однако к концу пове-

ствования герои продолжают жить в том мире, в котором господствуют старые порядки. Крушение этого мира писатель не показывает явно, а лишь предсказывает намеками, завуалировано. При всей своей мажорности, вере в исполнение надежд на скорое обновление жизни роман «Новый или новинка?» построен на реалистических принципах. Он целиком обращен к теме реформирования османского общества второй половины XIX в., социального и духовного раскрепощения и нравственного совершенствования всех его слоев.

Литература

- Алькаева 1958 – *Алькаева Л.О.* Стамбул в турецкой художественной литературе // Турецкий сборник. – М.: ИВЛ, 1958. – С. 139–155. {*L.O. Alkaeva. Istanbul in Turkish fiction // Turkish Miscellany. – Moscow: IVL, 1958. – PP. 139–155.*}
- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 481. {*M.M. Bakhtin. The questions of literature and aesthetics. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. – P. 481.*}
- Emil 1971 – *Emil B.* Mizancı Murad Bey'in edebiyat ve tenkide dair görüşleri. – İstanbul, 1971. [Эмиль Б. Взгляды Мурад Бея Мизанджи на литературу и критику. – Стамбул, 1971.] {*B. Emil. Mizancı Murad Bey's views on literature and criticism. – İstanbul, 1971.*} (In Turkish.)
- Emil 1980 – *Emil B.* Mizancı Mehmed Murad ve romanına dair // *Mehmed Murad. Turfanda mı yoksa turfa mı?* – İstanbul, 1980. [Эмиль Б. Мехмед Мурад Мизанджи и его роман // *Мехмед Мурад. Новый или новинка?* – Стамбул, 1980.] {*B. Emil. On Mizancı Mehmed Murad and his novel // Mehmed Murad. Is it modern or bigoted? – İstanbul, 1980.*} (In Turkish.)
- Finn 1984 – *Finn R.P.* Türk Romanı (İlk Dönem 1872–1900). – Ankara, 1984. – S. 71. [Финн Р.П. Турецкий роман (Первый период 1872–1900). – Анкара, 1984. – С. 71.] {*R.P. Finn. Turkish novel (first period 1872–1900). – Ankara, 1984. – P. 71.*} (In Turkish.)
- Kaflı 1942 – *Kaflı K.* Şimali Kafkasya. – İstanbul, 1942. – S. 190. [Кафлы К. Северный Кавказ. – Стамбул, 1942. – С. 190.] {*K. Kaflı. The North Caucasus. – İstanbul, 1942. – P. 190.*} (In Turkish.)
- Mehmed 1980 – *Mehmed Murad.* Turfanda mı yoksa turfa mı? / Sadeleştirilen: B. Emil. – İstanbul: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1980. – S. VIII. [Мехмед Мурад. Новый или новинка? / Адапт. Б. Эмиль. – Стамбул: Издательство министерства культуры, 1980. – С. VIII.] {*Mehmed Murad. Is it modern or bigoted? / Adaptation by B. Emil. – İstanbul: Publishing house of the ministry of culture, 1980. – P. VIII.*} (In Turkish.)
- Mehmet 1972 – *Mehmet Murat.* Mansur bey. – İstanbul: Enderun Yayınevi, 1972. [Мехмет Мурат. Мансур бей. – Стамбул: Enderun, 1972.] {*Mehmet Murat. Mansur bey. – İstanbul: Enderun publishing house, 1972.*} (In Turkish.)
- Mizancı 1911 – *Mizancı M.* (Mehmed Murad / محمد مراد). Meskenet Ma(‘)zeret Teşkil Eder mi? / مسكنت معذرت تشکیل ایدرمی? [Есть ли оправдание нищете?] – İstanbul, 1911. – S. 39. {*M. Mizancı. Is there any excuse for misery and poverty? – İstanbul, 1911. – P. 39.*} (In Ottoman Turkish.)
- Mizancı 1999 – (*Mizancı*) *Mehmed Murad.* Turfanda mı yoksa turfa mı? / Haz.: Tacettin Şimşek. – Ankara: Akçağ Yayınları, 1999. [(Мизанджи) Мехмед Мурад. Новый ил новинка? / Ред. Таджеттин Шимшек. – Анкара: Акчаğ, 1999.] {(*Mizancı*) *Mehmed Murad. Is it modern or bigoted? / Ed. by Tacettin Şimşek. – Ankara: Akçağ publishing house, 1999.*} (In Turkish.)
- Moran 2002 – *Moran B.* Türk romanında eleştirel bir bakış. – İstanbul, 2002. – Cilt I. – S. 80. [Моран Б. Критический взгляд на турецкий роман. – Стамбул, 2002. – Том. 1. – С. 80.] {*B. Moran. A critical look at Turkish novel. – İstanbul, 2002. – Vol. 1. – P. 80.*} (In Turkish.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 1–2 (38–39), pp. 110–118. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 398.224

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-110-118

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ «НАРТИАДА» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЭПИЧЕСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ ДРУГИХ НАРОДОВ

*Танзиля Мусаевна Хаджиева*¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора
ORCID: 0000-0003-1186-4958
e-mail: tanzila_@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Хаджиева Т.М., 2023

Аннотация: Карачаево-балкарские героические песни и сказания о богатырском племени нартвов являются одной из версий общекавказской «Нартиады», которая относится к числу архаических эпосов. Несмотря на то что в разных версиях «Нартиады» много общего (общее название эпоса и имен некоторых нартских героев, сходство сюжетов и мотивов и т. д.), в каждой этнической традиции воссоздана своя мировоззренческая картина мира. Так, в частности, в карачаево-балкарской версии кавказские и локальные самобытные эпические традиции сочетаются с эпической традицией тюркских и монгольских народов.

В своей работе автор подчеркивает, что спецификой рассматриваемой версии «Нартиады» является то, что главная ее эпическая тема – борьба нартвов с мифологическими чудовищами – эмегенами. Между нартами и эмегенами велась постоянная борьба, в которой благодаря своему умственному превосходству нарты всегда оставались победителями.

В ходе исследования автор показал, что в повествовательной системе эпоса обычно преобладает традиционная последовательность мотивов: каждый мотив вытекает из предыдущего и влечет последующий, постепенно подготавливая кульминацию сюжетного действия. Встречаются и повторяющиеся мотивы, которые в зависимости от ситуации, характера конфликта и соотношения образов, могут меняться от простого к сложному.

Характерной чертой кавказской «Нартиады» является то, что в нартских песнях и сказаниях герой свой подвиг совершает в одиночку (моногогеризм). Сравнительный анализ текстов помог выявить, что в карачаево-балкарском эпосе в отличие от других версий «Нартиады» многие сказания имеют концовки, характерные тюркоязычным эпосам: утверждение правдоподобности рассказанного, восхваление героя, подчеркивание значимости или описание героических последствий его подвигов.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, нартский эпос, героико-эпические сказания народов Кавказа, эпические памятники, «Нартиада».

Благодарность: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00655.

Для цитирования: Хаджиева Т.М. Карачаево-балкарская «Нартиада» в сопоставлении с эпическими памятниками других народов // Российская тюркология. 2023. № 110–118. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-110-118.

The Karachay-Balkar “Nartiada” in comparison with the epic monuments of other peoples

Tanzilya Musaevna Khadzhieva¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. in Philology, Leading Researcher of the Department of Folklore Studies
ORCID: 0000-0003-1186-4958
e-mail: tanzila_@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Khadzhieva T.M., 2023

Abstract: The Karachay-Balkar heroic songs and sagas about the heroic kind of Narts can be described as one of the versions of the common Caucasian “Nartiada”, one of the archaic epic forms. Despite the fact that many versions of the “Nartiada” have many common features (the same name of the epos and some Nart heroes, the similarities of the plot and between the motifs, etc.), every ethnic tradition tends to build up its own worldview. In particular, in the Karachay-Balkar version common Caucasian and local distinctive epic traditions are merged with the epic tradition of Turkic and Mongolian peoples.

The author highlights in this work that the distinguishing feature of the examined version of the “Nartiada” is its main theme: the fight of the Narts against the mythological monsters – the emegens. There was a constant struggle between the Narts and the emegens, in which, due to their intellectual superiority, the Narts always came out victorious.

The author of the study established that in the narrative system a traditional sequence of motives can be described as predominate: every motive arises from a previous one and entails the next one, preparing, step by step, the culmination of a story. There are also some recurring motifs, which can change themselves from simple to more complex structure, depending on a situation.

The distinctive feature of the Caucasian “Nartiada” is the solitude of the main hero doing his deed in the Nart songs and sagas (monoheroism). The comparative analysis helped to conclude that in contradistinction to many other versions of the “Nartiada”, in Karachay-Balkar epic folklore numerous sagas have endings, typical of Turkic ones: the assertion of probability of a story, the glorification of a hero, emphasis on the significance, and description of consequences of his mighty deeds.

Key words: Karachay-Balkar folklore, Nart epos, heroic epic sagas of the peoples of the Caucasus, epic monuments, “Nartiada”/“Nartiade”.

Acknowledgment: The research was carried under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00655 at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Khadzhieva T.M. The Karachay-Balkar “Nartiada” in comparison with the epic monuments of other peoples // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 110–118. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-110-118.

Введение

Одной из особенностей нартских песен и сказаний является их интернациональный характер – они известны многим кавказским народам: осетинам, карачаевцам и балкарцам, адыгам, абхазам, ингушам, чеченцам. Нартские сюжеты фрагментарно встречаются и в фольклоре народностей Дагестана, а также у сванов и рачинцев.

Несмотря на то что в разных версиях «Нартиады» много общего, в каждой этнической традиции воссоздана своя мировоззренческая картина мира. Так, в частности, в карачаево-балкарской версии кавказские и локальные самобытные эпические традиции сочетаются с эпической традицией тюркских и монгольских народов. Например, в религиозных верованиях балкарцев и карачаевцев главенствующее положение занимал Тейри (Тенгри) – верховное божество этих народов. В их эпосе Тейри покровительствует и помогает нартам во всем.

Спецификой карачаево-балкарской «Нартиады» является то, что главная ее эпическая тема – борьба нартов с мифологическими чудовищами – эмегенами. «Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что эмегены ели человеческое мясо и, когда попадал к ним кто-нибудь из нартов, старались не выпускать его живым из своих рук» [Урусбиев 1881: III].

Эмегены – не только постоянные эпические враги нартов, они источник зла и хаоса на земле. Быстро размножаясь, эти ненасытные чудовища пожирают все живое. И, чтобы очистить от них землю, Бог создает нартов, которые ведут с ними борьбу до полного их уничтожения.

Структура жанра

В нартских песнях и сказаниях сюжетной экспозиции и завязке предшествует зачин. Инициальные формулы зачинов встречаются как в стихотворных, так и в смешанных и прозаических текстах сказаний. Они указывают на время действия, которое чаще всего относится к далекому прошлому (хронологический зачин): *эртде заманлада* ‘в древние времена’; *эртде-эртде дорбунлада тургъанлада* ‘очень давно, когда (люди) в пещерах обитали’; *нартланы эмегенле бла кюре-ишучю заманлада* ‘во времена, когда нарты враждовали с эмегенами’ и т. д.

Сравнительный анализ нартских текстов балкарцев и карачаевцев показал наличие в них большого количества постоянных *хронологических зачинов*. Доминирующими среди этих зачинов, как и в других эпосах тюркоязычных народов, являются инициальные формулы: *бурун заманлада* (или *эртде бурун заманлада*) ‘в древние времена’ и *нартланы заманында* ‘в век нартов, во времена нартов’. Например: *Бурун заманда, нартланы кезиуюнде, Дебет деп бир нарт жашагъанды* [Нарты 1994: 162] ‘В древние времена, во времена нартов жил один нарт по имени Дебет’¹; *Нартланы заманында аты да Къызыл Фук деп, бир тюрлю зат жашагъанды* [Нарты 1994: 76] ‘В век нартов жило некое существо, которое звали Красный Фук’.

Топографические зачины в эпосе карачаевцев и балкарцев указывают на место жительства героев или место их действия. При этом характерным для таких зачинов является то, что сказители стремятся точно обозначить место действия сказаний, приурочивая их к определенной местности: *Нартла бла эмегенле эки башлы (Минги-Тау) эм Къазман (Казбек) таулары Къыркъ сууларыны къолларында къатыш жашагъандыла* [Нарты 1994: 588] ‘Нарты жили вперемешку с эмегенами в долинах Сорока рек Эльбруса и Казбека’.

¹ Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

Топографический зачин в «чистом виде» встречается редко, так как зачины в основном начинаются фиксацией и времени, и места:

<i>Эртде-эртде заманда,</i>	В давние-давние времена
<i>Минги Тауну къатында</i>	Около Минги Тау (Эльбруса)
<i>Нартла жашай элле</i> [Нарты 1994: 589].	Нарты жили.

Помимо указания на существование героев, зачины в сказаниях содержат в себе и **формулу наличия**: *Темирчи Дебетни бла аны къатыны Матчалыуну онтогъуз жашлары болгъанды* ‘У кузнеца Дебета и у его жены Матчалыу было девятнадцать сыновей’.

Некоторые сказания балкарцев и карачаевцев, как и сказания других национальных версий «Нартиады», начинаются с зачина – характеристики или короткого указания на происхождение героя: *Эмеген къыздан туугъан Къарашауай нартланы пелуаны болгъанды* ‘От девушки-эмегенши рожденный Карашауай был нартским богатырем’, или с указания на взаимоотношения между героями (в основном генеалогические): *Къарашауайны къарт атасы Дебет бек уста темирчи болгъанды* ‘Дед Карашауая Дебет был очень искусным кузнецом’, или же сразу начинаются с завязки и непосредственного развития сюжета:

<i>Фукну жашы ёлмей нартда къалгъанды,</i>	Сын Фука не умер, среди нартов
<i>Ёрюзмекни жояргъа оноу салгъанды</i>	остался,
[Нарты 1994: 91].	Убить Ёрюзмека (отомстить за отца) он решил.

Сюжетообразующие мотивы. Проанализировав нартские сказания балкарцев и карачаевцев и установив наиболее характерные эпические сюжеты, которые можно разложить на ряд «простейших повествовательных единиц» – мотивов (А. Веселовский), мы выявили сюжетообразующие (основные) мотивы и несюжетообразующие (второстепенные).

В **экспозиции (предыстории)** сказаний при помощи различных эпизодов (предварительных мотивов) дается описание событий (иногда очень подробное), которые предшествуют завязке и, наиболее глубоко раскрывая тему, показывают и объясняют условия, при которых возникает конфликт.

Конфликтность – неперемное условие сюжетного действия. Она выражается чаще всего в противопоставлении персонажей сказаний. Конфликтность всегда мотивирована. Характер мотивировки зависит от темы сказания.

В сюжете сказаний, помимо основного (конфликтного) мотива, есть и второстепенные, «свободные мотивы», которые могут варьироваться или вовсе выпадать из контекста, не нарушая сюжетную линию повествования.

В повествовательной системе эпоса обычно преобладает традиционная последовательность мотивов: каждый мотив вытекает из предыдущего и влечет последующий, постепенно подготавливая кульминацию сюжетного действия. Встречаются и повторяющиеся мотивы, которые в зависимости от ситуации, характера конфликта и соотношения образов, могут меняться от простого к сложному.

В некоторых сказаниях бывают различные отклонения от основного хода сюжета, например, случайная встреча героя с кем-нибудь, препятствия на пути и т. д. Преодоление этих препятствий служит для дальнейшего движения сюжет-

ного действия, кроме того, показывает исключительность героя, смелость, силу, геройство.

Иногда в сказаниях присутствует и мотив «предварительная неудача»: герой перед свершением основного подвига терпит неудачу. Но торжество врага всегда оказывается преждевременным, так как «какими бы драматическими перипетиями не изобилдовал сюжет, он строится с ориентацией на торжество героического начала» [Путилов 1970: 19].

Определив композиционное строение большинства нартских сказаний, обратимся теперь к конкретному анализу некоторых из них. Так, в сказании «Ачемез, сын Ачея», во вводной его части, повествуется о борьбе Ачея с Кубу (Хубуном), который в упорном поединке убивает его. Чтобы отомстить Кубу, с отрядом своих людей выезжает старший брат Ачея Насыран (в другом варианте отомстить убийце выезжает его сестра). Ачемез рождается после смерти отца, и его мать воспитывает его втайне от окружающих. В описании детства Ачемеза присутствуют мотивы фантастически быстрого роста героя, мотивы чудесной силы и богатырского детства (предварительные мотивы). Во всех вариантах этого сказания наличествует мотив «незнания»: мать Ачемеза держит втайне причину гибели мужа и имя его убийцы. Открытие тайны происходит случайно: Ачемез во время игры детей в бабки (альчики) разбивает их. Мать детей упрекает Ачемеза: «Лучше бы ты отомстил убийце своего отца, а не обижал бы детей». Здесь упрек женщины является провоцирующим мотивом. Этот мотив толкает героя на свершение других поступков, что, в свою очередь, сопряжено с возникновением последующих мотивов. Началом конфликтной ситуации в сказании является выведывание у матери имени убийцы отца. Для этого Ачемез прижигает ее руку горячей кукурузой (халвой). Некоторые варианты данного сказания осложняются введением в них мотива «недооценки героя» (А. Скафтымов): когда Ачемез просит мать дать ему отцовское оружие и его боевого коня, она учит, где их найти, но при этом говорит сыну, что он еще мал и не сможет справиться с конем и поднять тяжелое оружие. Но герой достает оружие отца и, простившись с матерью, отправляется на поиски убийцы. Итак, мотивировка выезда Ачемеза – месть. В пути Ачемез встречает большую реку, через которую нарты не могут переправиться (мотив случайной встречи – препятствия). Ачемезу ничего не стоит переправиться на другой берег. Когда он знакомится с дядей (тетей) и говорит ему о цели своего приезда, происходит повтор мотива «недооценки героя». Ачемез, чтобы вызвать Кубу на бой, угоняет его табун, передает его нартам и возвращается назад.

При встрече с Кубу на его вопрос о том, видел ли он его табун, Ачемез трижды сознательно обманывает его, сбивая с пути. Далее он заявляет Кубу: «Это я угонял твои табуны, чтобы показать, насколько твои угрозы не страшны для меня, это я заставил тебя три раза скакать по ложному пути. Если тебе желательно узнать, кто тебя так сильно огорчил, то знай: я – сын Ецеева и приехал отомстить тебе за смерть своего отца» [Нарты 1994: 568].

Три дня и три ночи сражаются противники, Кубу после каждого боя уезжает домой, где его жена при помощи волшебного полотенца исцеляет его раны. На четвертый день Ачемез умирает от бесчисленных ран (предварительная неудача). Кубу привозит его труп к себе домой. Ночью, когда Кубу засыпает, его жена волшебным полотенцем оживляет Ачемеза. После этого Ачемез с помощью же-

ны Кубу достает «черный нож» самого Кубу, ибо только этот нож принесет тому смерть (мотив смерти врага только от своего оружия), и убивает своего кровника. Один из законов, установленных В.Я. Проппом, гласит: «Последовательность функций мотивов всегда одинакова <...> Отсутствие некоторых функций не меняет порядка остальных» [Пропп 1962: 26].

Одни мотивы служат завязкой действия, другие ведут, развивают действие, третьи – составляют кульминационный момент. Вкупе они дают последовательно развивающееся действие. Но для того, чтобы определенная группа мотивов стала самостоятельным образованием (сюжетом), необходимы еще особого рода мотивировки центрального действия. «Под мотивировками понимаются как причины, так и цели персонажей, вызывающие их на те или иные поступки» [Пропп 1962: 69]. Таковыми причинами и целями поступков героев в нартском эпосе являются: ликвидация вредителя, похищение огня, женитьба, кровная месть и т. д.

Конфликтность, выражающаяся в резком противопоставлении персонажей, характерна для сказаний на традиционную тему – борьба нартвов с эмегенами. Эти сказания образуют ряд сюжетов:

1. Эмегены – хранители огня и воды.
2. Нарты преднамеренно ищут встречи с эмегенами.
3. Нарты случайно встречаются с эмегенами.
4. Эмегены сами нападают на нартвов (совершают набеги).

В сказаниях, где эмегены выступают хранителями огня, нарты встречаются с ними случайно. Например, сказание «Сосурук и эмеген» сразу же начинается с завязки и непосредственного развития сюжета: *От ёчюлсе, сирнек болмагъан заманда, отлукъ ташла бла къуу къабындырып болгъан кезиуледе, нартла жашагъан жерде от ёчюлюп, ол да табылмай, нартла бек суукъ болуп, тап къырылыргъа окъуна жетген эдиле* [Нарты 1994: 382] ‘Во времена, когда не было спичек, когда огонь добывали при помощи кремния, на земле нартвов потух огонь, нарты никак не могли его вновь развести и до того замерзли, что чуть не погибли’. Мотивировкой выезда Сосурука в этом сказании служит поиск огня. В поисках огня он едет на огонек и случайно попадает к эмегену.

В сказании «Алауган» главный герой сказания также случайно встречается с эмегеншей, но здесь мотивировкой выезда Алаугана служит поиск жены. В сказаниях же, где повествуется о том, что эмегены – хранители воды, нарты преднамеренно ищут с ними встречи (с целью их уничтожения), так как эмегены стерегут воду и не дают ее нартам: *Суну башын тогъуз башлы эмеген алып, суну тыйып, элге мылысын да жибермейди. Къатына жалагъанны уа, ашап къояды. Анга бир киши да, бир зат да эталмайды. Халкъны ашап, тауусуп барады* [Нарты 1994: 135] ‘Воду стережет девятиглавый эмеген. Он задержал воду (вплоть) до последней капли. Кто к нему приближается, того моментально съедает. Никто с ним не может справиться. Скоро он так съест весь народ’.

Если мотивировка действий нартских героев в рассмотренных выше сказаниях имеет героическую окраску, то мотивировка поступков эмегенов – каннибализм, обжорство (это мотивировано сущностью, типологией самого образа): *Эмеген жыйынла гебенле, тебеле кибик, жерлени, къаяланы тендирип, нарт элге тохтаусуз чабылукъ этип болгъандыла. Нарт элде табылгъан сабий, къарт, мал тапханларын ашагъандыла* [Нарты 1994: 588] ‘Толпы эмегенов, гро-

мадных, словно стога сена, курганы, сотрясая землю и горы, постоянно устраивали набеги на села нартов. Эмегены пожирали всех, кто попадался им на пути: детей, стариков, животных', поэтому нарты вынуждены были вести с ними непримиримую борьбу.

В карачаево-балкарском нартском эпосе бытуют и несколько вариантов сказаний о гибели нартского племени. В отличие от других версий «Нартиады», в этих сказаниях совершенно отсутствуют богоборческие мотивы: гибель нартов в них связывается с эмегенами.

Например, в сказании «Нарты и эмегены» говорится: *Нартланы заманларында акъ жылла деп юч жыл болгъанды. Ол юч жылда жсаун жсаумай кюн кысып, нарт эллерине, эмегенлеге ачкытылыкъ жетгенди. Ачлыкъ жетген эмегенле нарт эллены анданда бек кыйнагъандыла* [Нарты 1994: 588] 'Во времена нартов были три года, которые назывались «белые годы». В эти три года не было дождей и наступала засуха. И тогда нартам очень много бед доставляли проголодавшиеся эмегены'.

В один из этих голодных годов, когда нартское войско было в походе, эмегены нападают на их села и опустошают их. Нарты по возвращении, не найдя многих своих близких и родных, начинают войну против эмегенов: *Ачлыкъ кьутуртхан эмегенле, тереклени, ташланы сермен нартланы артха ыхтыра башлагъандыла. Нартланы садакълары эмегенлеге тийселе да бюгюлюп, не да артха чартлап кете болгъандыла* [Нарты 1994: 290] 'Обезумевшие от голода эмегены, схватив деревья, камни, постепенно стали одолевать нартов. Стрелы нартов были нипочем эмегенам: они или гнулись или отлетали назад'.

И тогда нарты, собравшись, решили, что они не смогут их так уничтожить, и сварили в больших казанах отвары из многих ядовитых трав. Обезумевшие от голода эмегены выпили эти отвары, после чего: *Тентек болуп, бир бирлени тьююп кырып башлагъандыла. Этлери кёгерип, тюклери тьюшюп, елет кирип кырылып артлары болгъанды* [Нарты 1994: 588] 'Обезумев, они стали избивать и убивать друг друга. Кожа [тело] их посинела, волосы выпали, они все заболели, между ними начался мор, и все эмегены до единого погибли <...> Когда бесчисленное количество трупов эмегенов начало разлагаться, у нартов начался мор. На землях нартов жизнь стала невозможной.

*Ёлет кирген кюнледе
Минги Таудан къачдыла*
[Нарты 1994: 589].

В те дни, когда [в стране нартов]
начался мор,
[Нарты] бежали с Эльбруса.

Что бы ни предпринимали нарты, ничего им не помогало. И тогда они обратились за помощью к Богам:

*Кюн Тейриден, – «Ёлетни ал!» –
деп, тилелле.
Тилейдиле Кёк Тейриге таралып.*

У Бога Солнца попросили:
«Спаси нас от этого мора!»,
Просят, умоляют [помочь] Бога Неба.

Но Боги не помогли нартам:

*Ёлет бла нартла ёлюп кетдиле,
Таурухлары аталадан бизге жетдиле*
[Нарты 1994: 590].

Так от этого мора [погибли] все нарты,
А сказания о них, передаваясь отцами
[друг другу], до нас дошли.

Из этого сказания мы видим, что на одну и ту же тему в различных версиях нартского эпоса могут быть различные по содержанию сказания с одинаковым финалом (здесь – гибель). Кроме этого, их объединяет то, что в сказаниях всех версий герой свой подвиг совершает в одиночку (моногогероизм). Здесь же действуют все нарты.

В героико-эпических сказаниях существенным обстоятельством для финала становится неосознанность вымысла: исполнение произведения воспринимается как повествование о событиях, которые действительно имели место, и поэтому оно не может заканчиваться финалом наподобие сказочного, нередко подчеркивающего именно вымышленность всего, что раскрывается. Отношение к правде нередко побуждает эпического певца подчеркнуть в заключительной фразе истинность описанного.

Разумеется, в силу общефольклорной традиции, иногда у некоторых исполнителей может быть исключена «не эпическая» концовка: *Муну кёрмегенибиз кибик ауру, талау кермейик* ‘Как этого не было, пусть не будет нам ни болезней, ни смерти’ и т. д.

Ввиду того, что большинство сказаний исследуемого эпоса представляют собой небольшое повествование об очередном эпизоде из жизни нартского героя, они обычно заканчиваются развязкой действия без концовки или констатацией ухода героя с места совершения подвига или возвращения его домой.

В карачаево-балкарском эпосе, в отличие от других версий «Нартиады», многие сказания имеют концовки, характерные тюркоязычным эпосам: утверждение правдоподобности рассказанного, восхваление героя или подчеркивание значимости его подвига, описание последствий героических подвигов героя («Ёрюз-мек убивает Краснобородого Фука»).

Выводы

Таким образом, в данной работе был проведен анализ нартских песен и сказаний карачаевцев и балкарцев. Спецификой рассматриваемой версии «Нартиады» является то, что главная ее эпическая тема – борьба нартов с мифологическими чудовищами – эмегенами. В ходе исследования установлено, что в повествовательной системе эпоса обычно преобладает традиционная последовательность мотивов: каждый мотив вытекает из предыдущего и влечет последующий, постепенно подготавливая кульминацию сюжетного действия. Встречаются и повторяющиеся мотивы, которые в зависимости от ситуации, характера конфликта и соотношения образов могут меняться от простого к сложному. В сказаниях всех версий «Нартиады» герой свой подвиг совершает в одиночку (моногогероизм).

Характерной особенностью карачаево-балкарской «Нартиады» является то, что многие нартские песни и сказания имеют концовки, характерные тюркоязычным эпосам: утверждение правдоподобности рассказанного, восхваление героя, подчеркивание его значимости, описание последствий подвигов нартского героя.

Литература

- Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Сост.: Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий: Т.М. Хаджиева; пер.: Т.М. Хаджиева, Р.А.-К. Ортабаева; отв. ред.: А.И. Алиева. – М.: Наука, 1994. – 656 с. {The Narts. A heroic epic of Balkars and Karachays / Edited by R.A.-K. Ortabayeva, T.M. Khadzhiyeva, A.Z. Kholayev; introductory article, commentaries and glossary by T.M. Khadzhiyeva; translation by T.M. Khadzhiyeva, R.A.-K. Ortabayeva; executive editor: A.I. Aliyeva. – Moscow: Nauka, 1994. – 656 p.}
- Пропп 1962 – Пропп В.Я. Морфология сказки. – М.: Наука, 1962. {V.Ya. Propp. Morphology of a fairy tale. – Moscow: Nauka, 1962.}
- Путилов 1970 – Путилов Б.Н. О структуре сюжетобразования в былинах и юнацких песнях // Македонски фолклор. – Година III. – Број 5–6. – Скопје: Институт за фолклор, 1970. – С. 19. [Македонский фольклор. – Том III. – № 5–6. – Скопье, 1970. – С. 19.] {B.N. Putilov. On structure of plot development in *bylinas* and *yunak songs* // Macedonian Folklore. – Volume III. – No. 5–6. – Skopje, 1970. – P. 19.}
- Урусбиев 1881 – Урусбиев С.-А. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1881. – Вып. 1, отд. 2. – С. III. {S.A. Urusbiev. The tales about Nart warriors of Tatars-highlanders of Pyatigorsk district of the Terek province // A Compendium of Materials for Description of Places and Tribes of the Caucasus. – Tiflis: Typography of the Head Office of the Caucasus Governor, 1881. – Issue 1, section 2. – PP. III.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 119–131. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 398.224

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-119-131

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯКУТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА: ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ТЕМ И ПОДХОДОВ

*Семен Семенович Макаров*¹

¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора
ORCID: 0000-0002-5751-5967
e-mail: others3@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Макаров С.С., 2023

Аннотация: В статье рассматривается история научного изучения якутского героического эпоса олонхо путем выделения тем и методологических подходов, становившихся главенствующими в исследовании фольклорного жанра в разные временные отрезки, осмысливается периодизация этой работы. Работа построена на обзоре разновременной литературы по данной традиции, проведенном одновременно с учетом социально-политических и административных факторов, определявших развитие отечественной науки о фольклоре в разные исторические периоды. Основным итогом работы становится вывод о неабсолютной синхронности событий политической истории страны, с которыми традиционно принято соотносить трансформации различных социальных институтов и процессов, с этапами развития якутской фольклористики. Так, переход от накопления и первоначальной атрибуции материалов к их аналитическому осмыслению (в концептуальной парадигме советской фольклористики) в рассматриваемой научной традиции достигается, по всей видимости, лишь к 1940-м гг. В то же время освоение проблематики современных фольклористических изысканий происходит ускоренно начиная уже с 1980-х гг. Предлагаемые наблюдения иллюстрируются обзором ключевых работ по поэтическому языку олонхо – составляющей традиции, во все времена привлекавшей внимание исследователей и вызывавшей различные интерпретации. В целом, относясь к наиболее последовательно описываемому жанру якутского фольклора, исследования по олонхо могут иллюстрировать основные вехи развития всей отечественной науки о фольклоре.

Ключевые слова: история фольклористики, народы Сибири, героический эпос, якутский фольклор, олонхо.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00655. – Режим доступа: <https://rscf.ru/project/23-28-00655/>.

Для цитирования: Макаров С.С. К истории изучения якутского героического эпоса: динамика основных тем и подходов // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 119–131. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-119-131.

On the history of the study of the Yakut heroic epic: dynamics of the main themes and approaches

*Semen Semenovich Makarov*¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Ph.D. in Philology, Senior Researcher of the Department of Folklore Studies
ORCID: 0000-0002-5751-5967
e-mail: others3@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Makarov S.S., 2023

Abstract: The paper considers the dynamics of the main themes and approaches in the study of the Yakut heroic epic *Olonkho*, comprehends the periodization of this work. The study is based on a review of multi-temporal literature on the topic, carried out simultaneously taking into account the possible socio-political and administrative factors that determined the development of the Russian folkloristics in different historical periods. The main conclusion of the work is the discovery of the fact of incomplete synchronism of the events of the country's political history, with which it is traditionally customary to correlate the transformations of various social institutions and processes, and the stages of development of Yakut folkloristics on the example of the most studied regional oral narrative genre. Thus, the transition between the accumulation and initial attribution of folklore materials and their analytical comprehension (in the conceptual paradigm of Soviet folkloristics) in the scientific tradition under consideration is achieved, apparently, only by the 1940s. At the same time, the shift to the problems of modern folklore research has been accelerating, starting from the 1980s. The proposed observations are illustrated by a review of key works on the poetic language of *Olonkho* – a component of the tradition that has attracted the attention of researchers at all times and caused various interpretations. On the whole, the scholarly works on *Olonkho* reflects the main milestones in the development of Russian folklore studies.

Key words: history of folklore studies, peoples of Siberia, heroic epic, Yakut folklore, *Olonkho*.

Acknowledgment: The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00655. – URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00655/>.

For citation: Makarov S.S. On the history of the study of the Yakut heroic epic: dynamics of the main themes and approaches // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 119–131. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-119-131.

Введение

История собирания и изучения якутского эпического фольклора сравнительно неглубока и насчитывает немногим более полутора лет. Этот временной отрезок исторически совпал с формированием фольклористики как особой отрасли гуманитарного знания в нашей стране. Не вызывает сомнения, что происходившие за это время в крупных академических центрах поиски в русле возникающей научной дисциплины накладывали свой след на формирование источниковой ба-

зы фольклористических школ в регионах страны, отразились в их методологических установках. Сегодня, когда на новом этапе традиционному фольклору, его социальным функциям и путям актуализации стало уделяться большое внимание, возникает необходимость вновь осмыслить этот процесс. Не претендуя на исчерпывающий анализ этой интересной и многогранной проблемы, мы рассмотрим динамику основных концептуальных установок отечественной науки о фольклоре на примере конкретной традиции и ее наиболее подробно описанного жанра; завоевания и возникавшие лакуны на этом пути предстают как своеобразные штрихи к «биографии» дисциплины.

Собирание и исследование якутского героического эпоса: проблемы периодизации

Историография работ по собиранию и изучению якутского фольклора и, в особенности, его повествовательных форм, является достаточно подробно описанной на сегодняшний день. Помимо историографических обзоров, предпосылаемых практически любому современному исследованию, существует ряд специальных статей и разделов монографий, посвященных этому вопросу. Отмечаемые в них положения во многом совпадают. Знакомство с этими материалами, а также с имеющимися библиографиями трудов по якутскому эпосу позволяет по-новому взглянуть на вопросы периодизации фольклористических исследований культур народов Сибири.

Рефлексия по данной теме начала появляться уже в 1920-е гг. в связи с юбилейной датой, отмечавшейся Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (далее – ВСОРГО) [Азадовский 1926; Виноградов 1926]. В упомянутых статьях оценивается вклад первых исследователей культур народов северо-востока Сибири, в том числе устной традиции якутов – преимущественно участников Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896/7), сотрудничавших с ВСОРГО. Рассмотрение носит преимущественно персональный характер, привязано к фигурам отдельных исследователей. Безусловно, в этот период еще было сложно отделить собирание фольклорно-этнографических материалов и их непосредственное изучение, так как на первых порах эти виды деятельности представляли больше некий единый процесс. Довольно сложно на данном этапе было выделять и отдельные периоды работы в данном русле, однако уже тогда применительно к деятельности ВСОРГО была предложена достаточно обоснованная периодизация из четырех этапов, последним из которых значится послереволюционный [Азадовский 1926: 34]. Таким образом, здесь, как кажется, впервые к изучению материалов данного региона было применено подобное разделение. В последующем оно было широко принято и в общем смысле плодотворно используется по сей день, хотя сам вопрос о конкретном времени перехода от ранней «дореволюционной» парадигмы к современному этапу в изучении *олонхо* может дополнительно обсуждаться.

Специально вопрос об истории собирания якутского фольклора поднимался в последующие годы большей частью в трудах непосредственных участников этой работы – якутских фольклористов [Эргис 1947; Пухов 1958 и др.]. Вероятно, в устных обсуждениях он затрагивался и в 30-е гг. XX в., так как в этот момент,

в 1935 г., в Якутске при местном Совете народных комиссаров был организован, как и в ряде других областей и республик страны, научно-исследовательский Институт языка и культуры (ныне – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН), профильное научное учреждение, занимающееся в том числе фиксацией и исследованием региональных фольклорных материалов на систематической основе. Планирование изысканий и наполнение фондов стали насущными задачами в этот момент, требовавшими осмысления имеющегося опыта.

Более интенсивным с этого времени становится и общение якутских исследователей со специалистами из других, прежде всего, столичных, научных центров. Показательными фактами являются, например, переписка якутских исследователей Г.В. Ксенофонтова, Г.У. Эргиса и др. с крупным ученым и организатором науки своего времени, по сути, автором советской концепции фольклористики Ю.М. Соколовым (см.: [Мухоплева, Павлова 2019]), а также ряд общих проектов, проводившихся параллельно сразу в нескольких регионах страны (конструирование фольклора советского времени, в частности песен, работы по созданию «сводных» текстов национальных эпосов и др.).

Эти процессы, вероятно, имели некий накопительный эффект, так как к середине 1940-х гг. в фольклористических разысканиях отмечается качественный скачок, ознаменовавший начало нового – современного – этапа в изучении устных традиций региона. Условной точкой отсчета этой трансформации, по нашим наблюдениям, может служить публикация большой вводной статьи Г.У. Эргиса, предпосланной двуязычному изданию текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (1947). По характеру постановки проблем, восприятию анализируемого материала, используемой терминологии в ней опознается работа современного типа (мы еще обратимся к ней далее). Высказывалось мнение, что в публикациях Г.У. Эргиса, И.В. Пухова этого и последующего времени была учтена критика предшествующих работ по якутскому фольклору, выдвинутая акад. А.Н. Самойловичем [1936] [Бурцев 1998: 13]. Среди значимых факторов, позволяющих, как кажется, условно разграничить ранний и современный этапы исследований, оказываются и преимущественное накопление, и введение в оборот текстовых материалов в первом периоде и появление исследований монографического плана во втором, изменение первоначальной неточной атрибуции олонхо как «сказок» на «богатырский/героический эпос», постепенное осмысление жанровой специфики олонхо.

Таким образом, не отходя от устоявшейся периодизации работ по якутскому повествовательному фольклору, можно предложить то уточнение, что заметный переход к современным принципам и оптике фольклористических изысканий в рассматриваемой научной традиции, как показывают материалы, произошел в начале 1940-х гг. К слову, как это ни удивительно, военное время оказалось одним из наиболее продуктивных периодов и в плане сбора материалов – именно в это время, благодаря конкурсу на лучшую запись героического эпоса, объявленному Институтом языка и культуры в начале 1941 г., был зафиксирован основной круг текстов олонхо, имеющих на сегодняшний день [Библиография 1982: 17–37]. Большинство из них были записаны от руки именно в 1941–1942 гг.

В свою очередь, и советский период как довольно длительный и богатый, вероятно, может быть внутренне подразделен на несколько более мелких этапов.

В частности, обращает на себя внимание тот факт, что если 1950–1970-е гг. в якутской фольклористике вполне закономерно прошли под знаком освоения и изучения сюжетного разнообразия олонхо, то в 1980-е гг. (заметим, вновь не вполне в соответствии с вехами социально-политических преобразований в стране, часто используемых в качестве ориентиров периодизации) определенно начинается новый этап, характеризующийся обогащением исследований якутского эпоса новыми идеями и работами по семиотике традиционной культуры, феномену сказительства, этномузыковедению, отразившими общий тренд отечественной фольклористики на расширение междисциплинарного методологического диалога в гуманитарных науках. В этот момент, как отмечают исследователи, осуществлялось высвобождение отечественной науки о фольклоре из-под идеологических условностей предшествующего периода, происходило ее «раскрепощение» [Петрова 2019: 200].

Примечательно, что предметом, обращавшим на себя внимание исследователей во все периоды изучения якутских олонхо, оказывается довольно изощренный по своей организации поэтический язык традиции. В ходе более чем полутора-векового собирания и изучения якутского героического эпоса он рассматривался в различных ракурсах. Динамика частных проблем, в разное время оказывавшихся в центре этой рефлексии, как кажется, достаточно отчетливо отражает тенденции развития отечественной фольклористики, смену ее концептуальных парадигм, появляется возможность рассмотреть подходы к его изучению как своеобразную траекторию развития исследований якутского эпоса.

Изучение поэтического языка олонхо в исторической динамике

1. Ранний период. Якутская эпическая традиция была впервые описана, как и целый ряд других «живых» на тот момент очагов эпического сказительства, в первой половине XIX в. Естественно, что рост знаний о фольклорном жанре и обогащение средств его исследования происходил постепенно по мере накопления фактического материала. В то же время изучение традиции, как мы постарались отметить выше, базировалось не только на ее собственных материалах, но протекало в общем контексте российской и советской науки о фольклоре.

С самого начала внимание исследователей обратили на себя вопросы формы. Интерес первых этнографов и фольклористов, в большинстве своем являвшихся носителями иного культурного опыта, привлекли прежде всего замысловатое речитативно-песенное исполнение и характерный стиль рассказывания олонхо, довольно сильно выделявшие его тексты из повседневного разговорного дискурса. Обращает на себя внимание тот факт, что в период с 1840-х по 1900-е гг. уже были поставлены, пусть и на разном уровне, вопросы поэтического изучения жанра в аспекте механизмов трансмиссии устных сюжетов и типологии, обеспечивающих ее стереотипные речевые структуры, надолго отодвинутые впоследствии изысканиями узко стилистического и сюжетно-композиционного плана. Ранний период исследования якутской традиции отличает комплексный характер описания и начальной атрибуции фольклорно-этнографических фактов. Вместе с тем основополагающие подходы к осмыслению текстовой и поэтической основы олонхо как самостоятельного жанра могут быть прослежены уже на этом началь-

ном этапе. Обзор работ этого периода демонстрирует не только историографический, но и определенный методологический их смысл, не утраченный по сей день.

Российский путешественник и естествоиспытатель *А.Ф. Миддендорф*, составивший в 1840-е гг. одно из первых подробных этнографических описаний якутской традиции и считающийся первооткрывателем якутского эпоса, отметил устойчивый характер элементов его языка. К этой мысли он пришел, наблюдая в полевых условиях за коммуникацией фольклорных исполнителей и слушательской аудитории. Исследователь проницательно замечает способность сказителей и певцов к импровизации, которая в то же время основывается, по его мнению, на знании «старинных выражений и форм», на «схематических, бедных смыслом аллитерациях... и на большом богатстве форм» [Миддендорф 1878: 792]. Комментарии и правки слушателей, высказывавшиеся по ходу исполнения, как считал исследователь, указывали на то, что основу речи составляли «исстари употреблявшиеся выражения». Следует отметить, что, по всему, на момент описания *А.Ф. Миддендорфом* якутский эпос представлял собой уже сложившийся жанр с характерным кругом сюжетов и устоявшейся стилистической фактурой.

Систематическое фольклорно-этнографическое изучение якутской традиции связано с явлением реакционной политической ссылки второй половины XIX в. и исследовательской деятельностью на Севере целого ряда «антропологов поневоле», отбывавших наказание в тогдашней Якутской области и других якутских поселениях. Осужденный по делу т. н. «Ишутинского кружка» революционер-народник и исследователь традиционной культуры *И.А. Худяков*, наблюдавший традицию в 1860-е гг. во время ссылки в г. Верхоянске, записал интересные образцы фольклорных текстов и обратил внимание на особый стилистический регистр, в пределах которого функционируют в якутской культуре песенные и эпический жанры. Фольклорист отмечает использование аллитерации, сложных сравнительных оборотов – отличительных признаков этого регистра, приводит примеры некоторых характерных выражений и реплик персонажей олонхо, которые в большинстве своем имели клишированную форму [Худяков 1969: 369–370].

Публицист и этнограф, участник польского освободительного движения 1870-х гг. *В.Л. Серошевский*, проведенный в якутской ссылке более десяти лет, характеризовал олонхо как «самую установившуюся и законченную из форм» якутского фольклора, стабильность которой, по мнению исследователя, во многом объясняется наличием стихотворных фрагментов и каноничностью стиля, не допускающей вольного обращения [Серошевский 1991: 589]. Он указывал на присутствие в языке эпических сказаний словесных сочетаний, точный смысл которых часто был непонятен ни слушателям, ни даже самому сказителю, воспринявшему их в составе ритмизованных словесных комплексов. Внимание *В.Л. Серошевского* также коснулось метрически значимых оборотов («вставки, грамматические вольности»), которые исследователь предпочел назвать традиционным выражением *тыл хоһооно* (в его переводе – ‘украшение выражений’) и в употреблении которых усматривал эстетический смысл [Там же].

Этнограф *В.Н. Васильев*, выросший в лоне традиции и записавший несколько крупных текстов якутского эпоса, отмечал: «Все якутские <...> эпические сказки, сопровождаемые пением, строятся более или менее по одному шаблону. Так, ритмическое описание действующих лиц, их владений, богатств, описание пере-

движений, обороты и формы их речей и т. п. у каждого сказочника почти одни и те же для известных ему сказок (имеется в виду героический эпос. – С.М.) <...> Эти части сказок, являющиеся в то же время и наиболее интересными в качестве научного материала, твердо запоминаются сказочниками, и за редкими исключениями, во время рассказа в них уже не вносятся изменений» [Васильев 1916: I–II]. В этом кратком замечании содержится, как кажется, наиболее ранняя типология *loci communes* текстов олонхо, прозорливо замеченная исследователем. Этнограф также замечает принцип экономии средств фольклорной традиции, продуцирующей большое число устных вариантов с опорой на ограниченный круг текстопорождающих приемов.

Во много вторит этим исследователям и Н.К. Виташевский, изложивший свои наблюдения над якутским повествовательным фольклором в краткой, но довольно емкой заметке [Виташевский 1912]. Он также отмечает «окаменелость внешних форм» олонхо и отмечает «зародыш драмы» в традиционной композиции якутского эпоса. Несомненным шагом вперед становятся замечания этнографа о сказителях-олонхосутах как профессионализированных исполнителях и о традиции как механизме, аккумулирующем опыт нескольких поколений исполнителей и запросов самой слушательской среды.

Фольклорист и этнограф С.В. Ястремский, подготовивший первое крупное русскоязычное переводное издание текстов якутского эпоса, обратил внимание на его стилистическую трафаретность – наличие в устных текстах олонхо стереотипных «украшающих эпитетов», «повторяющихся описаний». Исследователь отмечает структурное своеобразие синтаксиса текстов олонхо, который, по его мнению, «лишен подчинительных союзов, почти не прибегает к относительным местоимениям», а «придаточные предложения других языков выражает косвенными падежами абстрактных глаголов имен действия» [Ястремский 1929: 6]. «Он страдает <...> длиннотами – излишним пристрастием к длинным периодам», – отмечает исследователь [Там же].

Примерно в это же время Э.К. Пекарский, ставший позднее широко известным как лексикограф, а также как собиратель и издатель якутского фольклора, указывал на особый стиль как на специфический дифференциальный признак олонхо, позволяющий выделить его среди других повествовательных жанров традиции: сказки (*остуоруйа*), устного рассказа (*кэпсээн*) и др. [Пекарский 1934: 426]. Многочисленные комментарии по отдельным лексемам, входящим в состав устойчивых словесных выражений эпоса, рассыпаны среди статей подготовленного им капитального многотомного толкового словаря якутского языка [Пекарский 1958–1959]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что свои наблюдения над изучаемой эпической традицией исследователь не сформулировал ни в виде отдельных статей, ни в составе работ обзорного характера, в чем, вероятно, состояла некоторая принципиальная позиция: работы обобщающего плана – задача будущего.

Как можно видеть, ранний этап этнографического описания якутской культуры наметил довольно широкую проблематику исследований этнической эпической традиции. В аспекте рассматриваемой нами темы среди поставленных в этот период проблем могут быть выделены следующие более частные вопросы: устойчивость и варьирование фольклорного повествования и обусловленность поэтики эпоса языковым субстратом.

2. Советский период. Пришедший на смену начальному этапу собирания и осмысления якутского фольклора советский период был отмечен интенсификацией собирательской деятельности и одновременно некоторым сужением ракурса поиска и изучения материалов. Этот период, как отмечалось, характеризуется возникновением по всей стране региональных фольклористических центров, появлением круга энтузиастов, собирателей и исследователей из числа национальной интеллигенции, созданием научных институтов, занимающихся сбором и изучением фольклорно-этнографических и лингвистических данных на плановой основе.

Ведущим направлением изучения поэтики якутского эпоса в этот период стало осмысление его словесной фактуры в категориях стилистики поэтического текста¹. Один из первых якутских профессиональных фольклористов *Г.У. Эргис*, уже упоминавшийся выше, в большой обзорной статье, знакомящей с наиболее яркими чертами поэтики олонхо и вводящей в круг актуальных на тот момент проблем его изучения, дает характеристику языка жанра в отношении используемых в нем стилистических фигур речи: гиперболы, олицетворяющей метафоры, эпитета, сравнения, антитезы [Эргис 1947]. Исследователь отмечает наличие ретардации, амебейных повторов в текстах олонхо. Значимо, что в этой работе, вероятно, впервые применительно к якутскому эпосу употребляется термин «формула» [Там же: 24]. К сожалению, остается неясным, какой конкретный объем понятия подразумевал автор. Значительными достижениями этого периода стали академическое описание системы персонажей якутского эпоса [Пухов 1962], а также систематизация сюжетов записанных олонхо, разработка их возможной стадийной классификации [Емельянов 1980].

Особое место среди исследований якутской повествовательной традиции, появившихся в это время, занимают статьи и монография *Г.М. Васильева*. Исследователь одним из первых обращается к анализу собственно текстовой фактуры олонхо и, в частности, к вопросу о соотношении ритмических и смысловых сегментов в его структуре. В обобщающей работе, посвященной якутскому стихосложению, Г.М. Васильев отмечает присутствие в языке олонхо большого числа «устоявшихся оборотов, эпитетов и сравнений, развернутых очень часто в длиннейшие периоды» [Васильев 1965: 11–12]. Существенным представляется его замечание о ритмически урегулированных отрезках («стихах»), которые чередуются в записях устных текстов якутского эпоса в соответствии со смысловым членением текста. В связи с этим исследователь даже допускает применение термина «смысловое стихосложение» (по В.Я. Брюсову) к якутскому фольклорному стиху, который, по мнению Васильева, основан преимущественно «на количестве образов и вообще значимых выражений в стихе» [Там же: 38].

Восприятие эпоса как «народной поэзии», господствовавшее значительную часть советского периода, к сожалению, способствовало тому, что некоторые части традиции, в частности, прагматика фольклора, оказались описанными значительно слабее. Оценка устной повествовательной традиции как «искусства

¹ Этот вопрос обстоятельно изучен в трудах многих исследователей (Г.У. Эргис, И.В. Пухов, Г.М. Васильев, Л.Д. Нестерова и др.). Внимание к стилистике текста сохраняется и в современных лингвистических и фольклористических исследованиях, посвященных якутскому эпосу.

слова», как своеобразного народного аналога художественной словесности, делала вопрос о ее функциях мнимо тривиальным.

3. Позднесоветский и постсоветский период (1980–1990-е гг.) ознаменовался обогащением исследований якутского эпоса функциональным и структурно-семантическим подходами рассмотрения фольклорного материала. Уже в конце 1970-х гг. эти проблемы затрагивались в докладе *П.Н. Дмитриева*, где была предпринята первая за долгое время попытка вновь очертить типологию «общих мест» якутского эпоса. Исследователь отметил стереотипный характер эпических зачинов, описаний внешности персонажей в олонхо, выделил повествовательные формулы, основанные на счете [Дмитриев 1978].

Функциональный аспект стереотипных элементов языка олонхо с учетом опыта «устно-формульной» теории М. Пэрри и ее приложения к различным фольклорным традициям впервые был реализован в работах эпосоведа *В.В. Илларионова* [1982: 69–95]. Исследователь указал на стереотипный характер выражений предупреждения героя перед боем, введения прямой речи персонажа, реплику, обозначающую готовность богатыря к бою, формул, объективирующих темы боя и пути [Там же: 80]. Представляется, что этот список может лечь в основу дальнейшей, более дробной классификации. В.В. Илларионов также предложил определения понятий «формула» и «типическое место» применительно к якутскому материалу и отметил, что эти единицы служат готовыми моделями текстуализации отдельных мотивов олонхо [Илларионов 1982: 71]. Под «формулой» исследователь понимает «группу стихов, точнее целую тираду», а эквивалентом «типического места» считает «набор нескольких формул, раскрывающих в одном контексте какую-либо определенную тему с нескольких сторон» [Там же: 71, 73].

Следует отметить, что последующие исследования повествовательного языка олонхо сосредоточились главным образом вокруг второго из этих понятий. В 2005 г. «типические места» из трех записей якутского эпоса были включены в экспериментальный указатель, составленный группой исследователей под руководством *Е.Н. Кузьминой* [Кузьмина 2005]. Этот проект был нацелен на выявление схожих по своей тематике фрагментов в эпосах тюрко-монгольских народов Сибири и является существенным достижением на этом пути. Его несомненным достоинством является разработка принципов изучения текстов в подобном ракурсе: сознательное ограничение рассмотрения конкретным корпусом текстов, его скрупулезное текстологическое исследование, апробация соответствующего метаязыка описания и анализа.

В это же время особенности варьирования типических мест якутского эпоса были рассмотрены *Т.В. Илларионовой*, исследовавшей разновременные записи популярного эпического сюжета о богатыре Эр Соготохе [Илларионова 2008].

Построению и варьированию типических мест эпоса посвящена и работа *М.Б. Сидоровой*, проанализировавшей эти процессы в терминах когнитивной интерпретации дискурса [Сидорова 2013]. Исследовательница установила доминантные и опционально вводимые мотивы («слоты») отдельных «типических мест» (реализаций «фрейм-сценариев») олонхо и в целом убедительно показала проницаемость материала для этого языка описания.

Новым словом в изучении поэтического языка олонхо стали исследования *Л.Л. Габышевой*, появившиеся, начиная с 1980-х гг. Ее работы написаны в рам-

ках этнолингвистического подхода к фольклорным фактам, которые интерпретируются в свойственной этому направлению широкой внутри- и кросс-культурной перспективе с привлечением большого круга этнографических и лингвистических данных. Исследовательница выявила и описала сеть базовых семантических оппозиций, организующих смысловые отношения в сюжетах олонхо и находящих выражение в цветообозначениях, материальных и числовых «кодах» повествования [Габышева 1988; 2003]. Эти наблюдения оказываются чрезвычайно продуктивными при интерпретации выражений, семантика которых во многих случаях обнаруживает признаки системной упорядоченности. Интересны наблюдения исследовательницы над примерами того, как отдельные эпитеты и другие устойчивые выражения языка олонхо могут быть интерпретированы как консервация тех или иных бытовых или социально значимых знаний традиции, источники, несущие в себе «свернутые» программы обрядов и т. д.

Многие особенности стилистики олонхо и их лингвистические основы были описаны в работе *П.А. Слепцова* [Слепцов 1990: 207–228]. Язык фольклорных произведений, и в частности эпоса, он рассматривает как определенный этап, предшествовавший развитию якутского литературного языка. Исследователем намечены все основные проблемы изучения языка олонхо: особенности синтаксиса, диалектная лексика в записях эпоса, значение архаизмов, «темных мест», окказионализмов и иноязычных слов. Специальное внимание автор уделяет и формульности якутского эпоса. Важным наблюдением в работе становится предположение о существовании при широком разнообразии фактического материала ограниченного числа основных порождающих моделей [Там же: 212], которые, впрочем, еще предстоит исследовать.

Впоследствии как составляющие специфичного языка жанра были монографически исследованы собственные имена персонажей олонхо [Филиппова 2000], семантика цветообозначений [Башарина 2000], функции числительных в эпическом тексте [Избекова 2014]. Имеется опыт лексикографического изучения особенностей словоупотребления в эпическом жанре [Роббек 2014].

Отдельные повторяющиеся фрагменты текстов олонхо рассматривались исследователями и в работах сравнительно-типологического плана. Стереотипные выражения якутского эпоса, обозначающие течение времени и богатырский гнев, в сопоставлении с аналогичными топосами иноязычных сибирских и славянских эпических традиций анализировались *В.М. Гацаком* [Гацак 1989]. Стилистические приемы и некоторые виды словесных повторов, характерных для олонхо, были рассмотрены *А.В. Кудияровым* в сравнительном исследовании стилевых традиций эпоса тюрко- и монголоязычных народов Сибири [Кудияров 2002].

В целом за прошедшее время в диапазон исследовательского внимания последовательно попадали вопросы, связанные с семантикой сюжетов (И.В. Пухов, Н.В. Емельянов), их ареальными и типологическими параллелями (И.В. Пухов, В.М. Гацак и др.), этническим институтом сказительства (В.В. Илларионов), особенностями проявления отдельных лингвистических категорий в текстах олонхо (П.А. Слепцов, Н.Н. Ефремов и др.). Продуктивным стало рассмотрение мифологических концептов, репрезентируемых эпическими сюжетами, в контексте других, в том числе несловесных (предметных, акциональных) текстов якутской культуры (Л.Л. Габышева, А.П. Решетникова и др.). В настоящее время плодот-

творно ведется изучение локальных (диалектных) особенностей олонхо (В.В. Илларионов, А.А. Кузьмина, Н.А. Оросина и др.), разработка вопросов, связанных с переводом и изданием имеющихся записей, этномузыковедческое осмысление традиции (Ю.И. Шейкин, Э.А. Алексеев и др.).

Заключение

Как можно видеть, исследование якутского эпоса и его поэтической системы имеет довольно обширную и последовательную традицию научного изучения. Во все времена оно сообщалось с более широким контекстом изучения фольклора в нашей стране, и связь эта чем далее, тем становилась интенсивнее. Показательными в свете этой коммуникации представляются подходы к трактовке сущности эпического жанра, применявшиеся к олонхо в разные периоды: от «сказки», «устной литературы» и «народной поэзии», «мечты народа в светлое будущее» до современных семиотических интерпретаций, трактующих эпос как «многослойный» текст культуры с интерференцией явных и менее очевидных смыслов, связанных с памятью традиции.

Специфика фольклористики в целом, как и некоторых других культуроведческих дисциплин, как кажется, состоит в том, что она не только описывает более или менее объективно предмет своего интереса, но и в известной мере формирует его для себя, вычленив в разные исторические периоды различные фрагменты синкретичного целого традиции.

Литература

- Азадовский 1926 – *Азадовский М.К.* Пути этнографических исследований Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // Сибирская Живая старина. – 1926. – Вып. 2. – С. 33–62. {*M.K. Azadovsky.* Ways of ethnographic studies of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society // *Siberian Living Antiquity.* – 1926. – Issue 2. – PP. 33–62.}
- Башарина 2000 – *Башарина А.К.* Семантика цветообозначений в фольклорных текстах: Опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин: дис. ...канд. филол. н. – М., 2000. – 207 с. {*A.K. Basharina.* Semantics of color terms in folklore texts: Experience of comparative analysis based on the data of Yakut Olonkho and Russian Bylinas: PhD thesis in Philology. – Moscow, 2000. – 207 p.}
- Библиография 1982 – Библиография олонхо: методические разработки / отв. ред. Д.С. Макаров; сост. Т.С. Дьяконова. – Якутск, 1982. – 66 с. {*Bibliography of Olonkho epic: methodical works / ex. ed.: D.S. Makarov; comp. T.S. Dyakonova.* – Yakutsk, 1982. – 66 p.}
- Бурцев 1998 – *Бурцев Д.Т.* Якутский эпос олонхо как жанр / отв. ред. И.Г. Спиридонов. – Новосибирск: Наука, 1998. – 82 с. {*D.T. Burtsev.* Yakut epic Olonkho as a genre / ex. ed.: I.G. Spiridonov. – Novosibirsk: Nauka, 1998. – 82 p.}
- Васильев 1916 – *Васильев В.Н.* От собирателя // Образцы народной литературы якутов, записанные В.Н. Васильевым (Образцы народной литературы якутов, изданные под ред. Э.К. Пекарского). – Пг., 1916. – Ч. 3. – Вып. 1. – С. I–II. {*V. Vasiliev.* From the collector // *Samples of Yakut folk literature, recorded by V.N. Vasiliev (Samples of the folk literature of the Yakuts, published under the editorship of E.K. Pekarsky).* – Petrograd, 1916. – Part 3. – Issue 1. – PP. I–II.}
- Васильев 1965 – *Васильев Г.М.* Якутское стихосложение. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1965. – 126 с. {*G.M. Vasiliev.* Yakut poetry. – Yakutsk: Yakut Publishing House, 1965. – 126 p.}
- Виноградов 1926 – *Виноградов Г.С.* Этнографическое изучение ВСОИРГО: 75 лет ВСОИРГО, 1895–1926 // Известия ВСОИРГО. – 1926. – Т. 50. – С. 3–37. {*G.S. Vinogradov* Ethnographic

- study of the VSOIRGO: 75 years of the VSOIRGO, 1895–1926 // Bulletin of the Eastern-Siberian Department of the Imperial Russian Society. – 1926. – Vol. 50. – PP. 3–37.}
- Виташевский 1912 – *Виташевский Н.К.* К материалам о якутских сказках // Живая старина. – 1912. – Вып. 2–4. – С. 449–466. {*N.K. Vitashevsky.* To data on the Yakut fairy tales // Living Antiquity. – 1912. – Issue 2–4. – PP. 449–466.}
- Габышева 1988 – *Габышева Л.Л.* Функции числительных в мифопоэтическом тексте (на материале олонхо) // Язык – миф – культура народов Сибири: сб. науч. трудов. – Вып. 1. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. – С. 78–92. {*L.L. Gabysheva.* Functions of numerals in the mythopoetic text (based on olonkho) // Language – Myth – Culture of the Peoples of Siberia: a collection of scientific works. – Issue. 1. – Yakutsk: Publishing House of YSU, 1988. – PP. 78–92.}
- Габышева 2003 – *Габышева Л.Л.* Слово в мифопоэтической картине мира (на материале языка и культуры якутов) // Чтения по истории и теории культуры. – Вып. 38. – М.: РГГУ, 2003. – 187 с. {*L.L. Gabysheva.* The word in the mythopoetic picture of the world (based on the language and culture of the Yakuts) // Readings on the History and Theory of Culture. – Issue 38. – Moscow: RSUH, 2003. – 187 p.}
- Гацак 1989 – *Гацак В.М.* Устная эпическая традиция во времени. – М.: Наука, 1989. – 256 с. {*V.M. Gatsak.* Oral epic tradition in time. – Moscow: Nauka, 1989. – 256 p.}
- Дмитриев 1978 – *Дмитриев П.Н.* Эпические формулы в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока (материалы Всесоюзной конференции фольклористов). – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1978. – С. 118–120. {*P.N. Dmitriev.* Epic formulas in olonkho // Epic Creativity of the Peoples of Siberia and the Far East (Proceedings of the All-Union Conference of Folklorists). – Yakutsk: the Yakut Affiliate of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1978. – PP. 118–120.}
- Емельянов 1980 – Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с. {*N.V. Emelianov.* Plots of the Yakut olonkho. – Moscow: Nauka, 1980. – 375 p.}
- Избекова 2014 – *Избекова Е.И.* Числительные в олонхо: структура и семантика. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014 – 152 с. {*E.I. Izbekova.* Numerals in Olonkho: structure and semantics. – Yakutsk: Publishing House of North-Eastern Federal University. – 152 p.}
- Илларионов 1982 – *Илларионов В.В.* Искусство якутских олонхосутов. – Якутск: Як. кн. изд-во., 1982. – 132 с. {*V.V. Illarionov.* Art of the Yakut olonkhosuts. – Yakutsk: Yakut Publishing House, 1982. – 132 p.}
- Илларионова 2008 – *Илларионова Т.В.* Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох»: сравнительный анализ разновременных записей / отв. ред. Е.Н. Кузьмина. – Новосибирск: Наука, 2008. – 95 с. {*T.V. Illarionova.* Textology of the olonkho “The Mighty Er Sogotokh”: a comparative analysis of records from different times / Ex. ed.: E.N. Kuzmina. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 95 p.}
- Кудияров 2002 – *Кудияров А.В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 327 с. {*A.V. Kudiayarov.* Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia. – Moscow: IWS RAS, 2002. – 327 p.}
- Кузьмина 2005 – *Кузьмина Е.Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / отв. ред. Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2005. – 1381 с. {*E.N. Kuzmina.* Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakassess, Shors, Yakuts). An experimental edition / ex. ed.: N.A. Alekseev. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 1381 p.}
- Миддендорф 1878 – *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. – Ч. 2. – Отд. 6: Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. Коренные жители Сибири. – СПб., 1873. – С. 571–833. {*A.T. Middendorf.* Journey to the North and East of Siberia. – Part 2. – Det. 6: The North and East of Siberia in Natural History. Indigenous people(s) of Siberia. – Saint Petersburg, 1873. – PP. 571–833.}
- Мухоплева, Павлова 2019 – *Мухоплева С.Д., Павлова Н.В.* Письма Г.В. Ксенофонтова академику Ю.М. Соколову (1934–1935) // Studia Litterarum. – 2019. – Т. 4. – № 4. – С. 336–361. – DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-336-361 {*S.D. Mukhopleva, N.V. Pavlova.* G.V. Ksenofontov’s letters to the academician Yu.M. Sokolov (1934–1935) // Studia Litterarum. – 2019. – Vol. 4. – No. 4. – PP. 336–361. – DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-336-361.}

- Пекарский 1934 – *Пекарский Э.К.* Якутская сказка // Сергею Федоровичу Ольденбургу: к пятидесятилетию научно-общественной деятельности: сб. статей. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – С. 421–426. {*E.K. Pekarsky. Yakut fairy tale // To Sergey Fedorovich Oldenburg: on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of Scientific and Social Activities: Collection of articles.* – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1934. – PP. 421–426.}
- Пекарский 1958–1959 – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1959. – Т. 1 (выпуски 1–4). – 710 с. (1958 г.); Т. 2 (выпуски 5–9). – 648 с. (1959 г.); Т. 3 (выпуски 10–13). – 705 с. (1959 г.). Отпечатано фотомеханическим способом с 1-го издания: Санкт-Петербург–Петроград–Ленинград: Издание Академии Наук, 1907–1930 (в 13-ти выпусках). {*E.K. Pekarsky. A dictionary of the Yakut language.* – Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958–1959. – Volume 1 (issues 1–4). – 710 p. (Year of edition: 1958); Volume 2 (issues 5–9). – 648 p. (Year of edition: 1959); Volume 3 (issues 10–13). – 705 p. (Year of edition: 1959). Printed as a photocopy (photomechanical print) of the 1st edition: Saint Petersburg–Petrograd–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences, 1907–1930 (in 13 issues).}
- Петрова 2019 – *Петрова Н.С.* Фольклористика в деревне, городе и Интернете: развитие понятия «фольклор» и предметные границы дисциплины // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2019. – № 1 (3). – С. 190–206. – DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-190-206 {*N.S. Petrova. Folklore in the village, city and on the Internet: the development of the concept of “folklore” and the subject limits of the discipline.* // *Folklore: Structure, Typology, Semiotics.* – 2019. – No. 1 (3). – PP. 190–206. – DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-190-206.}
- Пухов 1958 – *Пухов И.В.* Олонхо – народный героический эпос якутов // Вопросы изучения эпоса народов СССР. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 209–225. {*I.V. Pukhov. Olonkho – the national heroic epic of the Yakuts // Questions of studying the epic of the peoples of the USSR.* – Moscow: AN USSR publishing house, 1958. – PP. 209–225.}
- Пухов 1962 – *Пухов И.В.* Якутский героический эпос олонхо: основные образы. – М.: Изд. АН СССР, 1962. – 256 с. {*I.V. Pukhov. Yakut heroic epic Olonkho: main characters.* – Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. – 256 p.}
- Роббек 2014 – *Роббек Л.В.* Лексико-семантические особенности языка героического эпоса олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 138 с. {*L.V. Robbek. Lexico-semantic features of the language of the heroic epic Olonkho.* – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 138 p.}
- Самойлович 1936 – *Самойлович А.Н.* Якутская старинная устная литература // Якутский фольклор [Тексты] / общ. ред. М.А. Сергеева. – М.: Сов. писатель, 1936. – С. 7–40. {*A.N. Samoylovich. Yakut ancient oral literature // Yakut folklore [Texts] / ex. ed.: M.A. Sergeev.* – Moscow: Soviet Writer, 1936. – PP. 7–40.}
- Серошевский 1991 – *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. – М.: РОСПЭН, 1993. – 713 с. {*V.L. Seroshevsky. Yakuts. An attempt at ethnographic research.* – Moscow: ROSPEN, 1993. – 713 p.}
- Сидорова 2013 – *Сидорова М.Б.* Когнитивный аспект формульности в эпическом дискурсе: фреймовый подход: дис. ...канд. филол. н. – Иркутск, 2013. – 232 с. {*M.B. Sidorova. Cognitive aspect of formulaicity in epic discourse: frame approach: PhD thesis in Philology.* – Irkutsk, 2013. – 232 p.}
- Слепцов 1990 – *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 273 с. {*P.A. Sleptsov. Yakut literary language: formation and development of national norms.* – Novosibirsk: Nauka, 1990. – 273 p.}
- Филиппова 2000 – *Филиппова Н.И.* Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика: дис. ...канд. филол. н. – Якутск: 2000. – 160 с. {*N.I. Filippova. Proper names of characters in the Yakut epic Olonkho: structure and semantics: PhD thesis in Philology.* – Yakutsk, 2000. – 160 p.}
- Худяков 1969 – *Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 437 с. {*I.A. Khudyakov. Brief description of the Verkhoyansk district.* – Leningrad: Nauka, 1969. – 437 p.}
- Эргис 1947 – *Эргис Г.У.* Богатырский эпос якутов – олонхо // Нюргун Боотур Стремительный: якутское олонхо. – Якутск: ЯкГИЗ, 1947. – С. 5–60. {*G.U. Ergis. Bogatyr epic of the Yakuts – Olonkho // Nyurgun Bootur the Swift: Yakut Olonkho.* – Yakutsk: YakGIZ, 1947. – PP. 5–60.}
- Ястремский 1929 – *Ястремский С.В.* Народное творчество якутов // Образцы народной литературы якутов. – Л., 1929. – С. 1–10. {*S.V. Yastremsky. Folk art of the Yakuts // Samples of Folk Literature of the Yakuts.* – Leningrad, 1929. – PP. 1–10.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 1–2 (38–39), pp. 132–141. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.161

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-132-141

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОТВОРЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ТУРЦИИ XX–XXI ВВ.

*Дмитрий Витальевич Семкулич*¹

¹ Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия
e-mail: sema1995@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Семкулич Д.В., 2023

Аннотация: В статье рассматриваются пути исторического развития терминотворчества в турецком языкознании, начиная с конца XIX в. по настоящее время, а также анализируются господствующие на соответствующих временных этапах подходы к работе с терминологией. На протяжении всего периода развития современного турецкого языка, отправной точкой которого в тюркологии принято считать турецкую языковую революцию, провозглашенную Мустафой Кемалем Ататюрком в первые годы существования Турецкой Республики, в турецкой лингвистической науке на определенных этапах преобладал тренд на активное использование западноевропейских, в основном французских, заимствований, в другое время, наоборот, пуристские подходы к гармонизации терминосистем.

Ключевые слова: термин, турецкий язык, терминология, Турецкое лингвистическое общество, терминосистема, лексема, словообразование.

Для цитирования: Семкулич Д.В. Диахроническое развитие терминотворческих процессов в Турции XX–XXI вв. // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 132–141. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-132-141.

Diachronic development of terminology creation in Turkey in 20th–21st centuries

*Dmitry Vitalievich Semkulich*¹

¹ Federal State Budgetary Military Educational Institution of Higher Education “Knyaz Alexander Nevsky Military University” of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
e-mail: sema1995@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Semkulich D.V., 2023

Abstract: The article examines the ways of the historical development of terminology in Turkish linguistics, starting from the end of the nineteenth century to the present, and also ana-

lyzes the prevailing approaches to working with terminology at the corresponding time stages. Throughout the entire period of the development of modern Turkish language, the starting point of which in Turkology is considered to be the Turkish language revolution, proclaimed by Mustafa Kemal Atatürk in the early years of the existence of the Turkish Republic, the trend in Turkish linguistic science at certain stages was dominated by the active use of Western European, mainly French, borrowings, at other times, on the contrary, purist approaches to harmonization of terminology systems.

Key words: term, Turkish language, terminology, Turkish Language Association, term system, lexeme, word formation.

For citation: Semkulich D.V. Diachronic development of terminology creation in Turkey in 20th–21st centuries // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 132–141. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-132-141.

Введение. При рассмотрении взглядов турецких лингвистов на теорию терминоведения, начать стоит непосредственно с турецкого слова *terim* ‘термин’, пришедшего на замену арабскому заимствованию *istilah*. Как настаивают некоторые турецкие ученые [Zülfikar 1991: 20; Çelik 2015: 64], лексема *terim* образована не от латинского *terminus*, а путем присоединения словообразовательного аффикса *-im* к основе *ter-* глагола *dermek/derlemek* (в старотурецком варианте – *termek*), имеющего значение «собирать», в отличие от среднеазиатских тюркоязычных республик, где в обиход специалистов, по всей видимости благодаря устойчивой связи с русским языком, вошло слово *termin*.

1. Терминотворчество эпохи Танзимата. Первые попытки целенаправленной работы над терминологией турецкого языка принято относить к периоду Танзимата (1839–1876 гг.), когда в Османской империи проводились реформы по модернизации многих сфер жизни османского общества и государства, к числу которых был отнесен вопрос упрощения (*sadeleşme*) турецкого языка. Осуществляли процессы языковой вестернизации передовые османские ученые, такие как Ибрахим Шинаси, Зия-паша и Намык Кемаль, получившие образование в мировом культурном центре той эпохи – Франции. Они видели проблемы, с которыми сталкивался османский турецкий язык (*Osmanlı Türkçesi*) в роли языка науки, так как имели возможность сравнивать его с более современным и развитым с точки зрения специальной лексики и терминологии французским языком. Пробелы в области терминологии особенно проявлялись при переводе на турецкий язык западных (в большинстве своем французских) учебников, по которым обучали студентов ведущих учебных заведений.

Посредством иностранных учебников и переводов текстов различной направленности возникали новые понятия, которые ранее не были отражены в турецком языке, что разделяло османские высшие умы на две основные группы: некоторые ученые, такие как Шанизаде Атаулла Эфенди, Кырымлы Азиз Эфенди, Ходжа Исхак Эфенди выступали за образование собственно турецких терминов, оппонировали им другие деятели науки, среди которых фигурировали Али Суави и Шемседдин Сами, заявляя о необходимости принимать новые термины «как есть» [Zülfikar 1991: 3].

Как сами процессы модернизации многих областей жизни османского общества того времени происходили под контролем государства, так и процесс мо-

дернизации терминологий осуществлялся в основном в государственных организациях. Одним из первых академических трудов в области терминоведения и терминотворчества на турецком языке считается Медицинский словарь (*Lugat-i Tibbiyye*), разработанный в 1873 г. Османским медицинским обществом (*Sem'iyye-i Tibbiyye-i Osmaniyye*), главной задачей которого являлся перевод западной медицинской литературы на турецкий, а созданная в 1913 г. министерством просвещения (*Maarif Nezareti*) Научная комиссия по вопросам терминов (*Istilahat-i İlmiyye Encümeni*) в более крупном масштабе продолжила терминотворческую работу в период Танзимата.

2. Деятельность Комиссии по реформе турецкого языка в начале XX в.

Расширение масштабов деятельности сторонников радикальных изменений в области родного языка стало особенно заметно после младотурецкой революции 1908 г., в это время в стране была образована Комиссия по реформе турецкого языка. К этому времени рассматриваемое движение приобрело известную определенность, была намечена генеральная линия – ограничение употребительности арабо-персидских заимствований и стимулирование словотворчества в турецком языке за счет собственных ресурсов. Был разработан проект реформы турецкого языка, его автор Зия Гёкальп предложил следующие положения [Орлов 1977: 15]:

- отказаться от прежнего «османского языка»; принять за основу национального языка турецкий язык, сохранившийся в народной литературе, а в качестве основы литературного языка – тот язык, на котором говорило население Стамбула, его лексический состав и фонетический строй;
- отказаться от тех арабо-персидских заимствований, которые имеют в турецком языке достаточно адекватные эквиваленты; отказаться от употребления заимствованных арабо-персидских грамматических форм и моделей;
- создавать собственную терминологию на основе турецких правил словообразования; оставлять лишь необходимые и простые по форме заимствования; при необходимости заимствовать из других языков только крайне нужную научно-техническую терминологию и, как правило, в оригинальной форме;
- отказаться от широкого «оживления» архаичной старотюркской лексики, вводить в современный турецкий язык лишь те забытые слова, которые необходимы для наименования специальных реалий, эти слова должны сохранять узко терминологическое употребление;
- осуществлять сравнительное изучение турецких диалектов, что необходимо для выработки правильного подхода к вопросам развития турецкого языка;
- создать на основе предлагаемой работы словарь современного турецкого языка, а также теоретическое исследование турецкого языка с изложением сведений о структуре и способах образования заимствованных арабских и персидских слов.

По причине закрепленности заимствованной терминологии, включавшейся в лексический состав турецкого языка с X в. в случае арабо-персидских и с XVIII в. в случае французских заимствований, самодостаточное развитие собственно турецкой терминологии было в известной степени затруднено.

3. Деятельность Турецкого лингвистического общества.

Впервые целенаправленно к работе над терминологией приступили в Республиканский период, ознаменовавшийся основанием Турецкого лингвистического общества (далее – ТЛО). Оно по указанию Мустафы Кемаля Ататюрка стало применять программу

по «отуречиванию» лексики (*Türkçeleştirme*), которая по большей части была сосредоточена на терминах. И хотя работа по отуречиванию терминологии и общелитературной лексики шла параллельно, в связи с многочисленностью обрабатываемых терминов была создана специальная комиссия по работе с терминологией, в которую с целью разработки турецких эквивалентов заимствованной терминологии приглашались профильные специалисты, преподаватели и ученые.

По аналогии с провозглашенной Ататюрком языковой революцией (*Dil devrimi*), рассматривая вышеописанную деятельность ТЛО в контексте терминологии, турецкие ученые справедливо заявляют о терминологической революции (*Terim devrimi*), одной из первоочередных задач которой ставилось отуречить термины из учебной программы младшей и средней школ, чтобы турецким детям было легче понимать их и усваивать полученные знания. М.К. Ататюрк таким образом определял направление терминологической деятельности: «*Öyle istiyorum ki Türk dili bütün yöntemleriyle kurallarını ortaya koysun ve her dalda yazı yazanlar bütün terimleriyle çoğunluğun anlayabileceği güzel ahenkli dilimizi kullansınlar*» [Akalin 2004: 1]. «Я хочу, чтобы турецкий язык объяснял свои правила всеми доступными ему способами, и чтобы те, кто пишет работы в рамках любой области знаний, при помощи имеющихся в его словарном составе терминов пользовались нашим прекрасным гармоничным языком, понятным для большинства людей»¹. Для этого термины условно разделили на две группы [Gülsevin 2011: 196]:

а) отражающие культурные аспекты страны происхождения, такие как *elektrik* ‘электричество’, *dinamo* ‘динамо-машина’, *metre* ‘метр’, *gram* ‘грамм’ и т. п., заимствовать «как есть»;

б) в остальных случаях максимально использовать словообразовательные средства, доступные турецкому языку, а также тюркские корневые основы.

Термины различных научных отраслей, разработанные в результате этой деятельности, были опубликованы в журнале «Турецкий язык» 1937 г., а позднее в 1941 г. был издан «Карманный справочник терминологии турецкого языка», а в 1963 г. – «Справочник терминов средней школы». Также был издан ряд профильных терминологических словарей: *Bitkibilim Terimleri (Botanik) Sözlüğü* (1948) «Словарь терминов растениеводства», *Dilbilim Terimleri Sözlüğü* (1949) «Словарь терминов языкознания», *Dirilbilim (Biyoloji) Terimleri* (1948) «Словарь биологических терминов», *Edebiyat ve Söz Sanatı Terimleri Sözlüğü* (1948) «Словарь терминов литературы и словесности», *Felsefe ve Gramer Terimleri* (1942) «Словарь терминов философии и грамматики», *Tarım Terimleri I* (1949) «Словарь сельскохозяйственных терминов I», *Teknik Terimler I* (1949) «Словарь технических терминов I», *Türe Terimleri* (1948) «Термины правосудия».

4. Вклад М.К. Ататюрка в терминологическую реформу турецкого языка.

Сам Мустафа Кемаль, интересовавшийся математическими науками, придал существенный импульс и лично принял участие в работе по отуречиванию геометрических терминов. В 1937 г. под его авторством был издан учебник по геометрии, содержащий 48 собственно турецких геометрических термина, ранее доступных туркам лишь за счет арабо-персидских заимствованных элементов. Так, например, арабское слово *müselles* было заменено турецким *üçgen* ‘треугольник’,

¹ Перевод автора статьи.

а арабское *zaviye* на турецкое *açı* 'угол'. Также в данной книге М.К. Ататюрк установил и применил три пути модернизации терминологии турецкого языка:

1. Аффикация/Деривация: *üçgen* 'треугольник', *dörtgen* 'четырёхугольник', *açı* 'угол', *dikey* 'перпендикуляр', *uzay* 'пространство, космос', *ortay* 'биссектриса', *düzey* 'уровень', *düşey* 'вертикаль', *yatay* 'горизонталь' и т. п.

2. Ресемантизация общелитературных слов: *eğik* 'наклонная', *eğri* 'кривая', *doğru* 'прямая', *çizgi* 'линия', *çap* 'диаметр', *alan* 'площадь, поверхность', *ortak* 'общий', *iç* 'внутренний', *dış* 'внешний', *yamuk* 'трапеция' и т. п.

3. При невозможности произвести турецкий эквивалент оставлять арабо-персидские или западноевропейские заимствования: *daire* 'круг', *nokta* 'точка', *hacim* 'объем', *cisim* 'объект, материя', *saniye* 'секунда', *derece* 'градус, степень', *poligon* 'полигон, многоугольник', *paralel* 'параллель', *koni* 'конус, конусный', *aksiyom* 'аксиома', *piramit* 'пирамида', *silindir* 'цилиндр' и т. п.

Терминообразование посредством тюркских основ и тюркских аффиксов со временем получало все большую поддержку в связи с общим националистическим курсом государства и пуристскими настроениями, однако следует отметить, что спешность в разработке турецких эквивалентов заимствованным терминам на том этапе приводила в ряде случаев к появлению ошибок, нарушению семантической связи между термином и денотируемым им понятием, что, как отмечалось выше, негативным образом отражалось на развитии терминологии.

Турецкий исследователь Ф. Тимурташ [Timurtaş 1977: 209] отмечает несколько принципиальных недостатков в работе с терминологией на ранних этапах деятельности ТЛЮ:

- функционировавшие столетиями и понятные народу безэквивалентные заимствованные термины были заменены на неправильные, «выдуманные» слова;
- при терминообразовании имели место случаи невнимательности к семантике корней или аффиксов, так, например, глагол мог получить аффикс, предназначенный для именных форм;
- использовались непродуктивные или малопродуктивные аффиксы;
- вместо известных населению основ и аффиксов часто использовались основы слов, входивших в обиход одной деревни;
- при терминообразовании за основу брали только словарное значение, пренебрегая непосредственно денотируемым понятием;
- производились слова, похожие по звучанию или написанию на западноевропейские заимствования;
- выводились аффиксы, не присутствовавшие до сих пор ни в одном диалекте турецкого языка;
- недостаточная продуманность при терминотворчестве приводила к нестабильности формы термина из-за вынужденных частых изменений;
- новопроизведенные термины вводились в язык насильно через школы, не предпринимались попытки проводить дискуссии между специалистами и т. п.

5. Терминотворчество новейшего периода. В 1982 г. вместе с созданием Высшего совета по культуре, языку и истории им. Ататюрка (*Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu*) произошли изменения в подходе ТЛЮ к вопросам языка, культуры, словарей и терминологий, в связи с чем был разработан десятилетний план языкового строительства, затрагивавший в том числе вопросы терминотворчества и определивший работу по регулированию терминологии турецкого

языка в период с 1984 по 1994 гг., в ходе которого был разработан Справочник терминообразования (*Terim Yapma Kılavuzu*), предназначенный для использования в качестве образца при подготовке терминологических словарей, изучены и переработаны имеющиеся, а также изданы новые терминологические словари для различных профессиональных и научных сфер [Kahraman 2014: 2].

А. Минсафина делит терминологическую активность в современном турецком языке на два основных этапа [Minsafina 2020: 51]:

1) период с 1920-х по 1970-е гг., во время которого основные усилия лингвистов были направлены на избавление от арабо-персидских заимствований, в то же время никаким образом не препятствовали проникновению в турецкий язык лексик из западноевропейских языков, преимущественно французского и английского, приходящей в язык зачастую именно на замену такого рода заимствованным элементам.

2) период после 1980-х гг. по настоящее время, когда турецкие лингвисты обратили внимание на другую крайность – излишнее насыщение современного турецкого языка французскими и английскими заимствованиями, в противовес которым внедряются соответствующие собственно турецкие лексемы, впрочем, не всегда успешно.

На современном этапе развития турецкого языка его лексический состав нередко становится предметом дискуссии разного рода специалистов. ТЛЮ проводит политику языкового пуризма, выступая против иноязычных заимствований в общелитературном языке, а также терминосистемах, что не всегда получает положительную оценку в турецком обществе и зачастую критикуется в прессе. В репортаже телеканала *Habertürk* (Хабертюрк) от 23 сентября 2013 г. под названием «Слова, предлагаемые ТЛЮ, не понимают даже врачи!» (*“TDK’nin önerdiği kelimeleri doktorlar bile anlamıyor!”*)² приводится ряд заимствованных медицинских терминов и их турецкие эквиваленты, например:

- вместо заимствованного термина *by-pass* ‘шунтирование’ предлагается турецкое слово *köprüleme* (досл. ‘проведение моста’);
- вместо *check-up* ‘осмотр’ турецкое *tambakı* (досл. ‘полный осмотр’);
- вместо *diyafram* ‘диафрагма’ турецкое *böleş* (досл. ‘разделитель’);
- вместо *endoskopi* ‘эндоскопия’ турецкое *içbaki* (досл. ‘внутренний осмотр’);
- вместо *EKG (elektrokardiyografi)* ‘ЭКГ (электрокардиография)’ турецкое *yürek çizgesi* (досл. ‘сердечная диаграмма’);
- вместо *motivasyon* ‘мотивация’ турецкое *güdülenim* (досл. ‘мотивация’);
- вместо *sendrom* ‘синдром’ турецкое *belirge* (досл. ‘выявленное’) и т. п.

Анализируя предложенные варианты замещения заимствованных лексем, необходимо указать на действительную чужеродность некоторых из вышеприведенных лексем, заимствованных полностью без учета орфографических особенностей турецкого языка, как например, слова *by-pass* и *check-up*. В случае с медицинской терминосистемой, термином не должно обязательно выступать слово, наглядно похожее на международный термин, так как по нормам терминографии

² TDK’nin önerdiği kelimeleri doktorlar bile anlamıyor! – URL: <https://tv.haberturk.com/tv/saglik/video/tdknin-onerdigi-kelimeleri-doktorlar-bile-anlamiyor/99214> (дата обращения: 22.10.2022).

в профильных нормативных словарях предполагается указание латинского термина, чтобы имелась возможность установить связь с терминами других языков. Однако следует заметить, что замена устоявшегося термина вызывает понятное отторжение специалистов в связи с привычностью к уже функционирующим и используемым лексемам, а также с налетом некоторой «искусственности» и «выдуманности», ранее упоминавшихся в контексте споров в турецком обществе времен начала республиканского периода о языковых новообразованиях, а также «нетерминологичности». Так, термин *endoskopi* ‘эндоскопия’ выглядит более удачным вариантом в сравнении с *içbaki* (досл. ‘внутренний осмотр’). Упомянем также слова С.В. Гринева-Гриневича о том, что некоторые терминосистемы, в том числе медицинская, намеренно отграничены от общеразговорной речи по деонтологическим соображениям [Гринева-Гриневич 2008: 25]. В конечном итоге, уместным выглядит предположение о том, что вопрос закрепления в языке предложенных ТЛЮ медицинских неонимов разрешится стихийно, а именно за счет удачности или неудачности новообразованных лексем.

Председатель ТЛЮ М. Качалин (2012–2018 гг.) в интервью для государственной радиостанции ТРТ Анталя (*TRT Antalya*) подчеркивает, что с точки зрения языковой сознательности важно обращаться к «языку предков», отуречивать иностранные слова, проникающие в турецкий язык, и относиться к данной проблеме не как к слову, а в рамках культурной целостности. Также в 2017 г., объявленном в Турции годом турецкого языка, М. Качалин высказывался следующим образом: «Наш язык – наша идентичность. Давайте охранять нашу идентичность» (“*Dilimiz kimliğimizdir. Kimliğimize sahip çıkalım*”)³.

Нынешний председатель ТЛЮ Г. Гюльсевин в интервью для Анатолийского агентства (*Anadolu Ajansı*), комментируя видение «правильного турецкого», предупредил о возможных санкциях со стороны государства в качестве реакции на вывески магазинов и предприятий, включающих иностранные слова, а также назвал использование иностранных слов без необходимости болезнью. Задачи возглавляемой им организации Г. Гюльсевин определяет таким образом: «Задача ТЛЮ, когда мы видим иностранную угрозу извне, принимать по отношению к ней ответные меры, создавать программы по увеличению осведомленности. Именно это – задача ТЛЮ, но никак не выступать в качестве полицейского или таможенника. Мы не смогли найти эквивалент слову *televizyon*, и оно отуречилось. Теперь оно стало нашим. Если трехлетний ребенок, не зная французского, понимает слово *televizyon* и арабизм *kitap*, значит это уже турецкий язык» (“*TDK olarak bizim vazifemiz dışarıdan yabancı tehdidi gördüğümüz zaman ona karşılıklar bulmak, duyarlılığı artırmak için programlar yapmaktır. Bu TDK’nin vazifesidir ama zaptiyelik ve gümrük memurluğu yapmak değildir. Televizyona Türkçe karşılık bulamamışız ve Türkçeleşmiş. O yerli olmuş artık. 3 yaşındaki çocuk Fransızca bilmediği halde televizyonu, Arapça olan kitabı anlıyorsa o artık Türkçedir*”)⁴.

³ Prof. Dr. Kaçalın: “Dilimiz kimliğimizdir. Kimliğimize Sahip Çıkalım”. – URL: <https://www.tdk.gov.tr/icerik/basindan/prof-dr-kacalin-dilimiz-kimligimizdir-kimligimize-sahip-cikalin/> (дата обращения: 22.10.2022).

⁴ TDK’dan ‘doğru Türkçe’ çağrısı. – URL: <https://www.trthaber.com/haber/turkiye/tdkdan-dogru-turkce-cagrisi-379206.html> (дата обращения: 22.10.2022).

Заключение. История современного турецкого языка в его нынешнем виде и, соответственно, терминологического состава лексического строя языка отсчитывается начиная с 1920-х гг., когда М.К. Ататюрком была провозглашена языковая революция, призванная превратить османский турецкий в более современный и отвечающий требованиям времени язык, с этой целью были поставлены следующие задачи: принять за основу национального языка тот язык, который сохранился в фольклоре и на котором говорило население Стамбула; отказаться от арабо-персидских заимствований, а также грамматических форм и моделей; создавать терминологию за счет собственных ресурсов турецкого языка и на основе турецких правил словообразования, в крайнем случае, оставляя необходимые и трудновоспроизводимые иноязычные заимствования; вести научную работу по изучению теоретических аспектов турецкого языка, лексикографическую деятельность и т. п.

В контексте языковой революции в турецкой лингвистике принято выделять терминологическую революцию, т. е. проводимую Турецким лингвистическим обществом работу по гармонизации терминосистем и терминопроизводству посредством собственно турецких лексических единиц, встретивших на ранних этапах не всегда, впрочем, обоснованное критическое отношение со стороны некоторых лингвистов, отмечавших в частности, «выдуманность» терминов и производство лексем, похожих по морфологическому или фонетическому строю на иноязычные заимствования. К числу справедливых можно отнести упреки в некорректном или неуместном применении морфологических конструкций, а также использовании непродуктивных или малопродуктивных аффиксов.

В последние годы деятельность ТЛО приобрела отчетливо пуристский характер, организация регулярно осуществляет терминотворческую деятельность как научной, так и популяризационной направленности, председатель общества транслирует через СМИ подход очищения турецкого языка от заимствованных элементов, а также пропагандирует сознательное и щепетильное отношение к языку со стороны молодежи, настаивая на принципе отражения национальной идентичности в языке. Больше всего политика языкового пуризма находит отражение в попытках гармонизации и отуречивания терминосистем, и напротив, по словам главы ТЛО, организация не ставит целью борьбу с устоявшимися иноязычными заимствованиями в общелитературном языке, такими как французское *televizyon* ‘телевидение’ и арабское *kitap* ‘книга’.

Литература

- Гринев-Гриневич 2008 – *Гринев-Гриневич С.В.* Терминоведение. Учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2008. – 304 с. {*S.V. Grinev-Grinevich. Terminology. Textbook for university students. – Moscow: Akademiya, 2008. – 304 p.*}
- Орлов 1977 – *Орлов С.А.* Проблема эквивалентов заимствованной лексики в современном турецком литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 164 с. {*S.A. Orlov. The problem of equivalents of borrowed vocabulary in modern Turkish literary language: Ph.D. thesis. – Moscow, 1977. – 164 p.*}
- Akalın 2004 – *Akalın Ş.H.* Yabancı kökenli bilişim terimlerinin yazılışları // *Türk Dili.* – 2004. – Sayı 627. – S. 248–252. [*Акалын Ш.Х.* Написание терминов информатики с иностранными корнями // Ту-

- рецкий язык. – 2004. – № 627. – С. 248–252.] {*Ş.H. Akalın. The spelling of foreign language IT terms // Turkish Language. – 2004. – No. 627. – PP. 248–252. (In Turkish)*}
- Bitkibilim Terimleri (Botanik) Sözlüğü. – İstanbul: Türk Dil Kurumu, 1948. – 24 s. [Словарь терминов растениеводства (ботаники). – Стамбул: Турецкое лингвистическое общество, 1948. – 24 с.] {*Dictionary of Plant Science Terms (Botany). – Istanbul: Turkish Language Association, 1948. – 24 p.*}
- Çelik 2015 – *Çelik A. Türkçede kelime olarak kullanılan batı kaynaklı ön eklerin bugünkü durumu üzerine // Eurasian Academy of Sciences Social Sciences Journal. – 2015. – Vol. 6. – S. 82–81. [Челик А. О сегодняшнем состоянии префиксов западного происхождения, используемых в турецком языке в качестве лексем // Журнал социальных наук Евразийской академии наук. – 2015. – Т. 6. – С. 82–81.] {A. Çelik. On the current status of Western prefixes used as words in Turkish // Eurasian Academy of Sciences Social Sciences Journal. – 2015. – Vol. 6. – PP. 82–81. (In Turkish)}*
- Dilbilim Terimleri Sözlüğü. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 1949. – 252 s. [Словарь терминов языкознания. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 1949. – 252 с.] {*Dictionary of Linguistic Terms. – Ankara: Turkish Language Association, 1949. – 252 p.*}
- Dirilbilim (Biyoloji) Terimleri. – İstanbul: Türk Dil Kurumu, 1948. – 27 s. [Словарь биологических терминов. – Стамбул: Турецкое лингвистическое общество, 1948. – 27 с.] {*Biology Terms. – Istanbul: Turkish Language Association, 1948. – 27 p.*}
- Edebiyat ve Söz Sanatı Terimleri Sözlüğü. – İstanbul: Türk Dil Kurumu, 1948. – 146 s. [Словарь терминов литературы и словесности. – Стамбул: Турецкое лингвистическое общество, 1948. – 146 с.] {*Dictionary of Literature and Rhetoric Terms. – Istanbul: Turkish Language Association, 1948. – 146 p.*}
- Felsefe ve Gramer Terimleri. – İstanbul: Türk Dil Kurumu, 1942. – 318 s. [Словарь терминов философии и грамматики. – Стамбул: Турецкое лингвистическое общество, 1942. – 318 с.] {*Philosophy and Grammatical Terms. – Istanbul: Turkish Language Association, 1942. – 318 p.*}
- Gülsevin 2011 – *Gülsevin G. Türk Dil Kurumunun Türkçede batı kökenli kelimeler sözlüğü // Türk Dili, Dil ve Edebiyat Dergisi. – 2011. – S. 299–308. [Гюльсевин Г. Словарь лексем западного происхождения в турецком языке, под ред. ТЛЮ // Журнал турецкого языка, языка и литературы. – 2011. – С. 299–308.] {G. Gülsevin. The Turkish Language Association's dictionary of words of Western origin in Turkish // Journal of Turkish Language, Language and Literature. – 2011. – PP. 299–308.}*
- Kahraman 2014 – *Kahraman M. Türk dilinin cumhuriyet devri terimsel gelişim sürecine tarihi bakış (II) // İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. – 2014. – Cilt 6. – Sayı 2. – S. 1289–1312. [Кахраман М. Исторический взгляд на процесс терминологического развития турецкого языка в республиканский период (II) // Журнал исследований в области гуманитарных и социальных наук. – 2014. – Т. 6. – № 2. – С. 1289–1312.] {M. Kahraman. Historical overview of the process of terminology development of the Turkish language in the republican period (II) // Journal of Humanities and Social Sciences Research. – 2014. – Vol. 6. – Issue 2. – PP. 1289–1312.}*
- Minsafına 2020 – *Minsafına A. Çağdaş Türk dillerinde ortak terminoloji geliştirme imkân ve yöntemleri: doktora tezi. – İstanbul, 2020. – 307 s. [Минсафина А. Способы и методы разработки общей терминологии в современных тюркских языках: дисс. ... докт. филол. наук. – Стамбул, 2020. – 307 с.] {A. Minsafına. Opportunities and methods of development of common terminology in modern Turkic languages: Ph.D. thesis. – Istanbul, 2020. – 307 p.}*
- Tarım Terimleri I. – İstanbul: Türk Dil Kurumu, 1949. – 75 s. [Словарь сельскохозяйственных терминов I. – Стамбул: Турецкое лингвистическое общество, 1949. – 75 с.] {*Agricultural Terms I. – Istanbul: Turkish Language Association, 1949. – 75 p.*}
- Teknik Terimler I. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 1949. – 84 s. [Словарь технических терминов I. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 1949. – 84 с.] {*Technical Terms I. – Ankara: Turkish Language Association, 1949. – 84 p.*}
- Timurtaş 1977 – *Timurtaş F.K. Eski Türkiye Türkçesi. – İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1977. – 377 s. [Тимурташ Ф.К. Древний турецкий язык (Турции). – Стамбул: Издательство факультета литературы Стамбульского университета, 1977. – 377 с.] {F.K. Timurtaş. Old Turkish of Turkey. – Istanbul: The Publishing House of Literature Faculty of Istanbul University, 1977. – 377 p. (In Turkish)}*

-
- Türe Terimleri. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 1948. – 18 s. [Термины правосудия. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 1948. – 18 с.] {Legal Terms. – Ankara: Turkish Language Association, 1948. – 18 p.}
- Zülfikar 1991 – *Zülfikar H.* Terim sorunları ve terim yapma yolları. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 1991. – 213 s. [*Зюльфикар Х.* Вопросы терминологии и способы терминообразования. – Анкара: Турецкое лингвистическое общество, 1991. – 213 с.] {*H. Zülfikar.* Problems in terminology and the ways of term formation. – Ankara: Turkish Language Association, 1991. – 213 p. (In Turkish)}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 142–148. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-142-148

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ОСНОВОПОЛОЖНИК ЧЕЛКАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О.Н. ПУСТОГАЧЕВОЙ)

*Надежда Байзыновна Тайборина*¹

¹ Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации,
г. Якутск, Россия
кандидат педагогических наук, эксперт словарного отдела
e-mail: ntayborina@bk.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Тайборина Н.Б., 2023

Для цитирования: Тайборина Н.Б. Основоположник челканской письменности (к 65-летию со дня рождения О.Н. Пустогачевой) // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 142–148. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-142-148.

The founder of Chelkan writing (to the 65th anniversary of O.N. Pustogacheva)

*Nadezhda Bayzynovna Tayborina*¹

¹ Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation,
Yakutsk, Russia
Ph.D. in Pedagogy, Expert at the Dictionary Department
e-mail: ntayborina@bk.ru

© IL RAS, 2023

© Tayborina N.B., 2023

For citation: *Tayborina N.B.* The founder of Chelkan writing (to the 65th anniversary of O.N. Pustogacheva) // *Russian Turkology*. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 142–148. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-142-148.

28 сентября 2023 г. исполнилось бы 65 лет со дня рождения славной дочери алтайского народа Оксаны Николаевны Пустогачевой. Имя Оксаны Николаевны

известно широкой научной общественности среди ученых-тюркологов не только России, но и за рубежом.

Последние годы своей жизни она плодотворно трудилась в отделе урало-алтайских языков Института языкознания РАН в г. Москве, работала ответственным секретарем журнала «Российская тюркология», ни на один день не прерывая связь со своей малой родиной – Горным Алтаем и родным челканским народом.

Годичное собрание РКТ. Москва, Институт языкознания РАН, 2019 г.

Родилась она четвертым ребенком в семье колхозника Барбачакова Николая Варламовича в глухой таежной деревне Тьюректеч Турочакского района. После окончания Суронашской начальной школы училась в Курмач-Байгольской восьмилетней школе.

После окончания областной национальной средней школы в 1977 г. поступила на историко-филологический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института. Учебу в институте успешно закончила в 1983 г. и работала учителем русского языка и литературы в Усть-Пыжинской неполной средней, Горно-Алтайской средней школе № 8.

В 1990 г. после открытия в г. Горно-Алтайске филиала Научно-исследовательского института национальных проблем образования молодую, энергичную и доброжелательную учительницу, на тот момент победившую в конкурсе молодых учителей г. Горно-Алтайска на звание «Лучший учитель школы», Оксану Николаевну приглашают на работу младшим научным сотрудником в филиал данного института. Продолжая работать в филиале, а также будучи уже матерью троих детей, в 1991 г. она успешно поступает на заочное отделение аспирантуры НИИНПО и в 1996 г. защищает свою кандидатскую диссертацию по теме «Методика обучения детей, не владеющих родным языком».

Именно по этой животрепещущей проблематике, посвященной методике обучения родным языкам детей в национальных школах, возникшей еще в советские годы, но до сих пор актуальной, начиная с аспирантской скамьи и до настоящего времени ею было написано три монографии (в соавторстве) по обуче-

нию языкам (2005, 2007, 2008), изданные Федеральным институтом развития образования в г. Москве, и более 40 научных статей, которые были опубликованы в региональных, российских и международных изданиях. Оксана Николаевна также является автором целого учебного комплекса по алтайскому языку: учебника «Алтайский язык» для обучения детей, не владеющих родным языком, методического руководства к данному учебнику и разработчиком методических пособий «Уроки алтайского языка», «Игры на уроках алтайского языка», «Сопоставительный анализ русского и алтайского языков».

В период 1997–2002 гг. Оксана Николаевна работала заведующей Горно-Алтайским филиалом и более десяти лет – ведущим научным сотрудником Федерального института развития образования (г. Москва), а также ведущим научным сотрудником Института образования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Работая в данных институтах, объездила все регионы России, участвовала в региональных, российских, международных семинарах, конференциях и конгрессах.

Живя и работая в г. Москве, в 2009–2010 гг. читала лекции и вела спецсеминары по выразительному чтению студентам Высшего театрального училища им. М.С. Щепкина. В большом мегаполисе студенты из отдаленных регионов РФ не всегда чувствуют себя уверенно, комфортно, безопасно, но Оксана Николаевна, будучи чуткой, доброй, всегда готовой протянуть руку помощи другим, всячески опекала студентов и порой заменяла им родных и семью.

Оксана Николаевна всю свою сознательную жизнь посвятила исследованию родного челканского языка, по проблемам которого ею изданы более 25 статей. Она всегда говорила с восхищением о своем народе, но вместе с тем с горечью указывала на невосполнимые утраты, связанные с постепенным вымиранием челканского языка в последние годы.

Трудно переоценить вклад Оксаны Николаевны в дело возрождения и сохранения родного языка. Она впервые разработала «Русско-челканский словарь для учащихся начальных классов» (2008), письменность челканского языка (2014) и издала первый букварь на челканском языке. Под ее руководством и научным редактированием, благодаря финансовой поддержке ее детей, изданы двуязычные сборники Анны Макаровны Кандараковой: «Челканские песни», «Караанарнын ла јаштарнын салымы» («Судьбы пожилых и молодых», 2016), «Билвезек ыанымнын јооктары» («Заветы бабушки Билвезек», 2016), «Загадки челканского народа» (2020) и сборник юбилейных статей «Анна Макаровна Кандаракова – гордость челканского народа» (2017), трилогия «Пословицы, поговорки челканского народа. Календарь челканского народа. Структура челканского рода, система родства» (2021).

В своих выступлениях на всероссийских и международных форумах она затрагивала общероссийские проблемы по сохранению родных языков. Опубликованные работы Оксаны Николаевны привнесли весомый вклад в изучение не только челканского, но и всех младописьменных и бесписьменных языков. Этой проблеме она посвятила более 30 статей.

О.Н. Пустогачева принимала активное участие во всех мероприятиях, проводимых в г. Москве Комитетом по делам национальностей Госдумы РФ и Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

На Всероссийской конференции по сохранению языков КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока – Н.Б. Тайборина, Э.М. Мовсун – академик РАН, С.Н. Харючи – первый Президент АКМНСС, доктор юридических наук, О.Н. Пустогачева. Москва, 2013 г.

Оксана Николаевна знала истинную цену дружбы и дорожила своими друзьями и родственными связями. Постоянно стремилась помочь всем, кто к ней обращался за помощью и нуждался в поддержке. Она всегда принимала активное участие на защитах кандидатских диссертаций по методике преподавания родного языка всех своих земляков, выходцев из других регионов РФ, представлявших проблемы языков коренных малочисленных народов как Сибири, так и Дальнего Востока. Оксана Николаевна много раз выступала официальным оппонентом аспирантов-филологов по тюркским языкам, которые впоследствии становились и оставались ее друзьями. Она никого не оставляла без внимания и опеки, искренне, от души радовалась, когда удавалось кому-то помочь. О широте ее души говорит и то обстоятельство, что они вместе с супругом Федором Кайдаковичем усыновили оставшегося сиротой племянника и воспитали его, как родного, вместе со своими тремя детьми.

Умная, открытая, свободная в своих высказываниях она, являясь членом жюри ежегодного конкурса учителей русского и родных языков, всегда старалась поддержать участников из Республики Алтай и Сибири, за что многие учителя до сих пор отзываются о ней с большой благодарностью.

Несколько лет она безвозмездно трудилась в качестве ответственного секретаря журнала «Российская тюркология», со всей свойственной ей ответственностью относилась к своим обязанностям, всегда была на связи с коллегами, авторами и рецензентами, умела находить общий язык со всеми, от души переживала за судьбу журнала. Принимала самое активное участие в организации и проведении ежегодных собраний Российского комитета тюркологов и конференций «Тенишевские чтения», проводимых в Институте языкознания РАН, где она работала в последние годы своей жизни.

Где бы она ни трудилась, всюду отмечали ее высокий профессионализм, награждали ее Почетными грамотами министерства науки и образования Российской Федерации, Российской академии образования, Комитета по делам национальностей Госдумы, Ассамблеи народов России, Министерства образования и науки Республики Калмыкия, Министерства образования и науки Республики Чечня, Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, Института национальных проблем образования, Федерального института развития образования, региональной общественной организации «Шалгануг калык – Челканцы». За многолетний добросовестный труд ей было присвоено звание «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

В дальнейших планах Оксаны Николаевны было полномасштабное описание челканского языка, а также создание его корпуса, и она уже вела работу в этом направлении. Она слишком рано ушла от нас, но ее научные труды по челканскому языку навсегда останутся «золотым фондом» в истории изучения и сохранения языка малочисленного народа Сибири – челканцев, ее народа, за судьбу которого она искренне болела и, несомненно, еще при жизни стала его национальной гордостью.

Алтайский народ по праву может гордиться своей славной дочерью, которая своим трудом, творческой и научной деятельностью внесла посильный вклад в сохранение и развитие языков коренных малочисленных народов Республики Алтай.

Литература

- Анна Макаровна Кандаракова – гордость челканского народа / Отв. ред.: О.Н. Пустогачева. – АУ РА «Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2017. (Сборник юбилейных статей.) – 110 с. {Anna Makarovna Kandarakova – the pride of the Chelkan people / Executive editor: O.N. Pustogacheva. – An autonomous institution of the Altai Republic “Literary publishing House Altyn Tuu”, 2017. (A compendium of anniversary articles.) – 110 p.} (In Russian and Chelkan.)
- Билвезек Һанымнын щӧрщӧктӧри, жооктары (Сказки и заветы бабушки Билвезек) / Автор-сост.: О.Н. Пустогачева. – СПб.: Алмаз-Граф, 2016. {Bilvezek Һanymnyn şӧrşӧktӧri, jooktary (Granny Bilvezek's tales and advice) / Ed. by O.N. Pustogacheva. – Saint Petersburg: Almaz-Graf, 2016.} (In Chelkan.)
- Кандаракова А.М. Шалгануг калыктын саарынары (Челканские песни) / Отв. ред.: О.Н. Пустогачева. – СПб.: Алмаз-Граф, 2013. – 88 с. {A.M. Kandarakova. Şalganug kalykтын saarynary (Chelkan songs) / Executive editor: O.N. Pustogacheva. – Saint Petersburg: Almaz-Graf, 2013. – 88 p.} (In Russian and Chelkan.)
- Кандаракова А.М. Караанарнын ла јаштарнын салымы (Судьбы пожилых и молодых) / Под ред. О.Н. Пустогачевой. – СПб.: Алмаз-Граф, 2016. {A.M. Kandarakova. Karaanaryn la jaštarnyn salymy (The fate of the elderly and the young) / Ed. by O.N. Pustogacheva. – Saint-Petersburg: Almaz-Graf, 2016.} (In Chelkan.)

- Кандаракова А.М.* Сборник челканских сказок «Шалғануғ калыктын таптырғыштары» (Загадки челканского народа) / Под ред. О.Н. Пустогачевой. – СПб.: Алмаз-Граф, 2019. {*A.M. Kandarakova.* A fairy tale collection “*Šalğanug kalyktyñ taptırgyşтары*” (Riddles of the Chelkan people) / Ed. by O.N. Pustogacheva. – Saint Petersburg: Almaz-Graf, 2019.} (In Russian and Chelkan.)
- Кандаракова А.М., Пустогачева С.Ч.* Пословицы, поговорки челканского народа. Календарь челканского народа. Структура челканского рода, система родства (трилогия) / Под ред. О.Н. Пустогачевой. – СПб.: Алмаз-Граф, 2021. – 80 с.: илл. {*A.M. Kandarakova, S.Ch. Pustogacheva.* Proverbs, sayings of the Chelkan people. The Chelkan people’s calendar. The structure of Chelkan kin, the kinship system (a trilogy) / Ed. by O.N. Pustogacheva. – Saint Petersburg: Almaz-Graf, 2021. – 80 p.: illustr.}
- Русско-челканский словарь для учащихся начальных классов / Автор-сост.: *О.Н. Пустогачева* (рукопись, подготовлена к печати в 2008 г.). {Russian-Chelkan dictionary for primary school students / Author-compiler: *O.N. Pustogacheva* (manuscript, prepared for publication in 2008).}
- Пустогачева О.Н., Тайборина Н.Б.* Букварь на челканском языке (/Букварь для челканцев). Бичиктöскö шалғануғ тилле кожулта. – Горно-Алтайск: Горно-алтайская типография, 2014. {*O.N. Pustogacheva, N.B. Tayborina.* ABC book in Chelkan (/ABC book for the Chelkan people). *Biçiktöskö šalğanug tille kožulta.* – Gorno-Altai: Gorno-Altai Printing House, 2014.}
- Челканско-русский тематический словарь: пособие для учащихся 1–4 классов общеобразовательных учреждений / Автор-сост.: *О.Н. Пустогачева*. – СПб.: Просвещение, 2008. – 111 с. {Chelkan-Russian thematic dictionary: a guide for students of 1st–4th grades of general education secondary schools / Author-compiler: *O.N. Pustogacheva*. – Saint Petersburg: Prosveshcheniye, 2008. – 111 p.}

Статьи

- Пустогачева О.Н.* Фольклор – богатство младописьменных и бесписьменных языков КМН (на примере челканского языка) // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований. III Международная научная конференция. – Элиста, 2019. {*O.N. Pustogacheva.* Folklore as treasure of so-called young written and unwritten languages of indigenous peoples (based on data of the Chelkan language) // Topical issues of Mongolian and Altaic studies. The 3d international scientific conference. – Elista, 2019.}
- Пустогачева О.Н.* Роль мотивации в овладении генетически родным языком // Языки народов России в сфере образования: современное состояние и перспективы развития. – Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 12–13 декабря 2019. {*O.N. Pustogacheva.* The role of motivation in mastering the ancestral mother tongue // Languages of the Peoples of Russia in the Field of Education: the Modern State and Prospects for Development. – Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference, December 12–13, 2019.}
- Пустогачева О.Н.* Современное состояние языков КМН в системе образования // Круглый стол «Язык – душа народа». – Москва, 16 февраля 2019. {*O.N. Pustogacheva.* The modern state of indigenous peoples in the field of education // Round table conference “Language – the Soul of People”. – Moscow, February 16, 2019.}
- Пустогачева О.Н.* Проблемы сохранения бесписьменных и младописьменных языков КМН // Симпозиум «Межэтнические и языковые взаимодействия в социокультурном пространстве России: прошлое и настоящее». – Санкт-Петербург, 24–25 мая 2019. {*O.N. Pustogacheva.* The problems of safeguarding the so-called young written and unwritten languages of the indigenous peoples // Symposium “Interethnic and Language Interactions in Sociocultural Space of Russia: the Past and Present”. – Saint Petersburg, May 24–25, 2019.}
- Пустогачева О.Н.* Сохранение фольклора КМН – сохранение младописьменных и бесписьменных языков // XXVII международная научная конференция «Дмитриевские чтения». – Москва, 4 октября 2019. {*O.N. Pustogacheva.* Safeguarding the folklore of indigenous peoples – safeguarding the so-called young written and unwritten languages // The 27th international scientific conference “Dmitriev Readings”. – Moscow, October 4, 2019.}
- Пустогачева О.Н.* Образование – фактор сохранения языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Форум-диалог «Языковая политика: общероссийская

- экспертиза». – Москва, 25 октября 2019. {*O.N. Pustogacheva*. Education: a key to sustaining the languages of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East // The “Language Policy: the All-Russian Expertise” dialogue forum. – Moscow, October 25, 2019.}
- Пустогачева О.Н.* Современные методы и приемы, создающие мотивацию к изучению родного языка // II Всероссийский съезд преподавателей родного языка и литературы КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока. – Санкт-Петербург, 26 ноября 2019. {*O.N. Pustogacheva*. Modern methods and techniques motivating to mother tongue study // The 2nd All-Russian Congress of Mother Tongue and Literature Teachers of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East. – Saint Petersburg, November 26, 2019.}
- Пустогачева О.Н.* Проблемы разработки учебников для младописьменных языков // Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса». – Санкт-Петербург, 27 ноября 2019. {*O.N. Pustogacheva*. The problems of developments of tutorials for so-called young written languages // International scientific-practical conference “The Reality of Ethnos”. – Saint-Petersburg, November 27, 2019.}
- Пустогачева О.Н.* Роль внутренней и внешней мотивации при овладении генетически родным языком // Всероссийская научно-практическая конференция «Родные языки народов России в системе образования: современное состояние и перспективы развития». – Москва, 12–13 декабря 2019. {*O.N. Pustogacheva*. The significance of intrinsic and extrinsic motivation for studying the ancestral mother tongue // The All-Russian scientific-practical conference “Native Languages of the Peoples of Russia in the Field of Education: the Modern State and Prospects for Development”. – Moscow, December 12–13, 2019.}
- Пустогачева О.Н.* Сохранение фольклора коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – сохранение младописьменных и бесписьменных языков // Вопросы тюркской филологии. – М., 2020. – Вып. 13. {*O.N. Pustogacheva*. Safeguarding the folklore of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East – safeguarding the so-called young written and unwritten languages // Issues of Turkic Philology. – Moscow, 2020. – Issue 13.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 149–157. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-149-157

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

ПРИЗНАННЫЙ ЛИДЕР ЯКУТСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ (К 95-ЛЕТИЮ П.А. СЛЕПЦОВА)

*Надежда Ивановна Данилова*¹
*Федор Николаевич Дьячковский*²

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск, Россия
доктор филологических наук, заведующий отделом якутского языка
ORCID: 0000-0003-3542-8448
e-mail: nadiv2008@mail.ru

² Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск, Россия
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела якутского языка
ORCID: 0000-0001-8132-4215
Researcher ID: K-5080-2018
e-mail: fedjatschkov0801@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Данилова Н.И., Дьячковский Ф.Н., 2023

Для цитирования: Данилова Н.И., Дьячковский Ф.Н. Признанный лидер якутских языковедов (к 95-летию П.А. Слепцова) // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 149–157. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-149-157.

The acknowledged leader of Yakut linguistics (to the 95th anniversary of P.A. Sleptsov)

*Nadezhda Ivanovna Danilova*¹
*Fedor Nikolaevich Dyachkovskiy*²

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
Dr. Habil. in Philology, Head of the Yakut Language Department
ORCID ID: 0000-0003-3542-8448
e-mail: nadiv2008@mail.ru

² Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
Ph.D. in Philology, Leading Researcher of the Yakut Language Department
ORCID ID: 0000-0001-8132-4215
Researcher ID: K-5080-2018
e-mail: fedjatschkov0801@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Danilova N.I., Dyachkovskiy F.N., 2023

For citation: *Danilova N.I., Dyachkovskiy F.N.* The acknowledged leader of Yakut linguistics (to the 95th anniversary of P.A. Sleptsov) // *Russian Turkology*. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 149–157. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-149-157.

Доктору филологических наук, профессору, действительному члену Академии наук Республики Саха (Якутия), лауреату Государственной премии Республики Саха (Якутия) в области науки (1993) и Государственной премии Республики Саха (Якутия) имени П.А. Ойунского (2016), заслуженному деятелю науки РС (Я) и РФ, заслуженному ветерану Сибирского отделения АН СССР, главному научному сотруднику отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Петру Алексеевичу Слепцову исполняется 95 лет.

П.А. Слепцов родился 10 июля 1928 г. в Арылахском наслеге Верхнеколымского района Якутской АССР. В 1938 г. он впервые переступил порог школы в родном селе, затем продолжил учебу в Среднеколымской и Зырянской школах. Во время Великой Отечественной войны ему пришлось прервать учебу и в течение двух лет работать в колхозе. С 1949 по 1952 гг. после окончания 9 класса он работал воспитателем, учителем в Родчевской, Орловской, Среднеколымской школах Верхнеколымского района. В 1952 г., сдав экзамены за 10 класс экстерном, поступает в отделение русского языка и литературы для якутских школ (РОЯШ) Якутского пединститута. С учебой в институте он легко справлялся, по-

лучал Сталинскую стипендию. Окончив пединститут в 1956 г. с красным дипломом, работал учителем, завучем, директором в родной Арылахской школе, потом заведующим райпедкабинетом Верхнеколымского районного отдела народного образования. В 1960–1963 гг. успешно проходит очную аспирантуру Якутского филиала СО АН СССР под руководством выдающегося лингвиста-якутоведа, д.ф.н., проф. Л.Н. Харитоновой и начинает работу в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР.

Как любой крупный ученый, Петр Алексеевич имеет широкое поле деятельности. В качестве основного направления можно отметить проблему становления и развития литературного якутского языка, которая была поставлена в монографии «Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период)» (Якутск, 1964), ставшей результатом учебы в аспирантуре. На основе данного издания Петр Алексеевич в 1965 г. в г. Новосибирске защитил кандидатскую диссертацию по теме «Русские лексические заимствования в якутском языке». В работе глубокий семантический анализ получила лексика, освоенная якутами до распространения массовой письменности. Для этого была привлечена огромная масса печатных изданий на якутском языке, на основе которой был выявлен и систематизирован корпус русских заимствований. Была также дана их фонетическая и морфологическая характеристика, рассмотрены основные пути семантического развития. Диссертация получила высокую оценку специалистов. Результатом продолжения исследования по этой тематике явилась монография «Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период)» (М., 1975).

Данными работами была заложена основа дальнейших серьезных исследований. В 1986 г. Петр Алексеевич опубликовал капитальный труд «Якутский литературный язык (истоки, становление норм)» (Новосибирск, 1986), в котором на примере якутского языка был прослежен процесс зарождения и становления литературного языка донационального типа.

На основе данной монографии и многочисленных статей по соответствующей тематике Петр Алексеевич защитил докторскую диссертацию на тему «Якутский литературный язык: истоки, нормы словоупотребления» в 1991 г. в Институте языкознания АН СССР (г. М.) в виде научного доклада по совокупности опубликованных работ. Оппонентами диссертации выступили главный научный сотрудник Института языкознания РАН, д.ф.н. М.К. Мусаев, д.ф.н., профессор Якутского госуниверситета Н.Е. Петров. Оппоненты и все специалисты-тюркологи справедливо оценили исследование как выдающийся научный вклад не только в якутское языкознание, но и тюркологическую науку в целом. На защите выступила основатель современного якутского языкознания Елизавета Ивановна Убрятова, которая отметила чрезвычайно высокий уровень научного труда П.А. Слепцова и его значимость для младописьменных языков России.

Дальнейшим развитием исследований по этому направлению явилась монография Петра Алексеевича в двух частях: «Якутский литературный язык: формирование и развитие общенародных норм», опубликованная в 1990 г. в издательстве «Наука» СО РАН. Данное монографическое исследование охватывает период с конца 30-х – начала 40-х гг. до конца XX столетия. В нем был исследован процесс формирования и развития литературного языка общенационального типа

с кодифицированными нормами орфографии, устоявшейся терминологической системой.

Идеи Петра Алексеевича по проблемам нормирования литературного языка получили воплощение не только в его фундаментальных трудах, но и прикладных работах. Так, он выступил главным редактором 2-го издания «Орфографического словаря якутского языка» (2007), основанного на правилах орфографии, утвержденных Правительством РС (Я) в 2001 г. В словаре были учтены не только кодифицированные, но и традиционные нормы речевой практики носителей якутского языка. Поэтому словарь допускал правописание заимствованных основ в двух вариантах: фонетизированной согласно произношению слова на якутском языке и с сохранением русской основы. Десять лет практики использования этого словаря показали необходимость разработки новых принципов якутской орфографии, усиления орфографического режима. Поэтому по инициативе П.А. Слепцова в 2012 г. была создана орфографическая комиссия при Правительстве РС (Я). В результате работы комиссии были выработаны и утверждены новые правила орфографии, на основе которых в 2015 г. издан «Орфографический словарь якутского языка».

Еще одно направление исследований П.А. Слепцова – лексикография – также рассматривается им как путь и способ утверждения норм литературного языка. Благодаря Петру Алексеевичу здесь также были достигнуты значительные результаты. Так, в 1972 г. в издательстве «Советская энциклопедия» увидел свет «Якутско-русский словарь» под его редакцией, содержащий более 25 тыс. единиц современного якутского языка. Это был первый опыт составления двуязычного словаря, призванный содействовать развитию и установлению норм современного якутского литературного языка. Он также был соавтором «Краткого толкового словаря якутского языка», изданного в 1994 г., и руководителем его второго издания в нормативном школьном варианте.

Масштабная деятельность Петра Алексеевича по систематизации и научно обоснованной нормализации общенационального свода лексического богатства якутского языка имеет значительный результат в виде 15-томного издания «Большой толковый словарь якутского языка». Следует отметить, что составление словаря началось благодаря личной инициативе и энергичному ходатайству Петра Алексеевича. Разработка теоретических и методологических принципов составления Большого толкового словаря: отбора лексических единиц, отражения в словаре грамматических признаков слов, экспликация значений слов и устойчивых словесных комплексов – принадлежит ему. Оригинальным является инициированное им толкование слов на двух языках (якутском и русском), что, безусловно, повышает доступность словаря для широкого круга пользователей. Словарь создан на основе исходного картотечного фонда лексикона якутского языка, насчитывающего более трех миллионов цитатных карточек из лучших произведений якутской литературы самых разных жанров.

Большое значение для развития якутского языкознания имеют труды П.А. Слепцова, посвященные истории якутского языка. Он в течение ряда лет на должности профессора вел курс по авторской программе «История якутского языка». На основе лекций по этому курсу был издан учебник в двух частях. В I части, изданной в 1983 г., были изложены источники и принципы изучения

истории якутского языка. Вторая часть учебника была посвящена истории становления фонетической системы, морфологии, синтаксиса и лексического состава якутского языка. Большое внимание уделено вопросам историографии, в том числе современным взглядам на происхождение якутского языка. В заключении автор составил свою периодизацию истории якутского языка с древнейших времен до настоящего времени. Учебник на V межрегиональной книжной выставке-ярмарке «Печатный двор Якутии – 2007» был признан лучшим учебным пособием и стал нормативным учебником для ВУЗов.

Традиционный устойчивый интерес к вопросам родного языка, проблемам многоязычия воплотился в основании проф. П.А. Слепцовым и других направлений в якутском языкознании. Прежде всего, это социолингвистика, в рамках которой он широко рассматривал лингвистические аспекты языковых контактов: роль русских лексических заимствований в становлении якутского языка, вопросы якутско-русского двуязычия, соотношения и развития общественных функций якутского и русского языков в республике, а также влияние развития общественных функций языка на его внутривидовое развитие. Труды П.А. Слепцова, посвященные исследованию языка героического эпоса *олонхо*, заложили фундамент для становления и развития лингвофольклористики, что, несомненно, внесло свой вклад в деятельность научного сообщества по признанию *олонхо* мировым шедевром.

П.А. Слепцов – лингвист необычайно широкого диапазона. Трудно перечислить те области якутского языкознания, в которых Петр Алексеевич не участвовал. Из-под пера П.А. Слепцова вышло более 300 научных статей, свыше 40 отредактированных работ, учебных пособий, словарей. Он автор 8 монографий, заложивших основы теоретической разработки проблем литературного языка. По его инициативе в свое время издавалась серия сборников научных трудов по якутскому языку и языкам народов Якутии: «Актуальные проблемы якутской лексикологии и лексикографии» (1980); «Якутский язык: лексика и семантика» (1987); «Якутский язык: лексикология и лексикография» (1989); «Языки народов Якутии: диалектология, экспериментальная лингвистика» (1989), «Якутский язык: лексика, фразеология» (1991). В них рассмотрены узловые проблемы лексикологии, лексикографии, диалектологии, фонетики языков народов Якутии.

П.А. Слепцов – крупный общественный деятель, внесший большой вклад в языковое строительство в РС (Я): он является одним из основных авторов закона «О языках в Республике Саха (Якутия)», концепции целевой программы Республики Саха (Якутия) по сохранению, изучению и развитию языков народов РС (Я). Является инициатором и создателем общества «Ийэ тыл», инициатором учреждения Дня родных языков в РС (Я), приуроченного ко дню рождения С.А. Новгородова, более 10 лет работал заместителем председателя Совета по языковой политике при Главе РС (Я), был членом термино-орфографической комиссии при Правительстве РС (Я). Плодотворной деятельности в этой области способствовали его многочисленные публикации и устные выступления, в которых были изложены теоретические основы языкового строительства в республике, законодательной защиты языков коренных малочисленных народов Севера.

Наряду с исследовательской работой Петр Алексеевич много сил отдает подготовке научных кадров по языкам коренных народов республики. По его личной

инициативе при ИГиИПМНС СО РАН в 1991 г. был создан совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности «Языки народов Российской Федерации (якутский язык)», председателем которого он являлся до 2008 г. Под его руководством защищено 23 кандидатских и 5 докторских диссертаций по филологическим наукам. Создана целая научная школа П.А. Слепцова, которая на основе единых принципов, единым духом плодотворно работает на ниве якутской филологии.

Петр Алексеевич принимает активное участие в жизни лингвистического сообщества нашей страны. Он один из наиболее востребованных оппонентов при защите докторских диссертаций. Его рецензии на работы отечественных и зарубежных ученых сами по себе представляют оригинальные научные произведения. Он организатор и участник многих всероссийских и международных конференций, симпозиумов по тюркологии, по проблемам социолингвистики. Петр Алексеевич – постоянный член объединенного Научного совета по гуманитарным наукам АН РС (Я), зам. главного редактора научного и общественно-политического журнала «Наука и образование» АН РС (Я), член редакционной комиссии научных журналов «Северо-восточный гуманитарный вестник» и «Российская тюркология».

П.А. Слепцов – признанный лидер якутских языковедов, продолжатель лучших традиций отечественной тюркологии. Признанием научных заслуг явилось избрание его первым из якутских лингвистов действительным членом Академии наук Республики Саха (Якутия), присвоение ему звания «Заслуженного деятеля науки Российской Федерации», «Заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия)».

Нельзя не сказать несколько слов о человеческих качествах Петра Алексеевича. Талантливый ученый всегда отличает исключительное трудолюбие, скромность, высокая требовательность к себе, внутренняя культура, доброжелательность и корректность в обращении с коллегами.

Коллектив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН от всей души поздравляет Петра Алексеевича с юбилеем и желает ему доброго здоровья и благополучия!

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН выражает искреннюю признательность Петру Алексеевичу Слепцову за многолетнее активное участие в работе комитета и присоединяется к поздравлениям.

Библиография основных работ П.А. Слепцова

- Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период). – Якутск: Кн. изд-во, 1964. – 196 с. {*P.A. Sleptsov. Russian lexical borrowings in the Yakut language (pre-revolutionary period).* – Yakutsk: Book Publishing House, 1964. – 196 p.}
- Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). – М.: Наука, 1975. – 256 с. {*P.A. Sleptsov. Russian lexical borrowings in the Yakut language (post-revolutionary period).* – Moscow: Nauka, 1975. – 256 p.}
- Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. – Москва: Сов. энциклопедия, 1972. – 608 с. {*Yakut-Russian dictionary / Ed. by P.A. Sleptsov.* – Moscow: Soviet Encyclopaedia, 1972. – 608 p.}
- Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с. {*P.A. Sleptsov. Literary Yakut language. Origins, emergence of norms.* – Novosibirsk: Nauka, 1986. – 262 p.}

- Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 276 с. {*P.A. Sleptsov. Literary Yakut language. Creation and development of the nationwide standards.* – Novosibirsk: Nauka, 1990. – 276 p.}
- Слепцов П.А.* Саха тылын историята. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 1993. – 120 с. (на як. яз.) [*Слепцов П.А.* История якутского (саха) языка. – Якутск: Издательство Якутского гос. университета, 1993. – 120 с.] {*P.A. Sleptsov. History of the Sakha/Yakut language.*} – Yakutsk: Publishing House of Sakha State University, 1993. – 120 p.} (In Yakut.)
- Слепцов П.А.* История якутского языка. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. – 270 с. (на як. яз.) {*P.A. Sleptsov. History of the Yakut language.* – Yakutsk: Publishing House of Sakha State University, 2007. – 270 p.} (In Yakut.)

Редактирование, соавторство

- Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху // Под ред. *П.А. Слепцова.* – Якутск, 1971. {*A sketch of development of literary Yakut language during the Soviet epoch* // Ed. by *P.A. Sleptsov.* – Yakutsk, 1971.}
- Грамматика якутского литературного языка. Фонетика, морфология. – М.: Наука, 1982. {*Grammar of literary Yakut language. Phonology, morphology.* – Moscow: Nauka, 1982.}
- Ойунский П.А. Сочинения. III. Научные труды // Сост. *П.А. Слепцов.* – Якутск, 1993. {*P.A. Oyunskiy. Works. Vol. 3. The Scientific Works* // Comp. by *P.A. Sleptsov.* – Yakutsk, 1993.}
- Поговорим по-якутски [соавтор]. – Якутск, 1976. {*Let's talk Yakut!* [co-author] – Yakutsk, 1976.}
- Краткий толковый словарь якутского языка [соавтор]. – Якутск, 1994. {*A brief explanatory dictionary of the Yakut language* [co-author]. – Yakutsk, 1994.}
- Якутский язык: лексика и семантика. Сб. научных трудов // Под ред. *П.А. Слепцова.* – Якутск, 1987. {*The Yakut language: vocabulary, and semantics. A volume of academic works* // Ed. by *P.A. Sleptsov.* – Yakutsk, 1987.}
- Якутский язык: лексикология и лексикография. Сб. научных трудов // Под ред. *П.А. Слепцова.* – Якутск, 1989. {*The Yakut language: lexicology, and lexicography* // Ed. by *P.A. Sleptsov.* – Yakutsk, 1989.}
- Большой толковый словарь якутского языка // Под общ. ред. *П.А. Слепцова* (Т. I–XV). – Новосибирск: Наука, 2004–2018. {*Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language* // Ed. by *P.A. Sleptsov* (Vols. 1–15). – Novosibirsk: Nauka, 2004–2018.}
- Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта: Т. IV (буква К) / Под ред. *П.А. Слепцова.* – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с. {*Great explanatory dictionary of the Yakut language = Saha tilin bihaarilaah ulaḥan tildyita: Vol. 4 (letter K)* / Ed. by *P.A. Sleptsov.* – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 672 p.}
- Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта: Т. V (буква К) / Под ред. *П.А. Слепцова.* – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с. {*Great explanatory dictionary of the Yakut language = Saha tilin bihaarilaah ulaḥan tildyita: Vol. 5 (letter K)* / Ed. by *P.A. Sleptsov.* – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 616 p.}
- Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта: Т. VI / Под ред. *П.А. Слепцова.* – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с. (Буква Л–Н). Словарные статьи на букву Л (Л–ЛЭЭҺЭРИС ГЫН). {*Great explanatory dictionary of the Yakut language = Saha tilin bihaarilaah ulaḥan tildyita: Vol. 6* / Ed. by *P.A. Sleptsov.* – Novosibirsk: Nauka, 2009. – 519 p.} (The letters L–N). Dictionary entries on letter L (L–LEEHERĪS GIN).}
- Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия) // Под ред. *П.А. Слепцова.* – Новосибирск, 2003. {*Modern linguistic processes in Sakha Republic (Yakutiya)* // Ed. by *P.A. Sleptsov.* – Novosibirsk, 2003.}
- Кулаковский А.Е. и время // Под ред. *П.А. Слепцова.* – М., 2003. {*Kulakovskiy A.Ye. and time* // Ed. by *P.A. Sleptsov.* – Moscow, 2003.}

Статьи

- Слепцов П.А.* К проблеме влияния языка фольклора на становление и развитие современного якутского литературного языка // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1978. – С. 110–113. {*P.A. Sleptsov. On the problem of folklore language impact on formation and development of modern literary Yakut language* // *Epic Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East.* – Yakutsk, 1978. – PP. 110–113.}

- Слепцов П.А. О работах Г.У. Эргиса по якутскому языку // Мифология народов Якутии: сб. науч. тр. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 12–25. {*P.A. Sleptsov. On G.U. Ergis's works related to the Yakut language // Mythology of the Peoples of Yakutia: a compendium of scientific works. – Yakutsk: Yakut Affiliate of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1980. – PP. 12–25.*}
- Слепцов П.А. Ближайшие задачи якутской лексикологии и лексикографии по нормализации литературного языка // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии. Сб. научных трудов. – Якутск, 1980. – С. 3–17. {*P.A. Sleptsov. The immediate challenges for Yakut lexicology and lexicography in the field of normalization of literary language // Topical Questions of Yakut Lexicology and Lexicography. A compendium of scientific works. – Yakutsk, 1980. – PP. 3–17.*}
- Слепцов П.А. О работах Г.У. Эргиса по якутскому языку // Мифология народов Якутии. Сб. науч. трудов. – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 83–92. {*P.A. Sleptsov. On G.U. Ergis's works related to the Yakut language // Mythology of the Peoples of Yakutia. A compendium of scientific works. – Yakutsk: Publishing House of the Yakut Affiliate of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1980. – PP. 83–92.*}
- Слепцов П.А. Основные направления развития якутской лексикологии и лексикографии // Развитие гуманитарных исследований в Якутии. – Новосибирск, 1981. – С. 96–108. {*P.A. Sleptsov. The main lines of development of Yakut lexicology and lexicography // Development of Human Studies in Yakutia. – Novosibirsk, 1981. – PP. 96–108.*}
- Слепцов П.А. К проблеме двуязычного толкового словаря // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. – М., 1988. – С. 172–174. {*P.A. Sleptsov. An approach to the problem of bilingual explanatory dictionary // Current State and Evolution Trends of National Lexicography. – Moscow, 1988. – PP. 172–174.*}
- Төлкөнү түстүүр төртү тылым. – Дьокуускай, 1999. [Судьба наша – родной язык. – Якутск, 1999.] {*Our destiny is our language. – Yakutsk, 1999.*} (In Yakut.)
- Слепцов П.А. У истоков современного литературного языка (участие К.О. Гаврилова в языковом строительстве) // Слепцов П.А. Төлкөнү түстүүр төрөөбүт тыл. [Судьба – родной язык.] – Якутск: Северовед, 1999. – С. 157–161. {*P.A. Sleptsov. At the beginning of modern literary language (K.O. Gavrilov's participation in language building) // P.A. Sleptsov. Tölkönü tüstüür törööbüt til. [The destiny is the mother tongue.] – Yakutsk: Severoved, 1999. – PP. 157–161.*} (In Russian and Yakut.)
- Слепцов П.А. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский А.Е. и время. – М., 2003. – С. 366–407. {*P.A. Sleptsov. Kulakovskiy and the fate of the mother tongue // Kulakovskiy A.Ye. and Time. – Moscow, 2003. – PP. 366–407.*}
- Слепцов П.А. П.А. Ойунский и языковая политика // П.А. Ойунский: мифы и реальность. – Якутск, 2004. – С. 101–120. {*P.A. Sleptsov. P.A. Oyunskiy and the language policy // P.A. Oyunskiy: Myths and Reality. – Yakutsk, 2004. – PP. 101–120.*}
- Ступени и проблемы якутского языка / Сб. науч. трудов, посвященный 80-летию со дня рождения П.А. Слепцова. – Якутск, 2008. {*Grades and problems of the Yakut language / A compendium of scientific works, dedicated to the 80th anniversary of P.A. Sleptsov. – Yakutsk, 2008.*}
- Слепцов П.А. Работа Г.М. Васильева «Живой родник» и некоторые проблемы якутской фольклористики // Очарованный волшебством живого слова. – Якутск, 2008. – С. 18–27. {*P.A. Sleptsov. G.M. Vasiliyev's work "The Living Spring" and some problems of Yakut folklore studies // Enchanted by Wonders of the Living Word. – Yakutsk, 2008. – PP. 18–27.*}
- Слепцов П.А. Трактовка литературоведами и фольклористами олонхо П.А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур». Проблема аутентичности текста традиционного олонхо // Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – С. 354–359. {*P.A. Sleptsov. Explanation of P.A. Oyunskiy's "Dyuluruyar Nyurgun Bootur" olonkho, made by literature and folklore scholars. Question of the authenticity of text of the traditional olonkho // Grades and Problems of Yakut Linguistics. – Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2008. – PP. 354–359.*}
- Слепцов П.А. Олонхо тылын чинчийи соруктара, хайысхалара [Задачи и перспективы изучения языка олонхо] // Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – С. 331–337. {*P.A. Sleptsov. Challenges and vectors of olonkho language studies // Grades*

and Problems of Yakut Linguistics. – Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2008. – PP. 331–337.} (In Yakut.)

Слепцов П.А. Г.М. Васильев – фольклорист // Фольклор и литература народов Сибири: традиции и новации. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2010. – С. 19–24. {*P.A. Sleptsov.* G.M. Vasiliyev as a folklorist // Folklore and literature of the peoples of Siberia: traditions and innovations. – Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010. – PP. 19–24.}

Слепцов П.А. Тыл диринг чүөмпэлэрин уһуллучулаах чинчийээччи // Саха тылын уонна быллыргы устуоруйатын боппуруостара (кэмпириэнсийэ матырыйааллара). – Дьокуускай: СГУ изд-та, 2010. – С. 33–40. [*Слепцов П.А.* Выдающийся исследователь языковых глубин // Вопросы якутского (саха) языка и его древней истории. Материалы конференции. – Якутск: Издательство Якутского гос. университета, 2010. – С. 33–40.] {*P.A. Sleptsov.* A prominent explorer of the deep whirlpools of language. // Questions of the Yakut (Sakha) language and ancient history. Conference proceedings. – Yakutsk: Publishing House of Sakha State University, 2010. – PP. 33–40.} (In Yakut.)

Слепцов П.А. Разработка П.А. Ойунским научно-теоретических основ якутского литературного языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2013. – № 2 (7). – С. 5–10. {*P.A. Sleptsov.* Development of scientific and theoretical platform of Yakut literary language by P.A. Oyunskiy // The North-Eastern Bulletin of Humanities (Vestnik of NEFU). – Yakutsk: Publishing House of the Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – No. 2 (7). – PP. 5–10.}

Слепцов П.А. Состояние и перспективы изучения языка олонхо // Якутский героический эпос – олонхо шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народов мира. – Якутск: Изд-во СВФУ, 2014. – С. 83–86. {*P.A. Sleptsov.* The modern state and vectors of studying of olonkho language // Yakut Heroic Epic – Olonkho as a Masterpiece of Oral and Intangible Heritage of Humanity in the Context of Epics of the Peoples of the World. – Yakutsk: Publishing House of North-Eastern Federal University, 2014. – PP. 83–86.}

Слепцов П.А. С.А. Новгородов – создатель массовой якутской письменности, первый ученый-лингвист // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2017. – № 1 (18). – С. 65–70. {*P.A. Sleptsov.* S.A. Novgorodov as a creator of Yakut mass writing and literacy, the first scientist in linguistics // The North-Eastern Bulletin of Humanities (Vestnik of NEFU). – Yakutsk: Publishing House of the Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. – No. 1 (18). – PP. 65–70.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 158–164. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-158-164

НАУЧНАЯ ШКОЛА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Н. ТУГУЖЕКОВОЙ)

*Ханиса Чавдатовна Алишина*¹

¹ Центр тюркологии ТюмГУ, г. Тюмень, Россия
доктор филологических наук, профессор, директор
e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru
ORCID: 0009-0004-4173-9693

© ИЯз РАН, 2023

© Алишина Х.Ч., 2023

Для цитирования: Алишина Х.Ч. Научная школа новейшей истории Южной Сибири (к 75-летию со дня рождения В.Н. Тугужековой). // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 158–164. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-158-164.

The scientific school of contemporary history of South Siberia (to the 75th anniversary of V.N. Tuguzhekova)

*Khanisa Chavdatovna Alishina*¹

¹ Center of Turkology of the Tyumen State University, Tyumen, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Director
e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru
ORCID: 0009-0004-4173-9693

© IL RAS, 2023

© Alishina Kh.Ch., 2023

For citation: Alishina Kh.Ch. The scientific school of contemporary history of South Siberia (to the 75th anniversary of V.N. Tuguzhekova). // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 158–164. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-158-164.

Валентина Николаевна Тугужекова – известный в России и за ее пределами ученый, член Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Хакасия, основатель научной школы по проблемам новейшей истории Южной Сибири.

В.Н. Тугужекова родилась в с. Фыркал Ширинского района Хакасской автономной области 10 ноября 1948 г.

В 1972 г. окончила Абаканский государственный педагогический институт (ныне ХГУ). В 1992 г., через 5 лет после защиты кандидатской диссертации, В.Н. Тугужекова опубликовала монографию «Южная Сибирь: послевоенная. 1945–1965 гг.», а в 1993 г. успешно защитила докторскую диссертацию по теме «Социально-экономическое и культурное развитие автономий Южной Сибири в послевоенные годы (1945–1965 гг.)». В этих работах рассмотрены проблемы формирования местной промышленности Хакасии, Тувы и Горного Алтая, изменение структуры промышленного производства в Сибири, формирование национальных кадров в ведущих отраслях народного хозяйства Южной Сибири, выявлены особенности развития национальной культуры.

С 1984 по 1992 гг. она преподавала в Абаканском государственном педагогическом институте. После окончания докторантуры В.Н. Тугужекова продолжила работу в АГПИ (с 1994 г. – ХГУ им. Н.Ф. Катанова) доцентом кафедры истории и политологии, заведующей кафедрой, профессором кафедры отечественной истории, государства и права, проректором по научной работе. По ее инициативе в 1995 г. была создана аспирантура ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

Большая часть творческих и жизненных устремлений Валентины Николаевны воплотилась в научной школе по проблемам новейшей истории Южной Сибири. Под ее научным руководством защитили диссертации на соискание степени кандидатов исторических наук 25 аспирантов и соискателей по специальности «Отечественная история», докторантуру окончили четыре человека.

Сегодня В.Н. Тугужекова является профессором кафедры истории России ХГУ им. Н.Ф. Катанова, преподает дисциплины «Актуальные проблемы новейшей истории Хакасии», «Этнополитические процессы в Республике Хакасия», руководит дипломными и курсовыми работами. Под ее руководством защитили дипломные работы более 100 выпускников ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

В.Н. Тугужековой опубликовано более 500 научных и 300 научно-популярных статей. Она является автором свыше 45 монографий, брошюр и учебных пособий. Сфера ее научных интересов чрезвычайно многообразна – широкий спектр проблем по отечественной истории: современное развитие коренных этносов России, социально-экономическая и политическая история национальных регионов Южной Сибири, адаптация народов Сибири к природным, техногенным и социальным трансформациям, межнациональные отношения, сохранение, развитие и изучение культурно-исторического наследия Саяно-Алтайского региона.

Х.Ч.Алишина, В.Н.Тугужекова, В.И.Рассадин, С.Б.Сарбашева, С.М.Трофимова.
Заседание РКТ, Москва, ИЯз РАН, 2012 г.

С 1993 по 1998 гг. – советник-консультант Совета министров Республики Хакасия. С 1998 г. по 2019 гг. Валентина Николаевна возглавляла Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Благодаря ее деятельности институт успешно работает и развивается: прежде всего, это высокий научный потенциал сотрудников института, широкая тематика научных направлений, глубина проводимых исследований.

Валентине Николаевне принадлежит заслуга в организации совместных исследований этого института с ведущими российскими и зарубежными гуманитарными центрами: Институтом востоковедения РАН, Институтом этнологии и этнографии РАН, Институтом языкознания РАН, Институтом истории СО РАН, Институтом археологии СО РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН,

Институтом филологии СО РАН, Казанским государственным университетом, Финским обществом по изучению первобытного искусства, Тюркологическим институтом Стамбульского государственного университета, Анкарским университетом, Культурным фондом гималайских исследований, Институтом этнической литературы Академии общественных наук Китая, Музеем доисторической антропологии Княжества Монако и др. Благодаря инициативе В.Н. Тугужековой институт является коллективным членом Российского общества востоковедов, Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства.

Много сил и времени В.Н. Тугужекова отдает научно-организационной деятельности. Она была членом диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук при Красноярском государственном педагогическом университете по специальности «Отечественная история», Регионального совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук при ХГУ им. Н.Ф. Катанова по специальности «Отечественная история».

В.Н. Тугужекова участвует в проектах Российской академии наук по проблемам адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни, этнорегиональных моделей адаптации населения в условиях трансформирующего общества. Это позволило ей быть автором ряда коллективных трудов, информационных бюллетеней о степени адаптации и факторам адаптационного поведения основных этнических групп Республик Тыва, Хакасия, Горный Алтай к новым условиям жизни по материалам этносоциологического исследования. В своих исследованиях она обращает внимание на роль миграции в формировании населения Южной Сибири, а также на процессы адаптации населения Хакасии в постсоветский период. В.Н. Тугужекова исследует демографические проблемы: численность населения, его занятость, социальные болезни, материальное положение населения Хакасии.

В последние годы Валентина Николаевна уделяет большое внимание проблемам хакасского народа, национальной культуры, межнациональных отношений в Хакасии, родовому движению. Большое место в жизни профессора В.Н. Тугужековой занимает и общественная деятельность, она является действительным членом Академии социальных наук Российской Федерации, членом Избирательной комиссии Республики Хакасия, ряда общественных организаций. Она является участником научно-просветительских экспедиций по Горной Шории, Тыве, Алтаю и Монголии. Неоднократно избиралась членом «Чон чоби» (Исполнительный орган съезда хакасского народа). Была делегатом съездов хакасского народа, Конгресса тюркских народов России, съезда народов Южной Сибири, делегатом Российского сибирского народного собрания.

Валентина Николаевна – заслуженный деятель науки Республики Хакасия (1999). За вклад в развитие науки в Хакасии и подготовку научных и научно-педагогических кадров Республик Хакасия и Тыва Валентина Николаевна награждена Почетной грамотой законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. В 2010 г. Правительством РХ научной школе профессора В.Н. Тугужековой присвоен статус «Научная школа Республики Хакасия». Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени» вручена в 2011 г. В 2013 г. награждена медалью Н.Ф. Катанова.

В 2015 г. была вручена международная медаль ТЮРКСОЙ. В 2016 г. – Государственная премия Республики Хакасия имени Н.Ф. Катанова. Почетный знак Избирательной комиссии Республики Хакасия «За заслуги в организации выборов» (2018).

За выдающиеся заслуги в профессиональной деятельности на благо Республики Хакасия Постановлением Правительства РХ В.Н. Тугужекова 23 ноября 2023 г. награждена Орденом «За заслуги перед Хакасией».

Избранные труды В.Н.Тугужековой

- Репрессии в Хакасии / В.Н. Тугужекова, С.В. Карлов; Фонд «Возрождение Хакасии». – Абакан, 1998. – 111 с. {Political repression in Khakassia / V.N. Tuguzhekova, S.V. Karlov; “Vozrozhdeniye Khakasii” (“The Rebirth of Khakassia”) Fund. – Abakan, 1998. – 111 p.}
- Актуальные проблемы новейшей истории Хакасии: сб. ст. / Редкол.: В.Н. Тугужекова (отв. ред.), Н.А. Данькина. – Абакан: Хакас. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2000. – 118, [2] с. (табл.) {Topical issues of the modern history of Khakassia: a compendium of articles / Ed. by V.N. Tuguzhekova (executive editor), N.A. Dankina. – Abakan: Khakassian Research Institute of Language, Literature and History, 2000. – 118, [2] p. (with tables.)}
- Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: научный сборник молодых исследователей / Отв. ред.: В.Н. Тугужекова. – Абакан: Изд-во Хакаского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2004. {Topical issues of history and culture of Sayan and Altai region: a scientific compendium of works of the modern researchers / Executive editor: V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Publishing House of Khakassian State University named after N.F. Katanov, 2004.}
- Аскизский район: история и современность: к 80-летию образования / Отв. ред.: В.Н. Тугужекова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 202, [4] с. {Askiz district: history and modern times: to the 80th anniversary / Executive editor: V.N. Tuguzhekova. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 202, [4] p.}
- Патачаков, Кузьма Михайлович (1922–1999). Некоторые сведения об охоте хакасов: рукописное наследие Хакаского научно-исследовательского института языка, литературы и истории / Под ред. В.Н. Тугужековой. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2006. – Вып. 1. – 36, [1] с. {Kuzma Mikhailovich Patachakov (1922–1999). Some data on the hunting of the Khakass people: the manuscript heritage of Khakassian Research Institute of Language, Literature and History / Ed. by V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Khakassian Research Institute of Language, Literature and History, 2006. – Issue 1. – 36, [1] p.}
- Аскизский район: история и современность: (к 300-летию вхождения Хакасии в состав России) / А.Н. Асочаков и др.; отв. ред. В.Н. Тугужекова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, 2007. – 244, [3] с. {Askiz district: history and modern times: (to the 300th anniversary of Khakassia's inclusion into Russia) / A.N. Asochakov et al.; Executive editor: V.N. Tuguzhekova. – 2nd edition, revised and extended. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 244, [3] p.}
- Тугужекова, Валентина Николаевна. Хакасский этнос на рубеже веков: сборник статей. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2008. – 154 с. {Valentina Nikolayevna Tuguzhekova. The Khakass ethnos around the turn of the century: a compendium of articles. – Abakan: Khakass Book Publishing House, 2008. – 154 p.}
- Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х т. – Том I, с. 6–7, с. 709; – Т. 3, с. 30, 142, 341, 346, 425, 430, 480–481. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири»–Институт истории СО РАН, 2009. – (Всего 9 ст.) {Historical encyclopaedia of Siberia. In 3 vols. – Volume 1, pp. 6–7, p. 709; – Volume 3, pp. 30, 142, 341, 346, 425, 430, 480–481. – Novosibirsk: “Historical heritage of Siberia” Publishing House–Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. – (9 articles in total.)}
- Славные люди хакасского народа / Отв. ред.: В.Н. Тугужекова. – Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2010. – 160 с. {Famous persons of the Khakass people / Executive editor: V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Khakassian Research Institute of Language, Literature and History, 2010. – 160 p.}

- Актуальные проблемы истории Хакасии (1917–начало 2000-х гг.). Учебное пособие. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. – 179, [1] с. {Topical issues of the history of Khakassia (1917 – beginning of 2000s). A Manual. – Abakan: Khakass Book Publishing House, 2010. – 179, [1] p.}
- Археoaстрономия в России: новые исследования / Отв. ред.: Т.М. Потемкина, В.Н. Тугужекова. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2012. – 125, [1] с.: ил. – (Рукописное наследие ХакНИИЯЛИ / Республиканское государственное научно-исследовательское учреждение “Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории”; вып. 7.) {Archaeoastronomy in Russia: the latest researches / Executive editors: T.M. Potemkina, V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Khakass Book Publishing House, 2012. – 125, [1] p.: with illustrations. – (The manuscript heritage of Khakassian Research Institute of Language, Literature and History / the Republican State Research Institution “Khakassian Research Institute of Language, Literature and History”; issue 7.)}
- Катанов, Николай Федорович (1862–1922). Избранные научные труды. Т. 1. / Научный редактор: В.Н. Тугужекова. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2012. – 194 с. {Nikolay Fedorovich Katanov (1862–1922). Selected scientific works. Vol. 1 / Scientific editor: V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Khakass Book Publishing House, 2012. – 194 p.}
- Социально-экономическое развитие Хакасии (XX–начало XXI века) / В.Н. Тугужекова, В.К. Шульбаев, И.Н. Трошкина и др.; отв. ред.: В.Н. Тугужекова. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2014. – 247, [1] с.: ил., табл. {Socioeconomic development of Khakassia (the 20th – beginning of the 21st century) / V.N. Tuguzhekova, V.K. Shulbaev, I.N. Troshkina et al.; executive editor: V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Khakass Book Publishing House, 2014. – 247, [1] p.: with illustrations and tables.}
- Священные горы Ызых (сакральные места Хакасии) / Редкол.: В.М. Торосов (предс.), В.Н. Тугужекова, И.И. Таштандинов и др.; авт.-сост.: В.К. Татарова. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2015. – 116 с., с илл. {Sacred mountains of Yzykh (the sacral places of Khakassia) / Editorial board: V.M. Torosov (introduction), V.N. Tuguzhekova, I.I. Tashtandinov et al.; author-compiler: V.K. Tatarova. – Abakan: Khakass Book Publishing House, 2015. – 116 p., with illustrations.}
- Ученые записки / отв. ред.: В.Н. Тугужекова. – Вып. XXV: Серия: История. Этнография. – 2-е изд. – Абакан: Бригантина, 2015. – 140 с., с табл. {Bulletin / Executive editor: V.N. Tuguzhekova. – Issue XXV: History and Ethnography Series. – 2nd Edition. – Abakan: Brigantina, 2015. – 140 p., with tables.}
- Бейский район: история и современность / Н.А. Данькина, Н.С. Майнагашева, Р.Д. Сунчугашев и др.; отв. ред.: В.Н. Тугужекова. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2015. – 156, [10] с. (ил., табл.) {Beya district: history and modern times / N.A. Dankina, N.S. Maynagasheva, R.D. Sunchugashev et al.; executive editor: V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Khakass Book Publishing House, 2015. – 156, [10] p. (with illustrations and tables.)}
- Богградский район: история и современность / К.А. Абдин, Н.А. Данькина, Ю.Н. Есин и др.; ответственный редактор: В.Н. Тугужекова. – Абакан: Бригантина, 2016. – 109 с.: ил., табл., цв. ил. {Bograd district: history and modern times / K.A. Abdin, N.A. Dankina, Yu.N. Yesin et al.; executive editor: V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Brigantina, 2016. – 109 p.: with illustrations, tables, and coloured illustrations.}
- Репрессии в Хакасии: как это было (1930-е–середина 1950-х гг.) / Тугужекова В.Н., Степанов М.Г., Карлов С.В. – Абакан: Бригантина, 2018. – 242 с. {Political repression in Khakassia: how did this happen? (1930s–mid-1950s) / V.N. Tuguzhekova, M.G. Stepanov, S.V. Karlov. – Abakan: Brigantina, 2018. – 242 p.}
- Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных статей / отв. ред.: В.Н. Тугужекова. – Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2019. – Вып. 22. – 128 с. {Topical issues of history and culture of Sayan and Altai region: a compendium of scientific articles / Executive editor: V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Publishing House of Khakassian State University named after N.F. Katanov, 2019. – Issue 22. – 128 p.}
- Усть-Абаканский район: история и современность / Н.А. Данькина, Е.Н. Данькин, Ю.Н. Есин и др.; отв. ред.: В.Н. Тугужекова. – Абакан: Бригантина, 2019. – 235 с.: ил., портр., табл. {Ust-Abakan district: history and modern times / N.A. Dankina, Ye.N. Dankin, Yu.N. Yesin et al.; executive editor: V.N. Tuguzhekova. – Abakan: Brigantina, 2019. – 235 p.: with illustrations, portraits, and tables.}
- Минусинск: очерки истории города / О.М. Долодovich, Т.Г. Карчаева, Л.Е. Мариненко, А.С. Жулаева, М.Д. Северьянов, В.Н. Тугужекова и др. – Красноярск–Минусинск: Издательство Поли-

кор, 2023. – 238 с., 304 илл. {Minusinsk: essays on the history of the city / *O.M. Dolidovich, T.G. Kar-chayeva, L.Ye. Marinenko, A.S. Zhulayeva, M.D. Severiyarov, V.N. Tuguzhekova et al.* – Krasnoyarsk–Minusink: Polikor Publishing House, 2023. – 238 p., 304 illustrations.}

Великая Отечественная война в истории Енисейской Сибири: монография: в 5 т. Т. 3. 1943 год / *Б.Е. Андюсев, Н.Я. Артамонова, Н.В. Барсукова, В.Н. Тугужекова* и др.; науч. рук. творч. кол.: *Е.Н. Гарин*; зам. науч. рук. творч. кол.: *М.Д. Северьянов*. – Красноярск: СФУ, 2023. {The Great Patriotic War in history of the Yenisei Siberia: a monograph: in 5 vols. Volume 3. 1943 / *B.Ye. Andyusev, N.Ya. Artamonova, N.V. Barsukova, V.N. Tuguzhekova et al.*; scientific supervisor of the author team: *Ye.N. Garin*; associate supervisor of the author team: *M.D. Severiyarov*. – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2023.}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 165–174. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-165-174

ОТКУДА БЕРЕТ НАЧАЛО ТЮМЕНСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ (К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ Х.Ч. АЛИШИНОЙ)

*Илшат Сахиятуллович Насипов*¹

*Светлана Менкеновна Трофимова*²

*Минсылу Губайтовна Усманова*³

*Искандер Айдерович Меметов*⁴

¹ Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия
доктор филологических наук, профессор
e-mail: nasipov2021@yandex.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
г. Элиста, Россия
доктор филологических наук, профессор
e-mail: trofimovasm@mail.ru

³ Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия
доктор филологических наук, профессор
e-mail: usmanova.minsylu@mail.ru

⁴ Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия
кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой восточных языков
e-mail: isken25@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Насипов И.С., Трофимова С.М., Усманова М.Г., Меметов И.А., 2023

Для цитирования: Насипов И.С., Трофимова С.М., Усманова М.Г., Меметов И.А.
Откуда берет начало тюменская тюркология (к 70-летию юбилею Х.Ч. Алишиной) // Рос-
сийская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 165–174. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-
165-174.

Whence does the Tyumen turkology come (to the 70th anniversary of Kh.Ch. Alishina)

*Ilshat Sakhiyatullovich Nasipov*¹

*Svetlana Menkenovna Trofimova*²

*Minsylu Gubaytovna Usmanova*³

*Iskander Ayderovich Memetov*⁴

¹ Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor
e-mail: nasipov2021@yandex.ru

² Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor
e-mail: trofimovasm@mail.ru

³ Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor
e-mail: usmanova.minsylu@mail.ru

⁴ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
Ph.D. in Philology, Associate Professor, Head of the Oriental Languages Department
e-mail: isken25@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Nasipov I.S., Trofimova S.M., Usmanova M.G., Memetov I.A., 2023

For citation: *Nasipov I.S., Trofimova S.M., Usmanova M.G., Memetov I.A.* Whence does the Tyumen turkology come (to the 70th anniversary of Kh.Ch. Alishina) // *Russian Turkology*. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 165–174. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-165-174.

Ханиса Чайдатовна Алишина – известный в России и за ее пределами ученый, член Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, доктор филологических наук, профессор, Почетный член Академии наук Республики Татарстан, член Союза писателей РТ, член Союза журналистов РФ, Заслуженный учитель

Республики Татарстан, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный работник науки и образования Тюменской области, лауреат премии фонда им. В.И. Муравленко, лауреат Губернаторской премии в области литературы, лауреат общенациональной премии по Уральскому федеральному округу «Профессор года», лауреат премии РТ им. Дж. Валиди, лауреат Золотой медали АН РТ «За достижения в науке», лауреат медали Республики Татарстан «За доблестный труд».

Ханиса Чайдатовна Алишина родилась в г. Тюмень 29 мая 1953 г. в семье сибирских татар. Она начала свою профессиональную деятельность в 19 лет по окончании Тюменского педучилища. В 22 года поступила в Тюменский государственный университет, где окончила два факультета, став преподавателем истории и обществознания (исторический), преподавателем русского языка и литературы (филологический).

По рекомендации ГЭК ТюмГУ и по приглашению профессора Казанского университета Д.Г. Тумашевой в 1988 г. поступила в очную аспирантуру по направлению «Тюркские языки». В 1992 г. в диссертационном совете факультета татарской истории, филологии и восточных языков Казанского государственного университета защитила кандидатскую диссертацию «Говоры сибирских татар юга Тюменской области», в 1999 г. – докторскую диссертацию «Историко-лингвистическое исследование ономастического сибирских татар» (на материале Тюменской области).

После окончания аспирантуры работала в Академии наук Республики Татарстан. Член Правительства Тюменской области профессор Ю.М. Конев ходатайствовал о переводе Х.Ч. Алишиной на должность доцента кафедры русского языка Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева. Через год по приглашению ректора Тюменского государственного университета доктора философских наук, профессора, академика РАО Г.Ф. Шафранова-Куцева кандидат филологических наук, доцент Х.Ч. Алишина была переведена в г. Тюмень для открытия тюркологической специализации на филологическом факультете.

Доктор филологических наук, профессор ТюмГУ Х.Ч. Алишина ведет многогранные научные исследования по языку, фольклору, литературе сибирских татар, в последние годы работает над большим научным проектом «Сохранение и развитие татарского языка, культуры, традиций и обычаев в Тюменской области». Основные научные результаты по теоретическим и прикладным аспектам татарского языкознания изложены в монографиях, сборниках, статьях, в том числе в журналах по гуманитарным и социальным наукам, индексируемых международными базами данных Scopus и Web of Science. Монографии «Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области)», «Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар», по данным РИНЦ, имеют высокий индекс цитирования.

Ханиса Чайдатовна Алишина в настоящий момент является одним из самых крупных специалистов по языку сибирских татар и его диалектам. Всю свою жизнь она посвятила тюркской филологии и связанным с этим задачам социолингвистики, педагогики, фольклористики, литературоведения, истории. В Тюменском государственном университете обобщены библиометрические и наукометрические наблюдения, оказывающиеся сегодня весьма востребованными.

О ее научных трудах в серии биобиблиографических указателей «*Docti primarii universitatis Tjumeniensis*», представляющих ведущих ученых Тюменского государственного университета, в 2013 г. вышел специальный выпуск серии, составленный В.В. Малецкой и посвященный профессору Х.Ч. Алишиной, специалисту в области тюркологии, диалектологии сибирских татар, ученице и продолжателю научных идей академика Академии наук Республики Татарстан Д.Г. Тумашевой.

В 2021 г. в серии «Университет в лицах» опубликована книга «Ханиса Чайдатовна Алишина: Биобиблиографический указатель», составленный А.В. Долгалёвой. Он содержит 1039 библиографических единиц, из них 355 наименований научных, учебно-методических и публицистических работ, 347 наименований газетных статей и 317 публикаций о профессоре Х.Ч. Алишиной и отделении татарского языка и литературы ТюмГУ. Хронологический охват – более 40 лет. Здесь учтены не только монографии, учебные и методические пособия, статьи в научных сборниках и журналах, но и переводы литературных произведений татарских писателей, публицистика в татарских общественно-политических и литературных журналах и газетах, а также наиболее

существенные рукописные труды – депонированные работы, хранящиеся в библиотеке Института научной информации по общественным наукам РАН, и авторефераты кандидатской и докторской диссертаций, хранящиеся на правах рукописи. Особый колорит придают публикации на татарском языке в многочисленных научных и публицистических периодических изданиях, выходящих в Татарстане, Тюмени, республиках Центральной Азии, в тюркологических центрах Поволжья и Сибири.

Серию книг Алишиной Х.Ч. «Жизнь замечательных людей», насчитывающей 20 томов, мы считаем уникальной «историей татарского народа в лицах». Основные научные результаты по теоретическим аспектам татарского языкознания изложены в 6 монографиях, выполненных на высоком научном уровне, 10 диссертациях, более 700 статьях и публикациях, в том числе в журналах Scopus, Web of Science для гуманитарных и социальных наук.

Высокоцитируемой работой по праву признана монография Х.Ч. Алишиной «Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области)», которая по данным РИНЦ, входит в 10% лучших публикаций по данному научному направлению за все годы. Далее среди самых цитируемых работ Ханисы Чайдатовны стоит отметить монографию «Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар» и коллективную монографию «История и культура татар Западной Сибири». По данным Российского индекса научного цитирования фиксируется 318 ссылок на ее научные публикации. Научные статьи Х.Ч. Алишиной чаще всего выходят в ежегодниках «Тюркологический сборник», «Филологический дискурс», в журналах «Российская тюркология», «Магариф», «Вестник Тюменского государственного университета», «Сибирский филологический журнал» и др.

Помимо публикационной деятельности, Ханиса Чайдатовна ведет продуктивную научно-редакционную работу, она является членом редакционного совета журнала «Российская тюркология», международного научного журнала «Tatarica», журнала «Фэнни Татарстан», федеральной просветительской газеты «Татарский мир».

Ханиса Чайдатовна Алишина стоит у истоков тюркологической школы в Тюменском государственном университете и в Тюменской области. Профессор ведет большую преподавательскую, научно-методическую и организационную работу во все годы ее работы в вузе на разных должностях. Отделение татарского языка и литературы в ТюмГУ было открыто и более двух десятилетий успешно работало благодаря именно ее неимоверным усилиям и каждодневному самоотверженному труду.

Важной составной частью всей профессиональной деятельности ученой была и остается подготовка научно-педагогических кадров, аспирантов, чему по сегодняшний день Ханиса Чайдатовна отдает много сил и энергии. В заданном ею научном направлении выпускниками ТюмГУ и ТГПИ им. Д.И. Менделеева защищено около 30 кандидатских и докторских диссертаций в Тюмени, Тобольске, Казани. Под ее непосредственным руководством защищены 115 выпускных квалификационных работ, 10 кандидатских диссертаций.

Будучи первым доктором филологических наук и единственным профессором тюркологии, она была инициатором создания совместного диссертационного совета ТюмГУ и ТГПИ по специальности 10.02.02 «Языки народов РФ. Татарский язык». Кроме того, являлась членом еще двух Диссертационных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук при Тюменском государственном университете по специальностям «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», «Языки народов РФ. Русский язык». Молодые ученые, защитившие в них свои работы, плодотворно трудятся на территории всей России, Тюменской области, в том числе ХМАО, ЯНАО, а также в Республике Татарстан.

В 2014 г. приказом ректора В.Н. Фалькова профессор Х.Ч. Алишина назначена директором центра тюркологии ТюмГУ. Центр тюркологии поддерживает активные научные контакты с Москвой, Новосибирском, Башкортостаном, Калмыкией, Крымом, Татарстаном, Тывой, Хакасией, Саха-Якутией и другими тюркоязычными регионами Российской Федерации. Х.Ч. Алишина вносит большой вклад в развитие национальной филологии и образовательного пространства на федеральном уровне. В частности, она принимает активное участие в деятельности вузов Республики Башкортостан в подготовке научных и педагогических кадров по башкирской и татарской филологии, участвует в работе диссертационного совета Башкирского государственного университета в качестве официального оппонента, составляет отзывы ведущих организаций кандидатских и докторских диссертаций, систематически рецензирует авторефераты, научные труды, учебники и учебные пособия, составленные кафедрами башкирской и татарской филологий. Профессор оказывает всемерную поддержку соискателям научных степеней, чьи защиты проходят в диссертационных советах Казанского, Башкирского, Калмыцкого, Чувашского, Тобольского и других вузов и академий Российской Федерации.

Х.Ч. Алишина принимает деятельное участие в работе кафедры татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, кафедры татарской и чувашской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, в организации их учебно-воспитательного процесса, научно-исследовательской деятельности и повышения кадрового потенциала, в повышении академической мобильности студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. С 2015 г., возглавив Государственную экзаменационную комиссию в Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского по направлениям подготовки «Крымскотатарский язык и литература», «Арабский язык и литература», «Турецкий язык и литература», «Персидский язык и литература», а также по аттестации аспирантов, Ханиса Чайдатовна Алишина положила начало плодотворному сотрудничеству Крыма и Сибири.

Гос. экзамены в КФУ им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2017 г.

Активное сотрудничество на протяжении ряда лет с Калмыцким государственным университетом им. Б.Б. Городовикова началось с научной конференции в рамках международного проекта «Сетевое востоковедение», посвященной монголоведу и тюркологу В.И. Рассадину. Ректорат Калмыцкого государственного университета включил профессора Х.Ч. Алишину в состав внутривузовского гранта по приоритетным научным направлениям «Сложение пласта материаль-

ной лексики в тюркских и монгольских языках» (на материале терминов одежды, обуви и украшений)».

Среди ведущих ученых Тюменского госуниверситета профессор Х.Ч. Алишина занимает особое место. Немного найдется специалистов, которые помимо профессиональных научных и педагогических интересов ведут еще и подвижническую общественно-значимую деятельность. Ханиса Чайдатовна вносит существенный вклад в гармонизацию межнациональных отношений в Тюменской области. Будучи членом Общественной палаты Тюменской области, членом регионального отделения Российского профессорского собрания, она активно участвует в просвещении молодежи и школьников. С 2013 г. возглавляет комиссию по проведению областных олимпиад по татарскому языку и литературе, руководит работой жюри на конкурсах «Лучший учитель татарского языка и литературы Тюменской области». Профессор ТюмГУ Ханиса Чайдатовна Алишина популяризирует труды сибирских ученых, поэтов, писателей, общественных деятелей и деятелей искусства и культуры, которые внесли значительный вклад в развитие тюркологии в целом и татарского языка, культуры, в частности. Это, несомненно, важная работа, которая требует большой включенности в научную, общественную, культурную жизнь народа.

Профессор Х.Ч. Алишина была делегатом съездов татарского народа, проводимых Всемирным конгрессом татар в Казани. Она избрана в состав общественного совета при Департаменте образования и науки Тюменской области, национально-культурной автономии татар Тюменской области, координационного совета национально-культурных и конфессиональных объединений Тюменской области, Ассамблеи народов Российской Федерации.

Личность Ханисы Чайдатовны, с учетом многообразной и широкой научной, образовательной, общественной деятельности, привлекала и по сей день вызывает интерес у ее коллег и многочисленных учеников. О ней написаны десятки статей в средствах массовой информации, в них раскрывается ее личная и творческая судьба, интересы, достижения, любовь к своему народу и родному языку.

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН и редакция журнала «Российская тюркология» присоединяется к юбилейным поздравлениям и выражает огромную признательность Ханисе Чайдатовне Алишиной за многолетнюю плодотворную деятельность в составе комитета и редколлегии.

Некоторые опубликованные монографии

Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар: монография / Х.Ч. Алишина. – Казань, 1994. – 118, [2] с. {The Tobolsk and Irtysh dialect of the Siberian Tatars: A monograph / Kh.Ch. Alishina. – Kazan, 1994. – 118, [2] p.}

Язык сибирских (тоболо-иртышских) татар: монография / Х.Ч. Алишина. – 2-е изд., доп. и перераб. – Тюмень: Печатник, 2019. – 198 с.+карты. {The language of Siberian (Tobolsk and Irtysh) Tatars: A monograph / Kh.Ch. Alishina. – 2nd edition, revised and extended. – Tyumen: Pechatnik, 2019. – 198 p., with maps.}

Ономастикон сибирских татар: (на материале Тюменской области): монография: [в 2 ч.] / Х.Ч. Алишина; науч. ред.: Г.Ф. Саттаров, Н.К. Фролов. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 1999. {The Onomasticon of Siberian Tatars: (based on the data of

- Tyumen region): A monograph: [in 2 parts] / Kh.Ch. Alishina; scientific edition by G.F. Sattarov, N.K. Frolov. – Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 1999.}
- Исторический ономастикон сибирских татар: монография / Х.Ч. Алишина. – 2-е изд., доп. и перераб. – Тюмень: Печатник, 2016. – 576 с.) {The historical onomasticon of Siberian Tatars: A monograph / Kh.Ch. Alishina. – 2nd edition, revised and extended. – Tyumen: Pechatnik, 2016. – 576 p.}
- Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар междуречья Нижней Оби и Иртыша (XX век): монография / Х.Ч. Алишина, Л.Х. Маликова. – Тюмень: Печатник, 2014. – 170 с. {A historical and linguistic research on anthroponymy of Tatars of the Lower Ob-Irtysh interfluvium (the 20th century): A monograph / Kh.Ch. Alishina, L.Kh. Malikova. – Tyumen: Pechatnik, 2014. – 170 p.}
- Тюркская топонимия юга Тюменской области: монография / Х.Ч. Алишина, З.М. Калгаманова. – Тюмень: Печатник, 2012. – 170 с. {Turkic toponymy of the southern Tyumen region: A monograph / Kh.Ch. Alishina, Z.M. Kalgamanova. – Tyumen: Pechatnik, 2012. – 170 p.}
- Названия селений сибирских татар: на материале Тюменской области: монография / Х.Ч. Алишина, Г.М. Ниязова; науч. ред. Н. К. Фролов. – Тюмень: Экспресс, 2004. – 198 с. {The names of Siberian Tatar settlements: based on the data of Tyumen region: A monograph / Kh.Ch. Alishina, G.M. Niyazova; scientific edition by N.K. Frolov. – Tyumen: Express, 2004. – 198 p.}

Некоторые опубликованные книги в серийном оформлении «ЖЗЛ»

- Диляра Тумашева – выдающийся тюрколог XX столетия: ст., воспоминания / Авт.-сост.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2011. – 73 с. {Dilyara Tumasheva as a prominent turkologist of the 20th century: articles, memories / Author-compiler: Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2011. – 73 p.}
- Азат Сагитов – первый редактор областной татарской газеты «Янарыш»/«Янарыш» / Авт.-сост.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2011. – 75 с. {Azat Saghitov as the first editor of the regional Tatar newspaper “Yanarysh”/ Author-compiler: Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2011. – 75 p.}
- Люция Хабибуллина – первый исследователь истории школ и литературы сибирских татар / Авт.-сост.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2011. – 186, [12] с. – {Lucia Khabibullina - the first researcher of the history of schools and literature of the Siberian Tatars / Author-compiler: Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2011. – 186 [12] p.}
- Рашида Бакиева – заслуженный учитель школы Российской Федерации / Авт.-сост.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Янарыш/ Янарыш, 2012. – 72, [2] с. {Rashida Bakiyeva as a honored teacher of the Russian Federation / Author-compiler: Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Yanarysh, 2012. – 72, [2] p.}
- Буллат Сулейманов – основоположник литературы сибирских татар / Авт.-сост.: Х.Ч. Алишина, Г.Н. Ахметова. – Тюмень: Печатник, 2013. – 119, [3] с. {Bulat Suleymanov as the founder of Siberian Tatar literature / Authors-compilers: Kh.Ch. Alishina, G.N. Akhmetova. – Tyumen: Pechatnik, 2013. – 119, [3] p.}
- Хамит Ярми – доктор филологических наук, первый татарский ученый-фольклорист / Авт.-сост.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2014. – 64, [3] с. {Khamit Yarmi: Dr. Habil in Philology, the first Tatar folklore scholar / Author-compiler: Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2014. – 64, [3] p.}
- Клим Садыков – педагог, ученый, общественный деятель / Авт.-сост.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2015. – 176 с. {Klim Sadykov as a pedagogue, scientist, and a public figure / Author-compiler: Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2015. – 176 p.}
- Люция Хабибуллина – выдающийся деятель татарской культуры и образования, заслуженный педагог, ветеран войны и труда / Авт.-сост.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2018. – 194 с. {Lutsia Khabibullina as a prominent figure of Tatar culture and education, a honored pedagogue, war and labour veteran / Author-compiler: Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2018. – 194 p.}
- Буллат Сулейманов и его наследие в отечественной культуре / Авт.-сост., ред.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2019. – 456 с. {Bulat Suleymanov and his heritage in national culture / Author-compiler, editor: Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2019. – 456 p.}
- Айдер Меметов – выдающийся сын крымскотатарского народа / Авт.-сост.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2019. – 153 с. {Ayder Memetov as a prominent son of the Crimean Tatar people / Author-compiler: Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2019. – 153 p.}

Шаукат Гадельша – певец родной земли, гордость татарского народа / Составители: Х.Ч. Алишина, М.Ш. Сибгатуллина; отв. ред.: Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2019. – 185 с. {Shaukat Gadelsha as the singer of homeland, glory of the Tatar nation / Authors-compilers: Kh.Ch. Alishina, M.Sh. Sibgatullina; executive edition by Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2019. – 185 p.}

Литература о Х.Ч. Алишиной

Алишина Ханиса Чавдатовна // Казанская лингвистическая школа: справочник-энциклопедическое издание / Сост.: М.З. Закиев; отв. ред.: Г.Х. Гильманов. – Казань, 2008. – Кн. 1: Казанская тюркская лингвистическая школа. – С. 105–108. – (Творческие портреты ведущих татарских лингвистов II пол. XX в.). {Alishina Khanisa Chavdatovna // The Kazan school of linguistics: an encyclopaedic guide / Edited by M.Z. Zakiyev; executive editor: G.Kh. Ghilmanov. – Kazan, 2008. – Book 1: The Kazan Turkic school of linguistics. – PP. 105–108. – (Life sketches of prominent Tatar linguists of the second half of the 20th century).}

Алишина Ханиса Чавдатовна // Профессора: очерки, интервью, зарисовки и информация о профессорах Тюменского государственного университета / Рук.: Г.Н. Чеботарев; очерки, интервью, зарисовки о профессорах Тюменского государственного университета: И.Я. Гецевич; сост. ил. материала: И.В. Чернявский; фот.: Д. Зиновьев. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010. – С. 15–16. – (80 лет Тюменскому государственному университету). {Alishina Khanisa Chavdatovna // The Professors: essays, interviews, sketches on professors of Tyumen State University / Editor-in-chief: G.N. Chebotarev; essays, interviews, sketches on the professors of Tyumen State University: I.Ya. Getsevizh; image editing by I.V. Chernyavskiy; photographs by D. Zinoviyeu}. – Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2010. – PP. 15–16. – (To the 80th anniversary of Tyumen State University).}

Алишина Ханиса Чавдатовна (29.05.1953, г. Тюмень) // Больше чем наука: книга о филологии и филологах Тюменского государственного университета / Редколл.: А.М. Корокотина, Л.А. Летаева, В.Н. Сушкова. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. – С. 143–144. {Alishina Khanisa Chavdatovna (born on May 29th, 1953, Tyumen) // More than a science: a book on philology and philologists at the Tyumen State University / Editorial board: A.M. Korokotina, L.A. Letayeva, V.N. Sushkova. – Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2008. – PP. 143–144.}

Алишина Ханиса Чавдатовна // Татарская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред.: М.Х. Хасанов; отв. ред.: Г.С. Сабирзянов. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А–В. – С. 111. {Alishina Khanisa Chavdatovna // The Tatar Encyclopaedia: in 5 vols. / Editor-in-chief: M.Kh. Khasanov; executive editor: G.S. Sabirzyanov. – Kazan: Institute of the Tatar Encyclopaedia of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2002. – Vol. 1: A–V. – P. 111.}

Алишина Ханиса Чавдат кызы // Татар энциклопедия сүзлеге = Татарский энциклопедический словарь / Баш мөхәррир: М.Х. Хәсәнев; җаваплы мөхәррир: Г.С. Сабиржанов. – Казан: ТР ФА Татар энциклопедиясе институты, 2002. – С. 32. {Alişina Xänisä Çavdat qızı // The Tatar encyclopaedic dictionary / Editor-in-chief: M.X. Xäsänev; executive editor: G.S. Sabircanov. – Kazan: Institute of the Tatar Encyclopaedia of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2002. – P. 32.} (In Tatar.)

Ханиса Алишина (1953) // Татар диалектологиясе: биобиблиографик белешмә = Татарская диалектология: биобиблиографический справочник / И.С. Насипов. – Стәрлетамак, 2004. – С. 85–87. – (Биографик белешмә). {Xanisä Alişina (born in 1953) // Tatar dialectology: a biobibliographical guide / I.S. Nasipov. – Sterlitamak, 2004. – PP. 85–87. – (Biographical guide).} (In Tatar.)

Хәнисә Алишина // Әдипләребез: биобиблиографик белешмәлек = Наши писатели: биобиблиограф. справочник / Төз.: Р.Н. Даутов, Р.Ф. Рахмани. – Казан, 2009. – Т. 1: А–К. – С. 36–37. {Xänisä Alişina // Our writers: a biobibliographical guide / Compiled by R.N. Dautov, R.F. Raxmani. – Kazan, 2009. – Vol. 1: A–K. – PP. 36–37.}

У истоков тюменской тюркологии (к 65-летию со дня рождения Ханисы Чавдатовны Алишиной) // Российская тюркология. – 2018. – № 1–2 (18–19). – С. 112–116. {At the outset of Tyumen

- Turkology (to the 65th anniversary of Khanisa Chavdatovna Alishina) // Russian Turkology. – 2018. – No. 1–2 (18–19). – PP. 112–116.}
- Ханиса Чавдатовна Алишина // Первый вуз земли Тюменской: 1930–2005 / Гл. ред.: Г.Ф. Шафранов-Куцев. – Тюмень, 2005. – С. 264. {Khanisa Chavdatovna Alishina // The first high school of the Tyumen land: 1930–2005 / Editor-in-chief: G.F. Shafranov-Kutsev. – Tyumen, 2005. – P. 264.}
- Ханиса Чавдатовна Алишина: биобиблиогр. указ / Сост.: В.В. Малецкая; отв. ред., авт. вступ. ст. и заключения: А.Г. Еманов. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. – 92 с. – (Docti primarii universitatis Tjumeniensis; vol. spec.). {Khanisa Chavdatovna Alishina: a biobibliographical guide / Edited by V.V. Maletskaya; executive editor, introduction, and conclusion: A.G. Yemanov. – Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2013. – 92 p. – (Docti primarii universitatis Tjumeniensis; vol. spec.).}
- Ханиса Чавдатовна Алишина: биобиблиографический указатель / Составитель: А.В. Долгалева; редакторы, авторы вступительной статьи и заключения: А.Г. Еманов, Н.В. Лабунец; фотограф: Д. Зиновьев. – Тюмень: Печатник, 2021. – 172 с. – (Университет в лицах. Профессора. Вып. 3.) {Khanisa Chavdatovna Alishina: a biobibliographical guide / Compilation by A.V. Dolgalyova; editors, authors of introduction and conclusion: A.G. Yemanov, N.V. Labunets; photographer: D. Zinoviyev. – Tyumen: Pechatnik, 2021. – 172 p. – (The persons of University. Professors. Issue 3.)}

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2023. № 1–2 (38–39), pp. 175–181. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-175-181

**ЛИТЕРАТУРОВЕД, ТЕКСТОЛОГ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БАШКОРТОСТАНА
(К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.Ш. СИБАГАТОВА)**

Гиниятулла Сафиуллович Кунафин¹

Юлай Валиевич Псянчин²

Салават Зямилович Ахмадуллин³

¹ Академия наук Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент
e-mail: kunafin46@bk.ru

² ГАУ Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии,
г. Уфа, Россия
доктор филологических наук, профессор
e-mail: yulayps@yandex.ru

³ Центр истории народов России и межэтнических отношений
Института российской истории РАН, г. Москва, Россия
кандидат исторических наук, научный сотрудник
e-mail: salahmad@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Кунафин Г.С., Псянчин Ю.В., Ахмадуллин С.З., 2023

Для цитирования: Кунафин Г.С., Псянчин Ю.В., Ахмадуллин С.З. Литературовед, текстолог и исследователь истории национальной периодической печати Башкортостана (к 50-летию со дня рождения Ф.Ш. Сибгатова). // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 175–181. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-175-181.

**Literary scholar, textologist and researcher
of the history of national periodicals of Bashkortostan
(to the 50th anniversary of F.Sh. Sibagatov)**

Ghiniyatulla Safiullovich Kunafin¹

Yulay Valiyevich Psyanchin²

Salavat Zyamilovich Akhmadullin³

¹ Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor, Associate Member
e-mail: kunafin46@bk.ru

² Bashkir Research Center for Beekeeping and Apiotherapy, Ufa, Russia
Dr. Habil. in Philology, Professor
e-mail: yulayps@yandex.ru

³ Center of History of the Peoples of Russia and Inter-Ethnic Relations,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ph.D. in History, Researcher
e-mail: salahmad@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Kunafin G.S., Psysanchin Yu.V., Akhmadullin S.Z., 2023

For citation: *Kunafin Gh.S., Psysanchin Yu. V., Akhmadullin S.Z.* Literary scholar, textologist and researcher of the history of national periodicals of Bashkortostan (to the 50th anniversary of F.Sh. Sibagatov) // Russian Turkology. 2023. № 1–2 (38–39). PP. 175–181. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-175-181.

Исполнилось 50 лет со дня рождения Флюра Шарифуллиновича Сибгатов, ученого-литературоведа, кандидата филологических наук, доцента, члена Союза журналистов Республики Башкортостан и Российской Федерации, заведующего отделом рукописей и редких изданий Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди Республики Башкортостан.

Флюр Шарифуллинович Сибгатов родился 1 ноября 1973 г. в д. Ямашта Белорецкого района. В 1991 г. окончил Ассинскую среднюю школу и поступил на факультет башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета. В 1996–1999 гг. обучался в очной аспирантуре при кафедре башкирской литературы и фольклора, был стипендиатом Президента Республики Башкортостан. В 2000 г. под руководством доктора филологических наук, профессора Р.Н. Баимова защитил кандидатскую диссертацию на тему «Художественное отражение коранических мотивов в башкирской литературе». Одновре-

менно с учебой в очной аспирантуре при кафедре башкирской литературы и фольклора в 1996–2000 гг. Ф.Ш. Сibaгатов работал научным сотрудником отдела рукописей и редких книг Национальной библиотеки РБ им. А.-З. Валиди.

С сентября 2000 г. трудился в Башкирском государственном университете, сначала на кафедре башкирской литературы и фольклора (башкирской литературы, фольклора и культуры), с 2017 по 2019 гг. – на кафедре журналистики. В 2003 г. был избран на должность доцента, а ученое звание доцента было присуждено Министерством образования РФ в марте 2006 г.

В период работы в университете вел такие учебные дисциплины, как «История башкирской литературы» (до начала XX в.), «Восточная литература», «Поэтика восточной литературы», «Текстология», на кафедре журналистики – «Теория и практика перевода», «История зарубежной журналистики», «Профессиональная этика журналиста» и др.

За период работы в университете и Национальной библиотеке Ф.Ш. Сibaгатов проявил себя эрудированным преподавателем и квалифицированным научным сотрудником, организатором научного процесса в академической системе. Основные направления научной деятельности: история и теория развития башкирской литературы, фольклор, история развития национальной периодической печати, проблемы текстологии, башкирско-тюрко-мусульманские межкультурные и межлитературные связи, исламоведение и др.

По результатам исследований Ф.Ш. Сibaгатовым издано более 180 научных трудов и публикаций, в числе которых наиболее значительными являются статьи, опубликованные в Астане, Душанбе, Туркестане, Москве, Санкт-Петербурге, Майкопе, Бахчисарае, Карачаевске, Махачкале, Саранске, Элисте, Казани, Черкесске, Якутске и др. Из них около 90 публикаций – по востоковедческой проблематике (тюркология, исламоведение, востоковедение). Выступал с докладами на различных международных, всероссийских и региональных конференциях. Также принимает активное участие в мероприятиях, проводимых Обществом востоковедов России, Российским комитетом тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН и в ежегодных заседаниях Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир», XII Международной научно-практической конференции «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века». Выступает рецензентом ряда научных журналов ВАК и РИНЦ.

Наряду с преподавательской деятельностью, Ф.Ш. Сibaгатов работал в структурах Академии наук Республики Башкортостан. В 1999–2008 гг. был ответственным секретарем научно-гуманитарного журнала Академии наук Республики Башкортостан «Ядкяр», в 2009–2010 гг. – заместителем главного редактора научного журнала Академии наук Республики Башкортостан «Проблемы востоковедения». Кроме того, в 2003–2017 гг. исполнял обязанности ученого секретаря Научного совета по литературоведению и искусствоведению Академии наук Республики Башкортостан, был членом Экспертного совета по литературоведению и фольклористике Отделения гуманитарных наук Академии наук (2003–2017). Он – член Союза журналистов Республики Башкортостан и Российской Федерации (2017), член жюри межрегионального конкурса «Башкорт теле һәм әдәбиәте укытыусыһы» («Учитель башкирского языка и литературы», 2015), «Урал батыр» (2017) и др.

Ф.Ш. Сibaгатов является основоположником нового направления в башкирском литературоведении – изучения влияния религиозных, коранических тради-

ций на национальную художественную словесность. Исследования Ф.Ш. Сибгатов вносят серьезный вклад в освещение истории и теории башкирской литературы благодаря вводу в научный оборот ранее неизвестных материалов, представляющих общекультурную ценность. В его монографиях проанализированы процессы отражения коранических мотивов в башкирской литературе [Сибгатов 2001], проблемы духовной литературы [Сибгатов 2015] и влияние данных традиций на творчество поэтов начала XX в. [Сибгатов 2020].

На протяжении многих лет Ф.Ш. Сибгатов работает над изучением истории развития национальной периодической печати, которая требует от исследователя знания языков и была связана с трудностями поисков источниковой базы. Например, книга «Башкорт эзэбиэтенәң йылъязмаһы» («Летопись башкирской литературы») [Сибгатов 2023] стала первым полноценным монографическим исследованием в области башкирской журналистики, посвященным истории становления и развития одного периодического издания на примере российского ежемесячного литературно-публицистического журнала на башкирском языке «Ағизел» в контексте становления и развития башкирской национальной печати в целом.

В 2020 г. по распоряжению Правительства Республики Башкортостан Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бишевой начало издавать серию «Выдающиеся личности Башкортостана». В числе первых книг было издано монографическое исследование Ф.Ш. Сибгатова «Мажит Гафури: новый взгляд на творчество поэта». В книге на основе обширных научно-теоретических и фактических материалов проанализированы произведения первого народного поэта Башкортостана Мажита Гафури (1880–1934) в контексте восточной, в том числе арабо-мусульманской культуры на определенных этапах его творчества. «Особенность книги в том, что ее первую часть составляет авторский анализ творчества М. Гафури с новой точки зрения, вторая часть представляет в новой интерпретации художественные произведения писателя, хранящиеся в архивных документах. Такая оценка была дана впервые», – отметил в свое время председатель Союза писателей Республики Башкортостан, депутат Государственного собрания-Курултая Республики Башкортостан З.А. Алибаев.

Кроме того, Ф.Ш. Сибгатов в составе коллектива авторов участвовал в издании книг «Караван-Сарай в Оренбурге – историко-культурный памятник России» (2022), «Научное наследие государственных деятелей, стоявших у истоков создания Башкирской республики» Т. 2, 3 (2023) и др.

В «Научном наследии государственных деятелей...» собраны работы ряда государственных и общественных деятелей, стоявших у истоков создания Башкирской Республики, посвященные истории и этнографии башкирского народа, революции и Гражданской войне в Башкирии, общественно-политическим вопросам, стоявшим перед Башкирской автономией в то время. Большая часть работ впервые транслитерирована на башкирский язык и переведена на русский язык.

В октябре 2019 г. Ф.Ш. Сибгатов перешел на должность заведующего отделом рукописей и редких книг Национальной библиотеки РБ им. А.З. Валиди. В данный момент отдел, имея в штате научных сотрудников, проводит научные исследования в области арабской, персидской и турецкой литературы и культуры.

В последние годы Ф.Ш. Сибгатов постоянно принимает участие в качестве организатора или консультанта при проведении различных научных и культурных

мероприятий республиканского, межрегионального и всероссийского масштабов, организует и проводит Круглые столы по актуальным вопросам с участием ученых, депутатов, в том числе и федерального уровня, и общественности, делает видеообзоры и презентации книг, проводит лекции и онлайн-лекции по истории книгоиздания и развития отечественной и зарубежной журналистики, часто выступает по телевидению и радио. Является постоянным участником научного диалога между специалистами по российской культуре и культурам стран Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Ф.Ш. Сибатов выступил руководителем Государственной научно-технической программы Республики Башкортостан за 2013 г. «Особенности поэтики башкирской литературы начала XX века» и «Письменное наследие башкирского народа – из глубины столетий (составление 1 тома)» за 2014 г. В качестве исполнителя участвовал в семи республиканских и российских грантах.

С января по март 2020 г. Ф.Ш. Сибатов провел курсы по изучению старотюркского языка, которые получили положительные отзывы в Башкортостане. Информация об этом была представлена во всех республиканских и федеральных СМИ. Выпускница курсов Л. Мусина при консультации своего руководителя написала «Букварь по изучению старотюркского языка». Апробация курсов показала необходимость и популярность мероприятия среди населения республики и стала основой заявки на соискание гранта Президента Российской Федерации на организацию онлайн-курсов.

Ф.Ш. Сибатов постоянно занимается повышением квалификации. Кроме базового филологического, имеет диплом о дополнительном профессиональном образовании (переподготовка) по направлению «Журналистика» (2017) и «Библиотечно-информационная деятельность» (2020).

Ф.Ш. Сибатов имеет ряд поощрений: Диплом стипендиата Ученого совета БГУ (2003, 2004, 2006), Медаль Госкомстата РФ «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2002 года» (2003), Благодарность Министра образования Республики Башкортостан (2006), Почетную грамоту Башкирского государственного университета (2009), Лауреат республиканских журналов «Агидель» (2008), «Башкортостан укытыусыһы» («Учитель Башкортостана», 2015), Благодарственное письмо Администрации Гафурийского района Республики Башкортостан (2008), Администрации Кировского района г. Уфы (2020), Благодарственные письма Министерства образования Республики Башкортостан (2013, 2015, 2016, 2018), Благодарственное письмо Министерства культуры Республики Башкортостан (2021), Благодарственное письмо заместителя губернатора Челябинской области А.А. Векшина (2021), Почетную грамоту Министерства культуры Республики Башкортостан (2023).

Коллеги поздравляют Флюра Шарифулловича с юбилеем и желают ему новых научных и творческих свершений!

БСТ**ИНТЕРВЬЮ****Флюр Сибатов**

Библиография основных трудов Ф.Ш. Сибгатов
(в области тюркологии и связанных с тюркологической проблематикой)

- Сибгәтов 2001 – *Сибгәтов Ф.Ш.* Башкорт әзбиәтендә Көрһән мотивтары. – Өфө: Гилем, 2001. – 148 б. [*Сибгатов Ф.Ш.* Коранические мотивы в башкирской литературе. – Уфа: Гилем, 2001. – 148 с.] {*F.Sh. Sibagatov.* Koranic motifs in Bashkir literature. – Ufa: Ghilem, 2001. – 148 p.} (in Bashkir.)
- XX быуат башкорт әзбиәте 2003 – XX быуат башкорт әзбиәте тарихы. Юғары укыу йорттары өсөн дәреслек / *Р.Н. Баимов, З.Я. Шарипова, Г.Н. Гареева, Ф.Ш. Сибгәтов, З.А. Әлибаев, Р.Д. Мустафина.* – Өфө: Башкорт дәүләт университеты, 2003. – 576 б. [История башкирской литературы XX века. Учебник для высших учебных заведений / *Р.Н. Баимов, З.Я. Шарипова, Г.Н. Гареева, Ф.Ш. Сибгатов, З.А. Алибаев, Р.Д. Мустафина.* – Уфа: Башкирский государственный университет, 2003. – 576 с.] {History of Bashkir literature of the 20th century. Textbook for higher educational institutions / *R.N. Baimov, Z.Ya. Sharipova, G.N. Gareeva, F.Sh. Sibagatov, Z.A. Alibaev, R.D. Mustafina.* – Ufa: Bashkir State University, 2003. – 576 p.} (in Bashkir.)
- Сибгәтов 2003 – *Сибгәтов Ф.Ш.* Йылдар тауышы. Башкорт журналистикаһы тарихы буйынса укыу кулланмаһы. – Өфө: Башкорт дәүләт университеты, 2003. – 104 б. [*Сибгатов Ф.Ш.* Голос веков. Учебное пособие по истории башкирской журналистики. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2003. – 104 с.] {*F.Sh. Sibagatov.* Voice of the ages. A textbook on the history of Bashkir journalism. – Ufa: Bashkir State University, 2004. – 104 p.} (in Bashkir.)
- Сибгәтов 2004 – *Сибгәтов Ф.Ш.* Ислам: дин, әзип, әзбиәт. Монография. – Өфө: Гилем, 2004. – 96 б. [*Сибгатов Ф.Ш.* Ислам: религия, литератор, литература. Монография. – Уфа: Гилем, 2001. – 96 с.] {*F.Sh. Sibagatov.* Islam: religion, writer, literature. A Monograph. – Ufa: Ghilem, 2004. – 96 p.} (in Bashkir.)
- Башкорт халыҡ ижады 2004 – Башкорт халыҡ ижады. Т. 7. Язма кисса һәм дастандар / Төҙөүселәр: *Ә.М. Сөләймәнов, Ғ.Б. Хөсәйенов, М.Х. Нәзерғолов.* Инеш һүз языусы: *Ә.М. Сөләймәнов.* Һүз ахыры: *Ә.М. Сөләймәнов, Ғ.Б. Хөсәйенов, М.Х. Нәзерғолов, Ф. Сибгәтов.* Яуаплы редакторы: *Ә.М. Сөләймәнов.* – Өфө: Китап, 2004. – 624 б. [Башкирское народное творчество. Т. 7. Письменные предания и дастаны / Составители: *А.М. Сулейманов, Г.Б. Хусаинов, М.Х. Надергулов.* Вводное слово: *А.М. Сулейманов.* Послесловие: *А.М. Сулейманов, Г.Б. Хусаинов, М.Х. Надергулов, Ф.Ш. Сибгатов.* Ответ. редактор: *А.М. Сулейманов.* – Уфа: Китап, 2004. – 624 с.] {Bashkir folk art. T. 7. Written legends and dastans / Compiled by *A.M. Suleymanov, G.B. Khusainov, M.Kh. Nadergulov.* Introductory word by *A.M. Suleymanov.* Afterword by *A.M. Suleymanov, G.B. Khusainov, M.Kh. Nadergulov, F.Sh. Sibagatov.* Executive editor: *A.M. Suleymanov.* – Ufa: Kitap, 2004. – 624 p.} (in Bashkir.)
- Әҙәм үә Иблис 2006 – Әҙәм үә Иблис. М. Гафуриҙың басылмаған әсәрҙәре / Текстологик эш, баш һүз, анализ: *Ф.Ш. Сибгәтов,* туплау: *Ф.Ш. Сибгәтов, Л.Ш. Камаева.* – Өфө: Информ реклама, 2006. – 143 б. [Адам и Иблис. Неопубликованные произведения М. Гафури / Текстологическая работа, введение, анализ: *Ф.Ш. Сибгатов,* составители: *Ф.Ш. Сибгатов, Л.Ш. Камаева.* – Уфа: Информ реклама, 2006. – 143 с.] {Adam and Iblis. Unpublished works of M. Ghafuri / Textual work, introduction, analysis by *F.Sh. Sibagatov,* compiled by *F.Sh. Sibagatov, L.Sh. Kamaeva.* – Ufa: Inform reklama, 2006. – 143 p.} (in Bashkir and Russian.)
- Башкирская литература 2009 – Башкирская литература в связи времен (эволюция и межнациональные отношения) / *Р.Н. Баимов, Ф.Ш. Сибгатов, Р.Д. Мустафина, З.А. Алибаев.* – Уфа: Башкирский государственный университет, 2009. – 148 с. {Bashkir literature in connection with times (evolution and interethnic relations) / *R.N. Baimov, F.Sh. Sibagatov, R.D. Mustafina, Z.A. Alibaev.* – Ufa: Bashkir State University, 2009. – 148 p.}
- Сибгатов 2015 – *Сибгатов Ф.Ш.* Духовная литература башкирского народа. – Уфа: Гилем, 2015. – 152 с. {*F.Sh. Sibagatov.* Spiritual literature of the Bashkir people. – Ufa: Ghilem, 2015. – 152 p.}
- Сибгатов 2018 – *Сибгатов Ф.Ш.* Башкирское устное народное творчество. Программа для бакалавров направления подготовки 45.03.01 – филология. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. – 22 с. {*F.Sh. Sibagatov.* Bashkir oral folk art. Program for bachelors of 45.03.01 – philology. – Ufa: Bashkir State University, 2018. – 22 p.}
- Сибгәтов 2018 – *Сибгәтов Ф.Ш.* Башкорт халыҡ ижадын йыйыу буйынса методик кулланма. 45.03.01 – филология. Өҙерләү профиле “Ватан филологияһы” (башкорт теле һәм әзбиәте, сит

- телдәр) өсөн программа. – Өфө: Башкорт дәүләт университеты, 2018. – 18 б. [*Сибгатов Ф.Ш.* Методическое пособие по сбору башкирского народного творчества. 45.03.01 – филология. Профиль подготовки «Отечественная филология» (башкирский язык и литература, иностранные языки). – Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. – 18 с.] [*F.Sh. Sibgatov.* Methodological manual for collecting Bashkir folk art. 45.03.01 – philology. Profile of training: “Domestic philology” (Bashkir language and literature, foreign languages). – Ufa: Bashkir State University, 2018. – 18 p.] (in Bashkir.)
- Аглиуллина, Сибгатов, Кудакеев 2018 – *Аглиуллина К.И., Сибгатов Ф.Ш., Кудакеев Ф.Ш.* Становление и развитие печати и СМИ в Башкортостане. Краткая история. Монография. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. – 96 с. {*K.I. Agliullina, F.Sh. Sibgatov, F.Sh. Kudakayev.* Formation and development of the press and media in Bashkortostan. Short history. A Monograph. – Ufa: Bashkir Encyclopaedia, 2018. – 96 p.}
- Сибгатов 2020 – *Сибгатов Ф.Ш.* Мажит Гафури: новый взгляд на творчество поэта. Монография. – Уфа: Китап, 2020. – 280 с. {*F.Sh. Sibgatov.* Mazhit Gafuri: a new look at the poet's work. A Monograph. – Ufa: Kitap, 2020. – 280 p.}
- Караван-сарай 2022 – Караван-сарай в Оренбурге. Историко-культурный памятник России / Составитель: *Р.Н. Рахимов*. Коллектив авторов: *Аккубеков Р.Ю., Бадранов А.Ш., Попова К.Ю., Рахимов Р.Н., Сабирова З.Р., Салихов А.Г., Сибгатов Ф.Ш., Хакимов С.Х.* – Уфа: Китап, 2022. – 192 с. {*Caravanserai in Orenburg. Historical and cultural monument of Russia / Compiled by R.N. Rakhimov. Team of authors: R.Yu. Akkubekov, A.Sh. Badranov, K.Yu. Popova, R.N. Rakhimov, Z.R. Sabirova, A.G. Salikhov, F.Sh. Sibgatov, S.Kh. Khakimov.* – Ufa: Kitap, 2022. – 192 p.}
- Тюркские языки 2022 – Тюркские языки и литературы в исторической перспективе. Коллективная монография / Авторы: *Акалың Ш.Х., Алексеева О.А., Верховая К.А., Гибаева М.А., Глашев А.А., Ельяшев В.А., Йылмаз М., Кадырова О.М., Каменева О.Н., Караджа Б., Лаврова М.А., Лебедев Э.Е., Лосева-Бахтиярова Т.В., Мызников С.А., Напольнова Е.М., Нуриева Ф.Ш., Образцов А.В., Оганова Е.А., Петрова М.М., Псянчин Ю.В., Пылев А.И., Репенкова М.М., Самситова Л.Х., Сахатова Г.С., Селютин И.Я., Сибгатов Ф.Ш., Софронова Л.В., Субраков А.Д., Сулейманова А.С., Сунгатуллина М.М., Суриков К.А., Телицин Н.Н., Уртегешев Н.С., Учгюль С., Чертыкова М.Д., Чугункова А.Н., Шамина Л.А., Эмба З.Н.* – М., 2022. – 414 с. {*Turkic languages and literatures in historical perspective. A Collective monograph / Authors: Ş.H. Akalın, O.A. Alekseeva, K.A. Verkhova, M.A. Gibaeva, A.A. Glashev, V.A. Elyashevich, M. Yılmaz, O.M. Kadyrova, O.N. Kameneva, B. Karaca, M.A. Lavrova, E.Ye. Lebedev, T.V. Loseva-Bakhtiyarova, S.A. Myznikov, Ye.M. Napolnova, F.Sh. Nuriyeva, A.V. Obratsov, Ye.A. Oganova, M.M. Petrova, Yu.V. Pysanchin, A.I. Pylev, M.M. Repenkova, L.Kh. Samsitova, G.S. Sakhatov, I.Ya. Selyutina, F.Sh. Sibgatov, L.V. Sofronova, A.D. Subrakov, A.S. Suleymanova, M.M. Sungatullina, K.A. Surikov, N.N. Telitsin, N.S. Urtegeshev, S. Üçgöl, M.D. Chertykova, A.N. Chugunkova, L.A. Shamina, Z.N. Ekba.* – Moscow, 2022. – 414 p.}
- Научное наследие 2023а – Научное наследие государственных деятелей, стоявших у истоков создания Башкирской республики. Т. II / *Г.Х. Абдрафикова, Р.Ю. Аккубеков, Р.Н. Рахимов, З.Р. Сабирова, А.Г. Салихов, Ф.Ш. Сибгатов.* – Уфа: Книга-принт, 2023. – 422 с. {*Scientific heritage of statesmen who stood at the origins of the creation of the Bashkir Republic. Vol. II / G.Kh. Abdrafikova, R.Yu. Akkubekov, R.N. Rakhimov, Z.R. Sabirova, A.G. Salikhov, F.Sh. Sibgatov.* – Ufa: Kniga-print, 2023. – 422 p.}
- Научное наследие 2023б – Научное наследие государственных деятелей, стоявших у истоков создания Республики Башкортостан. Т. III / Отв. ред.: *З.Р. Сабирова*. Авт.-сост.: *Г.Х. Абдрафикова, Р.Ю. Аккубеков, Р.Н. Рахимов, З.Р. Сабирова, И.Р. Саитбатталов, А.Г. Салихов, Ф.Ш. Сибгатов, С.Х. Хакимов.* – Уфа: Книга-принт, 2023. – 424 с. {*Scientific heritage of statesmen who stood at the origins of the creation of the Republic of Bashkortostan. Vol. III / Executive editor: Z.R. Sabirova. Authors-comp.: G.Kh. Abdrafikova, R.Yu. Akkubekov, R.N. Rakhimov, Z.R. Sabirova, I.R. Saitbattalov, A.G. Salikhov, F.Sh. Sibgatov, S.Kh. Khakimov.* – Ufa: Kniga-print, 2023. – 424 p.}
- Сибгатов 2023 – *Сибгатов Ф.Ш.* Башкорт эзбиэтенен йылызмаһы («Ағизел» журналына – 100 йыл). – Өфө: «Башкортостан» республика нәшриәте, 2023. – 164 б. [*Сибгатов Ф.Ш.* Летопись башкирской литературы (журналу «Агидель» – 100 лет). – Уфа: Республиканское издательство «Башкортостан», 2023. – 164 с.] [*F.Sh. Sibgatov.* Chronicle of Bashkir literature (the magazine “Aghidel” is 100 years old). – Ufa: Republican Publishing House “Bashkortostan”, 2023. – 164 p.] (in Bashkir.)

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 182–185. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

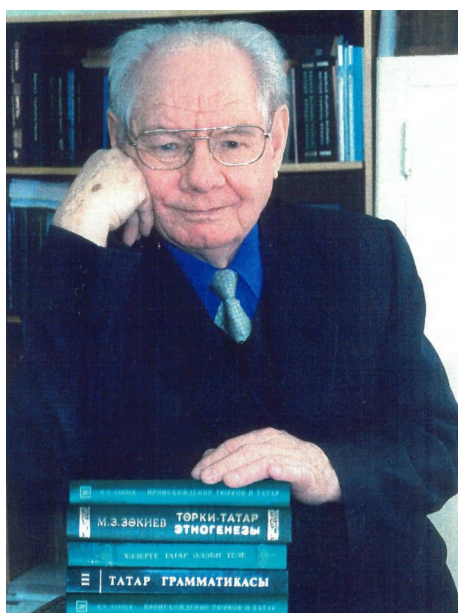
DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-182-185

НЕКРОЛОГИ

ЗАКИЕВ МИРФАТЫХ ЗАКИЕВИЧ **(14.08.1928 – 18.08.2023)**

Mirfatykh Zakiyevich Zakiyev
(14.08.1928 – 18.08.2023)

18 августа 2023 г. в возрасте 95 лет ушел из жизни доктор филологических наук (1963), профессор (1964), академик Академии наук Республики Татарстан (1992), академик Российской академии лингвистических наук, почетный член Турецкого лингвистического общества (2001), заслуженный деятель науки РТ (1970) и РСФСР (1976), лауреат Государственной премии Республики Татарстан по науке и технике (1994) Мирфатых Закиевич Закиев.

Мирфатых Закиевич Закиев родился 14 августа 1928 г. в д. Зайпы Ютазинского района Татарстана. Учился на отделении татарской филологии Казанского университета (1946–1951). В 1954 г. после окончания аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию, был назначен старшим преподавателем кафедры татарского языка и литературы, вскоре его избрали секретарем партийной организации историко-филологического факультета университета.

В 1960–1965 гг. М.З. Закиев работал заведующим кафедрой татарского языка Казанского университета. В 1965 г. его назначили проректором по науке Казанского педагогического института, а в 1967 г. М.З. Закиев стал ректором этого института. На этом посту ему удалось удвоить прием студентов, значительно расширить учебные и жилые площади института, построив учебные здания и общежития. В 1978 г. Казанский пединститут занял первое место среди 205 педвузов СССР.

В июне 1986 г. М.З. Закиев был назначен директором Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР и трудился на этом посту до 2000 г. В 1992 г. действительный член АН РТ М.З. Закиев был избран академиком-секретарем отделения гуманитарных наук, вел эту организационную работу до 2002 г.

Направления научно-исследовательской и общественно-организационной деятельности М.З. Закиева были широки и разнообразны. М.З. Закиев является одним из видных представителей Казанской тюркологической лингвистической школы. Его монографии «Хэзерге татар әдәби теле. Синтаксис» (1958), «Синтаксический строй татарского языка» (1963) стали базовыми фундаментальными исследованиями в данной сфере. М.З. Закиев активно занимался также вопросами фонетики, морфологии и лексикологии.

Такие труды М.З. Закиева, как «Волжские булгары и их потомки» (1993), «Проблемы языка и происхождения волжских татар» (1986), «Татары: проблемы истории и языка» (1995), «Материалы по истории татарского народа» (1995), «Проблемы лингвоэтноистории татарского народа» (1995), «Төрки-татар этногенезы» (1998), посвящены изучению этнической истории через историю тюркских языков.

Большое значение имеют труды М.З. Закиева по языковой политике в России и Татарстане, по проблемам реализации Закона «О языках народов РТ». Он являлся председателем республиканской госкомиссии по подготовке проекта Закона РТ о языках. Этот проект был представлен в 1990 г. и принят в июле 1992 г.

М.З. Закиев часто выступал на республиканских филологических конференциях, делал доклады на общественных и международных тюркологических конгрессах, организованных комитетом тюркологов в Москве, Санкт-Петербурге, Баку, Ташкенте, Алмате, Махачкале, Бишкеке, Новосибирске, Ашхабаде, Нальчике, Казани, Элисте, Уфе и других городах. Он представлял татарскую лингвистическую школу и на зарубежных форумах: в США, Англии, Германии, Венгрии, Югославии, Турции, Вьетнаме.

Большое внимание М.З. Закиев уделял педагогической деятельности и подготовке кадров. В течение ряда лет читал лекции по синтаксису татарского языка,

истории формирования татарского языка, проблемам возрождения и развития языков национальных меньшинств в Казанском государственном университете и Казанском педагогическом институте.

Мирфатых Закиевич – ученый, создавший свою научную школу, внесший большой вклад в подготовку научных кадров. Под его руководством защищено более 60 кандидатских и 18 докторских диссертаций, аспиранты М.З. Закиева продолжают трудиться, прокладывая свой путь в различных областях науки.

М.З. Закиев активно занимался общественной деятельностью. В годы работы ректором Казанского педагогического института он неоднократно избирался депутатом Казанского городского Совета. В 1980 г. стал депутатом Верховного Совета ТАССР, был избран Председателем Верховного Совета, где вел плодотворную организаторскую работу в масштабе республики до 1991 г. В 1990 г. был назначен председателем Правительственной комиссии по составлению проекта Закона «О языках народов РТ». Кроме того, как член Конституционной комиссии он принимал активное участие и в составлении проекта новой Конституции РТ. После принятия в 1994 г. Государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ М.З. Закиев был назначен заместителем председателя Комитета при Кабинете министров РТ по реализации Закона РТ о языках.

Административная, научная и общественная деятельность академика М.З. Закиева была высоко оценена правительством, он был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и «За заслуги перед Республикой Татарстан», десятью медалями и серебряной медалью ВДНХ СССР. Он отличник просвещения СССР, отличник высшей школы СССР. За достижения в области научных исследований М.З. Закиев в 1968 г. был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Татарстана, в 1970 г. удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Татарстана», а в 1976 г. – «Заслуженный деятель науки РФ». Указом Президента РТ от 2 ноября 1994 г. М.З. Закиеву за руководство работой по созданию академической татарской грамматики в трех томах наряду с другими тремя авторами (Ф.А. Ганиевым, Д.Г. Тумашевой, К.З. Зиннатуллиной) была присуждена Государственная премия Республики Татарстан в области науки и техники.

За весь период его научной деятельности автором было опубликовано более 800 научных работ в отечественных и зарубежных изданиях, около 60 монографий по проблемам татарского языка, синтаксиса, истории татарского народа и этнической истории тюркских народов. Его исследования по грамматике татарского языка, истории татарского языкознания, этногенеза тюрков и татар вносят выдающийся вклад в развитие фундаментальной науки, используются в практике преподавания татарского языка. М.З. Закиев вел активную научную деятельность и в области методики преподавания татарского языка в общеобразовательных организациях. Является автором школьных учебников.

Известный всему тюркскому миру языковед Мирфатых Закиевич Закиев имел аналитический склад мышления, умел нести ответственность не только за себя, но и за весь коллектив, проявлял инициативу и не боялся рисковать, умел мотивировать своих учеников, в любых ситуациях сохранял спокойствие.

Мы, его многочисленные ученики, навсегда сохраним о своем наставнике добрую память.

*Коллектив Института истории, языка и литературы
им. Г. Ибрагимова АН РТ,
г. Казань*

Члены Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, сотрудники отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН и редакция журнала «Российская тюркология» выражают искренние соболезнования родным, близким и коллегам Мирфатыха Закиевича.

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 186–189. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 81.11

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-186-189

ХИСАМИТДИНОВА ФИРДАУС ГИЛЬМИТДИНОВНА (01.01.1950–02.10.2023)

**Firdaus Gilmitdinovna Khisamitdinova
(01.01.1950 – 02.10.2023)**

На 74-м году ушла из жизни организатор науки, видный ученый, замечательный педагог, известный лингвист-тюрколог, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель ИИЯЛ УФИЦ РАН Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна.

Фирдаус Гильмитдиновна родилась 1 января 1950 г. в д. Рахметово Абзелиловского района Башкирской АССР в семье Гильмитдина Кунафиевича и Галии Агзамовны.

После окончания школы она поступила в Белорецкое педагогическое училище, а в 1970 г. – в Башкирский педагогический институт на филологический факультет.

Интерес к науке у нее пробудился в стенах данного учебного заведения. Еще в студенческие годы вышла ее первая научная статья в журнале «Советская тюркология». Четверокурсница Ф.Г. Хисамитдинова участвовала в работе научного симпозиума, который проходил в г. Москве. Здесь она познакомилась с Эдгемом Рахимовичем Тенишевым, который впоследствии стал ее научным руководителем.

После окончания института Ф.Г. Хисамитдинова работала в д. Шигаево Белорецкого района, затем в д. Утаймуллинно Аургазинского района учительницей русского языка и литературы. В 1976 г. она поступила в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР, до окончания срока учебы защитила кандидатскую диссертацию и была направлена на работу в Институт истории, языка и литературы БФАН СССР младшим научным сотрудником. В первые годы работы в Институте Фирдаус Хисамитдинова сосредотачивает основное внимание на изучении истории башкирского языка, генезиса системы согласных в связи с этнической историей башкир.

В 1985 г. ее приглашают в Башкирский государственный педагогический институт. Высокий научно-педагогический авторитет, активность и настойчивость, забота о родном языке и подготовке высококвалифицированных кадров позволили Фирдаус Гильмитдиновне убедить руководство педагогического института открыть факультет башкирской филологии, где благодаря ее стараниям были созданы кафедры башкирского языка, башкирской литературы и культуры, открылись башкирско-английское, башкирско-турецкое, башкирско-немецкое отделения, утверждена специальность «Башкирский язык, история и культура Башкортостана».

Свою работу в качестве декана факультета Ф.Г. Хисамитдинова сочетала с исследовательской, научно-организационной и педагогической деятельностью. В ее исследовательской работе в эти годы приоритетным является область башкирской ойконимии. Фирдаус Гильмитдиновна скрупулезно, профессионально исследует этапы формирования башкирской ойконимии XVII–XIX вв., итогом этой работы стала ее монография «Башкирская ойконимия XVI–XIX вв.» (1991). В 1992 г. Фирдаус Гильмитдиновна защитила докторскую диссертацию по истории формирования ойконимической системы башкирского языка в Институте языкознания РАН, стала профессором. В 1992 г. также вышел в свет словарь «Географические названия Башкортостана». Годы работы в Башгоспединституте для Фирдаус Гильмитдиновны также явились периодом разработок учебно-методических комплексов по таким дисциплинам, как «Введение в языкознание», «История и культура Башкортостана», «Введение в тюркологию», «История башкирского языка».

С 1995 по 1998 гг. Фирдаус Гильмитдиновна работала министром образования Республики Башкортостан. Именно в эти годы в столице Республики Башкортостан и в районных центрах были открыты десятки школ и интернатов с башкирским языком обучения, а в программу обучения в русских школах был введен предмет «Башкирский язык как государственный язык Республики Башкортостан».

В 1998 г. Фирдаус Гильмитдиновна вернулась в Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН и работала заместителем директора Института. С 2005 по 2015 гг. Фирдаус Гильмитдиновна была директором Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.

В эти годы научные изыскания Фирдаус Гильмитдиновны были связаны с лексикографией. Фирдаус Гильмитдиновной были изданы словари-справочники населенных пунктов, водных объектов, урбонимов республики, опубликованы словари башкирской мифологии, представляющие собой синтез мифологического и толкового словарей, содержащие богатый материал по мифологическим персонажам, традиционным праздникам, обычаям и природным явлениям.

Под ее руководством и научным редактированием составлены и изданы словари родинного обряда, ткачества и рукоделия, народной медицины, современной башкирской антропологии, словарь-справочник для работников предприятий бытового обслуживания и др.

Круг научных интересов Ф.Г. Хисамитдиновой поистине широк: фонетика, лексикология, лексикография, этнолингвистика, фольклорная лингвистика, этнография, духовная культура тюркских народов и др. Она не только активно работала в этой области, но и готовила специалистов. Так, под ее руководством защищены кандидатские диссертации по исторической фонетике, по обрядовой лексике, этнолингвистике. Она активно участвовала и в экспериментально-фонетических исследованиях. Работы в этом направлении велись совместно с исследователями из Института филологии Сибирского отделения РАН.

Жизнь Фирдаус Гильмитдиновны была полностью посвящена научной и научно-организационной работе. Она жила новыми идеями, планами. Только за последние пять лет Ф.Г. Хисамитдиновой было подготовлено и издано более 50 работ, в том числе такие крупные коллективные работы, как «Академический словарь башкирского языка» в 10-ти томах.

Этот словарь стал одним из наиболее крупных проектов под ее руководством в области башкирского языкознания. Данный тип словаря является первым в истории башкирской лексикографии толково-переводным словарем, максимально полно охватывающим существующую лексику башкирского языка, представленную в художественной, научно-популярной, учебно-методической, публицистической литературе, показывающим многовековое богатство языка башкирского народа.

Вклад Фирдаус Гильмитдиновны в разработку вопросов кыпчакской языковой истории можно увидеть в подготовленной совместно с О.А. Мудраком книге «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» (2018).

Велика была роль Фирдаус Гильмитдиновны и в реализации республиканских законов по поддержке башкирского языка и этноса. Под ее руководством разработаны комплексы мероприятий по реализации закона «О языках народов Республики Башкортостан», государственных программ «Сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан» на 2000–2005 и 2006–2010 гг., «Народы Башкортостана» и др.

Ф.Г. Хисамитдинова долгие годы являлась руководителем и исполнителем международных научных проектов, председателем Союза женщин Республики Башкортостан (1996–1998), Общества башкирских женщин Республики Башкортостан (2000–2003), женской комиссии Исполкома Всемирного курултая башкир (с 2000 г.).

Многогранная и плодотворная научная, общественная деятельность Ф.Г. Хисамитдиновной по достоинству оценена руководством республики. В 2003 г. ей

присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан», в 2008 г. – почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 2014 г. награждена орденом Дружбы народов, в 2020 г. – высшей наградой республики, орденом Салавата Юлаева.

Ее научное наследие навсегда останется востребованным как в башкирском языкознании, так и в тюркологии. Светлая память о Фирдаус Гильмитдиновне, талантливом исследователе, посвятившем всю свою жизнь сохранению и развитию башкирского языка и культуры, будет жить в сердцах ее учеников, коллег и единомышленников.

*Коллектив сотрудников Ордена Знак Почета
Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН,
г. Уфа*

Члены Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, сотрудники отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН и редакция журнала «Российская тюркология» выражают искренние соболезнования родным, близким и коллегам Фирдаус Гильмитдиновны.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Кызласов И.Л.</i> (Москва). Наскальные надписи на Чарыше	5
<i>Мальцева В.С.</i> (Москва). Изоглоссы для хакасско-шорского ареала: диалектное варьирование согласных <i>д</i> и <i>н</i>	26
<i>Нурьева О.А.</i> (Ашхабад). Особенности использования синонимов в произведении «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагунского (XI в.) и их пересечение с лексемами современного туркменского языка	39
<i>Шенцова И.В.</i> (Новосибирск). Лексемы с семантикой ‘мать’ и ‘отец’ в шорском языке: к проблеме диалектной отнесенности единиц	52

ОНОМАСТИКА

<i>Гордова Ю.Ю., Мудрак О.А.</i> (Москва). Тюркская топонимия в Тамбовской области	71
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

<i>Леонтьев А.П.</i> (Чебоксары). К вопросу о классификации чувашских поверий	83
<i>Муртазалиев А.М.</i> (Махачкала). Проблематика и художественное своеобразие романа Мурад-бея Мизанджи «Новый или новинка?»	98
<i>Хаджиева Т.М.</i> (Москва). Карачаево-балкарская «Нартиада» в сопоставлении с эпическими памятниками других народов	110

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

<i>Макаров С.С.</i> (Москва). К истории изучения якутского героического эпоса: динамика основных тем и подходов	119
<i>Семкулич Д.В.</i> (Москва). Диахроническое развитие терминотворческих процессов в Турции XX–XXI вв.	132

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

<i>Н.Б. Тайборина</i> (Якутск). Основоположник челканской письменности (к 65-летию со дня рождения О.Н. Пустогачевой)	142
--	-----

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

<i>Н.И. Данилова, Ф.Н. Дьячковский</i> (Якутск). Признанный лидер якутских языковедов (к 95-летию П.А. Слепцова)	149
<i>Х.Ч. Алишина</i> (Тюмень). Научная школа новейшей истории Южной Сибири (к 75-летию со дня рождения В.Н. Тугужековой)	158

<i>И.С. Насипов (Уфа), С.М. Трофимова (Элиста), М.Г. Усманова (Уфа), И.А. Меметов (Симферополь). Откуда берет начало тюменская тюркология (к 70-летию юбилею Х.Ч. Алишиной)</i>	<i>165</i>
<i>Г.С. Кунафин, Ю.В. Псянчин, С.З. Ахмадуллин (Уфа). Литературовед, текстолог и исследователь истории национальной периодической печати Башкортостана (к 50-летию со дня рождения Ф.Ш. Сибгатов).....</i>	<i>175</i>

НЕКРОЛОГИ

Мирфатых Закиевич Закиев (14.08.1928 – 18.08.2023).....	182
Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова (01.01.1950–02.10.2023).....	186

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>I.L. Kyzlasov</i> (Moscow). Rock inscriptions on the Charysh	5
<i>V.S. Maltseva</i> (Moscow). Isoglosses for the Khakass-Shor area: dialectal variation of the <i>d</i> and <i>n</i> consonants.....	26
<i>O.A. Nuryyeva</i> (Ashgabat). Features of the use of synonyms in the work “Kutadgu bilig” by Yusuf Balasaguni (the 11 th century) and their intersection with the lexemes of modern Turkmen language	39
<i>I.V. Shentsova</i> (Novosibirsk). Shor words denoting “mother” and “father”. The problem of dialectal attribution of the units	52

ONOMASTICS

<i>Yu.Yu. Gordova, O.A. Mudrak</i> (Moscow). Turkic toponymy in the Tambov region.....	71
--	----

LITERARY AND FOLKLORE STUDIES

<i>A.P. Leontiev</i> (Cheboksary). On the classification of Chuvash beliefs	83
<i>A.M. Murtazaliev</i> (Makhachkala). Issues and artistic features of Murad-bey Mizancı’s novel “Turfanda mı Yoksa Turfa mı?” (“Is It Modern or Bigoted?”)	98
<i>T.M. Khadzhieva</i> (Moscow). The Karachay-Balkar “Nartiada” in comparison with the epic monuments of other peoples	110

HISTORY OF SCIENCE, DOCUMENTS

<i>S.S. Makarov</i> (Moscow). On the history of the study of the Yakut heroic epic: dynamics of the main themes and approaches.....	119
<i>D.V. Semkulich</i> (Moscow). Diachronic development of terminology creation in Turkey in 20 th –21 st centuries.....	132

IN MEMORIAM

<i>N.B. Tayborina</i> (Yakutsk). The founder of Chelkan writing (to the 65th anniversary of O.N. Pustogacheva).....	142
--	-----

ANNIVERSARIES

<i>N.I. Danilova, F.N. Dyachkovskiy</i> (Yakutsk). The acknowledged leader of Yakut linguistics (to the 95th anniversary of P.A. Sleptsov)	149
<i>Kh.Ch. Alishina</i> (Tyumen). The scientific school of contemporary history of South Siberia (to the 75th anniversary of V.N. Tuguzhekova)	158

<i>I.S. Nasipov</i> (Ufa), <i>S.M. Trofimova</i> (Elista), <i>M.G. Usmanova</i> (Ufa), <i>I.A. Memetov</i> (Simferopol). Откуда берет начало тюменская тюркология (к 70-летию Х.Ч. Алишиной)	165
<i>Kunaġin Gh.S., Psyanchin Yu. V., Akhmadullin S.Z.</i> (Ufa). Literary scholar, textologist and researcher of the history of national periodicals of Bashkortostan (to the 50th anniversary of F.Sh. Sibagatov)	175

OBITUARIES

Mirfatykh Zakiyevich Zakiyev (14.08.1928 – 18.08.2023)	182
Firdaus Gilmitdinovna Khisamitdinova (01.01.1950 – 02.10.2023).....	186

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Российская тюркология» (РТ) просит авторов присылать свои статьи для публикации на электронный адрес журнала: rosturcology@yandex.ru – с безличным обращением: Уважаемая редакция! При этом просим руководствоваться следующими правилами оформления представляемых в журнал статей; статьи, оформленные без соблюдения этих правил, будут возвращаться без рассмотрения.

Общие положения

Научный журнал «Российская тюркология» печатается 2 раза в год сдвоенными номерами, объемом 10–12 а. л. каждый, т. е. фактически 4 номера в год. С 2020 г. журнал выходит только в электронной версии. Номера журнала доступны на сайте: <http://rosturcology.ru/>. Журнал индексируется в РИНЦ и находится в открытом доступе.

В журнале публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, литературы, фольклора, истории и этнографии тюркских народов. Помимо научных статей, в журнале печатаются рецензии на научные издания, опубликованные за последние 5 лет и относящиеся к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на *русском, английском и турецком* языках. Статьи должны содержать – под личную гарантию авторов – неопубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются.

Текст статьи должен быть тщательно вычитан и проверен носителем русского языка. Статьи, содержащие грубые грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Передавая рукопись в редакцию, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст статьи на интернет-ресурсах до тех пор, пока не будет принято решение о ее публикации в журнале «Российская тюркология».

РТ публикует материалы по следующим рубрикам:

- ♦ Структура и история языка
- ♦ Дискуссии и обсуждения
- ♦ Языковые связи
- ♦ Ономастика
- ♦ Культурология
- ♦ Литературоведение
- ♦ Фольклористика
- ♦ История науки, документы
- ♦ Рецензии и аннотации

- ♦ Научная жизнь
- ♦ Хроника
- ♦ Памяти ученого
- ♦ Персоналии

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ♦ актуальности;
- ♦ проблемности;
- ♦ научной новизны;
- ♦ доказательности;
- ♦ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материала для публикации.

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят двойное слепое рецензирование, а также проверку на уникальность. Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Небольшие исправления стилистического или формального характера вносятся в текст статьи без согласования с автором; статьи, требующие серьезных исправлений, возвращаются авторам на доработку вместе с замечаниями рецензентов и членов редколлегии.

Возвращение рукописи автору на доработку **не означает**, что статья не принята к печати. Автор должен доработать статью, отметив исправленные части текста желтым цветом и добавив индекс 2 к заглавию, а затем в 10-дневный срок переслать ее обратно в редакцию. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Статьи утверждаются к печати по решению редколлегии, в порядке общей очереди.

Требования к оформлению статьи

Авторский оригинал статьи может быть представлен для публикации в РТ на одном из трех языков – русском, английском или турецком в двух форматах – doc/docx или PDF (для контроля правильности отображения особых знаков).

Статья должна содержать следующие данные:

Код **УДК**, соответствующий тематике статьи или рецензии (указывается автором).

DOI (присваивается редакцией).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру. Он должен кратко и точно отражать содержание статьи или рецензии.

Благодарность или признательность (при необходимости) размещается в виде постраничной сноски к названию статьи и отмечается символом *. Здесь также можно указать информацию о финансовой поддержке исследования. Если статья является публикацией поготавливаемой кандидатской или докторской диссертации, необходимо указать этот факт, назвать утвержденную тему диссертации, а также фамилию и ученое звание руководителя / консультанта (оформляется в виде сноски к заглавию статьи).

Сведения об авторах содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, их ученые степени и ученые звания, а также должности с указанием места работы. Обязательно указать город и страну. Указывается контактный адрес (e-mail – индивидуальный или рабочий), телефон (для связи с редакцией, в журнале не публикуется). Сведения об авторе (авторах) следует также продублировать на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения. Каждый из авторов должен указать Scopus ID и ORCID (при наличии).

Аннотация (Abstract) на русском и английском языках (не менее 200 слов) должна отражать новизну, цели и задачи, основные методы, а также главные результаты работы. Она не должна содержать ссылки на разделы, цитаты, рисунки или номера цитируемой литературы.

Ключевые слова (Key words) на русском и английском языках (от 5 до 10 слов) используются для поиска читателем статьи в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тематику, объект и предмет исследования.

Текст

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – Times New Roman (12 пт), межстрочный интервал – 1,5 строки, интервал до и после абзаца – 0, абзацный отступ – 0,75 см.

Примеры на национальных языках, а также на русском языке необходимо давать *курсивом*. Если пример оформлен оригинальным шрифтом, этот шрифт должен быть прислан в редакцию вместе со статьей по электронной почте.

Все примеры на национальных языках должны **в обязательном порядке** сопровождаться переводом на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы приводятся прямым шрифтом в марровских кавычках (‘’).

Заголовок набирается прописными буквами с выравниванием по центру, на следующей строке идет фамилия автора (инициалы стоят впереди).

Специальные символы набираются шрифтами, поддерживающими Unicode.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках (напр., [Малов 1951: 430]); в случае необходимости постраничные *сноски* должны вводиться верхним индексом и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу.

Ориентировочный объем статьи – от 0,7 до 1 а. л. (28–40 тыс. знаков с пробелами), включая список литературы, аннотацию и постраничные сноски. Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «Иванов И.И. Статья для РТ».

Иллюстрации

Число рисунков не должно превышать 5.

Они должны быть выполнены на компьютере или черной тушью на белой бумаге с обозначением всех необходимых букв и символов и обязательно упомянуты в тексте.

Размеры рисунков не должны превышать размеры текстового поля.

Рисунки в компьютерном исполнении должны быть внедрены в текст в режиме «Вставка – Объект – Рисунок». Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman (9 пт) и вставляются в режиме «Вставка».

Рисунки, выполненные на бумаге, должны иметь подрисуночные подписи. На обороте каждого рисунка необходимо написать карандашом ФИО автора и № рисунка. Надписи не должны повреждать лицевую часть, при необходимости указать верх рисунка.

Таблицы

Выполняются в режиме «Таблица» редактора Word с заголовками или без них шрифтом 10 пт.

Таблицы должны быть обязательно упомянуты в тексте.

Список литературы

Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные; все набирается шрифтом Arial (9 пт).

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц.

Для отдельных статей в периодических изданиях или сборниках – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии // название журнала (или сборника), место издания, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения.

С 2019 г. введены дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям:

- литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках {};

- далее следует литература на национальных языках; она должна содержать перевод на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки, а также указание на язык издания (в круглых скобках);

- литература на иностранных языках (за исключением изданий на английском, немецком и французском языках) дается в списке после литературы на русском и национальных языках и должна быть переведена на русский [в квадратных скобках] и английский {в фигурных скобках} языки и также содержать указание на язык издания (в круглых скобках).

В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

Примеры оформления

Благова 1982 – *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М.: Наука, 1982. {*G.F. Blagova. Turkic declension in the light of areal and historical data. – Moscow: Nauka, 1982.*}

Валеев, Тугужекова 2011 – *Валеев Р.М., Тугужекова В.Н.* Профессор Н.Ф. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 1. – С. 14. {*R.M. Valeyev, V.N. Tuguzhekova. Professor N.F. Katanov and his contribution to ethnography and folk-*

lore studies related to the Turkic peoples of Central Asia // New Tuva Researches. – 2011. – No. 1. – P. 14.}

Əlizadə 1993 – *Əlizadə S.* Əski Azərbaycan yazısı. [*Ализаде С.* Старая азербайджанская письменность.] – Bakı: Bakı Universiteti, 1993. – 142 s. {*S. Alizadeh.* Old Azerbaijani script. – Baku: Baku University, 1993. – 142 p.}(In Azerbaijani)

Dilçiler 2019 – Türkiye dışındaki türk dünyası türkologları. Dilçiler. [Тюркологи тюркского мира за пределами Турции. Языковеды.] – Ankara: Akçağ, 2019. {The Turkologists of Turkic World (outside Turkey/Türkiye). The Linguists. – Ankara: Akçağ, 2019}. (In Turkish.)

Schönig 1992 – *Schönig C.* Analogie als sprachbildende Kraft in den Türksprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. [Аналогия как языкообразующая сила в тюркских языках // История фонетики и лексики тюркских языков. – Wiesbaden, 1995]. (In German).

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Экба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*